

Г О Д
ИЗДАНИЯ
ТРЕТИЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

О
Р
Г
А
Н
И
Н
С
Т
И
Т
У
Т
А
Э
К
О
Н
О
М
И
К
И
К
О
М
М
У
Н
И
С
Т
И
Ч
Е
С
К
О
Й
А
К
А
Д
Е
М
И
И

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 7-8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

СТАТЬИ

Ю. Милонов — Вопросы техники в период соц. реконструкции	3
И. Пильмейстер — К вопросу о реконструкции тракторостроения и комбайно- строения во второй пятилетке.	13
А. Залкинд — К вопросу планирования труда в СССР	23
А. Стороженко — Об уничтожении противоположности между городом и деревней	38
Пашков — Политическая экономия — партийная наука	48
Я. Сегалл — Структура промышленного капитала	58
А. Г. Греблис — Некоторые вопросы экономического кризиса в Германии . . .	75

Т Р И Б У Н А

А. Курошко — К вопросу о политической экономии в широком смысле	95
---	----

К Р И Т И К А и Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

В. Исаков — Старое в новом	126
И. Марков — С. Д. Слуцкина. Основные закономерности развития империализма (закон неравномерного развития и загнивания капитализма)	137

Н А У Ч Н А Я Ж И З Н Ъ

Доклад Л. Гатовского — О характеристике советской торговли на современном этапе	145
--	-----

Ю. МИЛОНОВ

ВОПРОСЫ ТЕХНИКИ В ПЕРИОД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

«Революция,— писал Ленин еще в сентябре 1917 г. в своей брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»,— сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны»... «Либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически. Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей».

И после завоевания пролетариатом власти Ленин со всей остротой выдвинул проблему создания технической базы для строительства социализма. Он указывал на то, что в период диктатуры пролетариата техника играет решающую роль. «Если электрификация — через 10 — 20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого землевладельца и свободная торговля его в местном обороте. Если не электрификация — все равно неизбежен возврат к капитализму». Владимир Ильич разъяснил, что капитализм «держится на мелком хозяйстве и, чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства».

Формула Ленина: «Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны» имеет глубокий смысл. В этой формуле выражено все значение технической реконструкции всего народного хозяйства.

Таким образом Ленин со всей резкостью поставил вопрос о решающем значении техники в деле строительства социализма в период диктатуры пролетариата. Это положение Ленина заострил т. Сталин в своей формуле:

«В период реконструкции техника решает все».

Было бы величайшей ошибкой думать, что т. Сталин просто на-просто к случаю напомнил это ленинское положение. Смысл его формулы гораздо глубже. Она выражает всю особенность переживаемого нами сейчас периода социалистической реконструкции.

Ленин поставил задачу «перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу», «подвести техническую базу» под социалистическое строительство, задачу «переработки всей промышленности» и сельского хозяйства «с точки зрения условий крупного машинного производства».

В тот момент в рядах партии не было еще достаточного кадра людей, которые настолько хорошо знали бы технику, чтобы могли непосредственно выполнить задачу, поставленную Лениным. В этих условиях ничего другого не оставалось, как использовать техническую интеллигенцию, не вмешиваясь в техническую сторону дела и огра-

ничиваясь лишь политическим руководством. Характеризуя этот период, т. Сталин говорит:

«Лет десять назад был дан лозунг: «Так как коммунисты технику производства еще как следует не понимают, так как им нужно еще учиться управлять хозяйством, то пусть старые техники и инженеры, специалисты ведут производство, а вы, коммунисты, не вмешивайтесь в технику дела, но, не вмешиваясь, изучайте технику, изучайте науку управления производством не покладая рук, чтобы потом стать вместе с преданными нам специалистами настоящими руководителями производства, настоящими хозяевами дела».

В тогдашних условиях этот лозунг был правильным и современным. Однако его смысл был оппортунистически извращен правыми.

Тов. Сталин показал, как «вторую часть этой формулы отбросили, ибо учиться труднее, чем подписывать бумаги, а первую часть формулы опошили, истолковав невмешательство как отказ от изучения техники производства».

Идея невмешательства в технику выросла из общих неверных и вредных теоретических и политических установок правых.

В основе ее лежит антиленинская механистическая теория социалистической революции, развитая в свое время т. Бухариным. Рассматривая революцию как сумму фаз, которые совершаются одна без другой и одна после другой, т. Бухарин изображает в своей «Теории исторического материализма» перестройку техники так:

«Четвертой (и последней) фазой революции является революция техническая. После того как достигнуто новое общественное равновесие, т. е. создана новая устойчивая оболочка производственных отношений, могущая служить формой развита производительных сил, с определенного пункта начинается ускоренное их развитие: препоны сломаны, раны, нанесенные социальным кризисом, залечены, начинается небывалый подъем. Вводятся новые орудия, подводятся новый технический фундамент — происходит техническая революция».

«Новое общественное равновесие» ему представляется простой «перестановкой классов» и установлением между ними «связи другого типа». Впоследствии Бухарин расшифровал свои первоначальные формулы и разъяснил, что новое равновесие создается мирным «врастанием в социализм» всех остатков и обломков капиталистического общества и прежде всего кулака и нэпмана. Отсюда следовало, что неизбежно врастание в социализм и буржуазной интеллигенции, точнее буржуазной верхушки интеллигенции, которая не перешла на сторону пролетариата, а осталась в лагере наших врагов. Это привело к полному непониманию того, что в области техники возможна и неизбежна классовая борьба. Это помешало предвидеть и предотвратить такие выступления классового врага, как вредительство.

А между тем период реконструкции, период завершения постройки фундамента социалистической экономики, развернутого наступления социализма по всему фронту и ликвидации последних остатков эксплуататорских классов, классовая борьба вокруг техники, в области техники и средствах техники — приобрели совершенно исключительную остроту и значение.

Этого не понимали и не понимают оппортунисты. Они убеждены, что кулак и буржуазная верхушка интеллигенции могут мирно врасти в социализм. Они, несмотря на вопиющие факты бешеного сопротивления кулака и старых буржуазных специалистов социалистическому строительству, уверены в том, что классовая борьба будто бы затухает.

В попытках кулака монополизировать в своих руках применение трактора в конце восстановительного периода и в фактах уничтожения кулачеством с.-х. машин, принадлежащих колхозам, они неспособны разглядеть актов классовой борьбы. Оппортунисты безнадежно не понимают, что трактор в кулацких руках был бы орудием эксплуатации бедняка и середняка, орудием восстановления капитализма. Наоборот колхозный трактор есть орудие социалистического строительства, орудие сплошной коллективизации и ликвидации на базе этой сплошной коллективизации кулачества как класса.

В отставании и проведении вредителями таких мероприятий, как поддержка геолого-разведывательных работ, борьба против пылевидного топлива, ввоз паровозов, не пригодных для наших дорог, постройка фабрик-дворцов — многие хозяйственники не смогли различить маневров классового врага. Эти мероприятия казались им в одних случаях использованием последних достижений передовой технической мысли, в других — невинными ошибками. Они не понимали, что непригодные для наших дорог паровозы, на ввозе которых настаивали вредители, были орудием классового врага в его борьбе против социалистического строительства. Они не поняли и классовой сущности знаменитой теории затухающей кривой, которую применяли в области планирования Рамзины и Громаны. Это раскрыл в своем выступлении на XVI партсъезде т. Сталин. «Эта теория, — говорил он, — есть теория оправдания нашей отсталости. Она не имеет ничего общего с марксизмом, с ленинизмом. Она есть буржуазная теория, рассчитанная на то, чтобы закрепить отсталость нашей страны». Вредители эту теорию применяли как наукообразное прикрытие вредительства. Оппортунистам же она казалась и кажется просто безобидным научным построением. Оппортунисты не понимают, что всякое отставание антимарксистских теорий и концепций: идеалистических, механистических и т. д., является классовой борьбой со стороны врагов пролетариата.

Все это привело к тому, что люди, которым партия доверяла работу на одном из важнейших участков классовой борьбы, проглядели работавшую под носом у них контрреволюцию.

«Сама жизнь, — говорит т. Сталин, — не сигнализировала нам о неблагоприятии в этом деле. Шахтинское дело было первым сигналом. Шахтинское дело показало, что у парт-организаций и профсоюзов нехватало революционной бдительности. Оно показало, что наши хозяйственники безобразно отстали в техническом отношении, что некоторые старые инженеры и техники, работая бесконтрольно, легче скатываются на путь вредительства, тем более, что их непрерывно донимают «предложениями» враги из-за границы».

Второй сигнал — процесс промпартии.

Конечно в основе вредительства лежит классовая борьба. Конечно классовый враг бешено сопротивляется социалистическому наступлению.

Диалектический анализ технического развития СССР действительно убеждает в том, что техническая реконструкция является неотъемлемой составной частью социалистического строительства. Она, эта техническая перестройка, вызывает, как и все другие мероприятия социалистической стройки, обострение классовой борьбы. Бешеное со-

противление классового врага выражается в форме вредительства технической интеллигенции. Техническая реконструкция сельского хозяйства вызывает бешеное сопротивление кулака. Она требует немедленного и решительного отпора этому кулацкому сопротивлению. Эта техническая реконструкция возможна лишь на основе коллективизации и в то же самое время она подводит под коллективизацию прочную базу. Таким образом она не только арена классовой борьбы между пролетариатом, с одной стороны, и остатками и агентами эксплуататорских классов, с другой, но и орудие выкорчевывания последних остатков капитализма, и в частности, орудие ликвидации кулачества как класса.

Техническая революция, совершается не после окончания классовой борьбы, а наоборот в период ее наибольшего обострения, в период ликвидации классов.

Оппортунисты извратили смысл данного 10 лет тому назад лозунга. Но и независимо от этого он уже потерял свое значение, потерял потому, что классовая борьба и социалистическое строительство требовали от коммунистов уже не одного общего руководства специалистами, но и работы в качестве специалистов.

На отбросить старый лозунг, отживший лозунг о невмешательстве техники и стать самим специалистами, знатоками дела, стать сам полными хозяевами дела», — формулировал задачу т. Сталин.

«Если бы мы гораздо раньше перешли к изучению техники дела, к овладению техникой, если бы мы почаще и толково вмешивались в руководство хозяйством, вредителям не удалось бы так много навредить».

Овладеть техникой — это вовсе не значит уйти в технику от политики, ради техники забыть политику. О таких очевидных вещах можно было бы не говорить, если бы и в этом вопросе не было неверных установок, извращений генеральной линии партии.

Правым кажется, что основная идея пятилетнего плана есть идея развития производительных сил, совершенно независимо от того, в каком направлении идет это развитие. Только бы развивались производительные силы, а в каком секторе — в частнокапиталистическом или в социалистическом, по какой линии — социалистической или капиталистической — это, по их мнению, не имеет существенного значения.

Именно эту нелепую идею критиковал т. Сталин, когда он на XVI партсъезде говорил:

«Нам нужна не всякая индустриализация, нам нужна такая индустриализация, которая обеспечивает растущий перевес социалистических форм промышленности над формами мелкотоварными и тем более капиталистическими. Характерная черта нашей индустриализации состоит в том, что она есть индустриализация социалистическая, индустриализация, обеспечивающая победу обобщественного сектора промышленности над секторами частнохозяйственным, над сектором мелкотоварным и капиталистическим».

Развитие производительных сил наша партия всегда рассматривала не как самоцель, а как средство построения социализма, как орудие политической борьбы. Именно поэтому Ленин писал про план электрификации:

«На мой взгляд — это наша вторая программа партии. Наша программа партии не может оставаться только про-

граммой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она негодна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники. Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем.

Не понимая ленинской постановки вопроса, оппортунисты извратили и данную Лениным формулу генеральной линии нашего технического развития:

«Ксммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны».

В их руках «электрификация всей страны» превратилась просто в «электрификацию». Задача социалистической реконструкции — ибо электрифицировать «всю страну» можно только на базе социалистического строительства — ими была сведена просто к применению электрической энергии, сравнительно узкой и чисто технической задаче. Электрификация всей страны это то, против чего вели бешеную борьбу Рамзины, Громаны и Сухановы. Просто электрификация это то, против чего не будет возражать пожалуй даже ни один вредитель

Конечно, есть люди, которые лозунг (овладеть техникой) толкуют в том смысле, что все дело сводится к простому изучению технических вопросов и дисциплин. Однако на этом пути нельзя «стать специалистами, знатоками дела, стать полными хозяевами дела».

Овладеть техникой это вовсе не значит уйти в технику от политики или ограничиться изучением технических дисциплин. Это значит поставить ее на службу социалистическому строительству. Овладение техникой есть глубокое знание технических вопросов плюс применение в этих вопросах марксо-ленинской диалектики.

Вмешательство в технику без внесения в нее диалектики и политики будет нисколько не лучше невмешательства.

Только технические знания не гарантируют от многих крайне вредных политических ошибок.

Оппортунисты не понимали и не понимают, что некоторые последние достижения капиталистической техники могут быть совершенно непригодны для страны строящегося социализма.

Возьмем в качестве примера трактор системы фортзон. Это мало-мощная 15—20-сильная машина, необходимая и достаточная для среднего фермерского хозяйства с его небольшой посевной площадью и малолемельным плугом. Он пригоден, но недостаточен для нашей страны, где коллективизация колоссально расширяет площадь запашки и требует применения тяжелых многолемельных плугов. С коллективизацией, как показал т. Яковлев на XVI съезде партии, то, что на капиталистическом Западе считается крупным хозяйством, превращается у нас в мелкое и даже мельчайшее. Поэтому мы в нашем зерновом хозяйстве из последних достижений тракторостроения сделали ставку не на фортзоны, а на более мощные клетраки и катерпиллеры. Фортзон же оставили лишь для огородных культур, пропашки междурядий и т. п. работ, где тяжелые и громоздкие многосильные машины пока еще малопригодны.

Очень показательен и поучителен в этом отношении один из фактов вредительства на транспорте. Паровозы, которые вводили вредители, являются последним достижением американской железной дороги.

ной техники, но они благодаря своей тяжести непригодны для нашей теперешней колеи и мостов. Без перекладки пути и перестройки мостов они должны были разрушить наш транспорт. А перестройка всей сети в тот момент не входила в план реконструкции транспорта. Таким образом последнее достижение техники превращалось в свою противоположность, в средство разрушения строящегося социалистического общества.

Таково положение вещей. А между тем оппортунисты делали ставку на маломощные фордзоны и не препятствовали ввозу непригодных для нас паровозов. Ввозили все это только потому, что они являлись последним словом капиталистической техники.

Партия решением XVI партконференции предостерегла против такого «струвистского толкования» лозунга «догнать и перегнать». Это решение означало, что надо заимствовать за границей лишь то, что соответствует нашему социальному строю, строящемуся социалистическому обществу.

Однако из этого не следует, что надо нацело отрицать капиталистическому обществу.

Нельзя забывать того, что даже в машинах, не соответствующих по своей мощности социалистическому хозяйству, скрыты и дремлющие возможности, которые капиталистическое хозяйство обнаружит и пробудит не в силах. Социалистический строй изменяет не только социальный, экономический, но и технический эффект машин, благодаря принципиально иной социальной организации труда и производства.

Не понимая этого, правые доказывали, что нельзя начинать коллективизации без тракторизации, что коллективизация без и до машинизации невозможна и ненужна. Тов. Сталин на конференции аграрников-марксистов разъяснил, что даже в тех колхозах, «которые опираются на простое сложение крестьянских орудий производства» и «как будто бы не отличаются с точки зрения техники от мелкого крестьянского хозяйства», «простое сложение крестьянских орудий... дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики».

Последние достижения техники партия анализирует диалектически, разрушая заблуждения и возможности применения их на вечные времена и в то же время гарантируя себя от вредных заскоков.

Для примера можно взять тот же трактор. Развитие электрификации сельского хозяйства, которая, как говорил на XVI партсъезде т. Сталин, еще «находится у нас в стадии опытной разработки», приведет к тому, что придет «пора перейти от трактора к электрификации сельского хозяйства». Было бы ошибкой считать, что прогресс техники остановится на тракторе.

Однако это обстоятельство вовсе не обозначает, что мы уже «вплотную подошли» к электрификации сельского хозяйства, как думал автор записки, поданной на съезде т. Сталину. Сознание исторической относительности последних достижений техники предполагает понимание и тех условий, без осуществления которых невозможно перейти к высшему этапу. Эту мысль и формулировал в своем возращении на записку т. Сталин.

«Нельзя говорить, — разъяснил он, — что мы вплотную подошли к делу электрификации сельского хозяйства. Если бы мы действительно вплотную подошли к электрификации сельского хозяйства, то мы имели бы уже теперь районов 10—15 с электрифицированным с.-х. производством. Но вы хорошо знаете, что ничего подобного нет».

у нас пока. Некоторые товарищи думают, что тракторы уже отжили свой век, что пришла пора перейти от трактора к электрификации сельского хозяйства. Это конечно чепуха и фантастика. Таких товарищей надо осаживать».

Вот несколько образцов генеральной линии партии в области техники. Они показывают, что значит для большевика овладеть техникой.

Техника в период реконструкции решает все в том смысле, что она является решающим участком на фронте классовой борьбы и важнейшим орудием ликвидации классов.

В технике перед нами стоит целый ряд совершенно новых задач, которые вытекают из особенностей нашего социалистического хозяйства.

Наше хозяйство, в отличие от капиталистического хозяйства, анархического, есть хозяйство плановое. Если в капиталистическом обществе можно только подслушать или подсмотреть тенденцию стихийного развития техники, то мы можем и должны развитие техники планировать. Надо планировать нашу технику так, чтобы она была, как Маркс говорил, адекватной нашему социальному строю, чтобы она отвечала требованиям нашего социалистического хозяйства.

Каковы же эти требования и чем они обусловлены. Они обусловлены социалистической организацией труда и производства, масштабами наших предприятий, совершенно отличными от масштабов капиталистических, темпами нашей работы, совершенно отличными от темпов капиталистических. Все это выдвигает перед техниками целый ряд совершенно новых проблем.

В нашей прессе были указания на то, что современная текстильная машина, являющаяся последним достижением капиталистической техники, не вполне пригодна для нашего социалистического хозяйства, потому что она вредно действует на психику рабочего своим монотонным шумом и визгом. Конечно проблема устранения в машине этой особенности в капиталистическом обществе вообще не стоит перед конструкторами, потому что там рабочая сила является лишь товаром. У нас же рабочая сила «есть способность к труду строителей социализма». Поэтому мы не можем не заострить эту проблему. Очевидно нам нужно продумать вопрос о том, как освободить те машины, которые мы заимствуем на Западе и конструируем сами, от вредного влияния на рабочего. Это чрезвычайно важная проблема. Ее надо поставить, над ней надо работать, на работу над ней надо мобилизовать внимание и активность наших техников.

Конечно найдутся люди, которые в ответ на это будут говорить об экономической выгодности. Экономическая выгодность есть момент крайне важный. Но не надо забывать, что мы говорим о социалистической выгодности. То что выгодно с капиталистической точки зрения, у нас часто превращается в свою собственную противоположность. Там например отравление рабочих при доменном процессе, абсорбция кровяными шариками окиси углерода не учитывается конструкторами. И там это в порядке вещей. У нас в стране строящегося социализма мы этого не учитывать не можем. В наших конструкциях и рецептах должна быть овеществлена и охрана труда.

Остановимся кратко на масштабах нашего производства. То, что на Западе является средним и крупным, у нас становится мелким и мельчайшим. Эти масштабы предъявляют к машине такие требова-

ния, которые нередко капиталистическая машина удовлетворить не в состоянии. В качестве примера можно привести то, что мы имели с трактором. Раньше мы делали ставку, скажем, на маломощный трактор, затем должны были сделать ставку на трактор большой мощности. Это органически связано с новыми, исключительными, невозможными для капиталистического хозяйства, масштабами нашего производства.

Перед нами стоит задач пересмотреть все машины под тем углом зрения, насколько они отвечают масштабам нашего производства. А в дальнейшем наши конструктора должны давать машины соответствующих масштабам нашего хозяйства размеров, мощностей и продуктивности.

Далее, капиталистические машины нередко не выдерживают наших темпов. Например в рубовая машина последней конструкции оказывается непригодной для работы в 2-3 смены, потому что узким местом ее является охлаждение; ее приходится останавливать во время работы только для того, чтобы она не перегревалась. Наши темпы работы требуют пересмотра машин под углом зрения выяснения и устранения всего того, что мешает их ускорению.

Проблема ускорения темпов вплотную подводит нас к задаче выбрасывания лишних звеньев на путях нашего технического развития, на путях реконструкции технологического процесса. Теперь уже осознали, что изучать историю техники необходимо между прочим и для того, чтобы выяснить, какие звенья на путях исторического развития техники можно нам, в наших условиях, безболезненно миновать и выбросить. Сейчас ряд инженеров работает над вопросом о преодолении групповой и внутренней трансмиссии. Недавно в Институте техники Комакадемии был доклад ленинградского инженера Фридкина об электрокарданной машине. Тов. Фридкин сделал попытку устранить в машине внутреннюю трансмиссию, соединив и совместив чесальный барабан с ротором асинхронного электродвигателя. В цветной металлургии при добывании из руды свинца прилагают все усилия к тому, чтобы этот свинец не подвергался окислению; между тем при изготовлении свинцовых белил этот самый свинцовый глет готовится из чистого металла. И вот уже раздаются голоса, что можно и нужно сразу же на месте добычи свинца определенную часть продукции превращать в глет. Наконец группа товарищей во главе с проф. Чижевским и инж. Казанским работает над громадной проблемой прямого получения железа непосредственно из руд, а не из переделанного чугуна. Другими словами ставится вопрос о выбрасывании из черной металлургии заключительной стадии доменного и всего мартеновского процесса. Но не надо думать, что применение нового метода обязательно убьет домну. Может быть совсем наоборот, оно только поставит перед ней новые задачи, ограничит круг ее применения. Но не исключена и такая возможность, что домна разовьется на новой основе. Ленин указывал, что развитие идет не кругами, а спиралями, и мы действительно нередко возвращаемся к прошлому, но уже на новой основе. Возьмем такую вещь, как пар. Когда появился двигатель внутреннего сгорания, казалось, что песенка пара спета. Оказалось, что изобретение паровой турбины сделало паровой двигатель одной из баз электрификации. Хайрам Максим, изобретатель автоматического пулемета, в конце прошлого века пытался поставить паровой аэроплан. Конечно эффект был ничтожен:

аппарат поднялся на воздух, продержался несколько секунд, упал и разбился вдребезги. А сейчас в ряде стран ведется работа над установкой на аэроплане паровой турбины мощностью в 15 тыс. лошадиных сил, причем коэффициент полезного действия и все параметры этого парового двигателя оказываются выше, чем в двигателе внутреннего сгорания. Вот оказываются какие возможности скрыты в паре. Не нужно отрезать себе возможностей, их надо искать и использовать. Мы должны глубоко подумать над высказыванием т. Сталина на XVI партсъезде относительно электрификации.

Нельзя ни на минуту забывать, что переход к новому в технике не означает отказа от старого, отказа нацело и сейчас же. Метафизическими являются рассуждения по формуле — да-да, нет-нет, что сверх того, то от лукавого. Тов. Сталин говорил, что «каждую кобылу нужно использовать до конца». Когда ограничиваются только использованием этой кобылы и не видят новых поворотов и переверотов, это правый оппортунизм. Когда видят только перевероты и не используют до конца каждой кобылы, — впадают в левый загиб. Партия борется и против того и против другого.

Перед нами стоит задача не только социалистической реконструкции техники, но и использования до конца того, что нам дает капиталистический строй, задача открыть в этой технике такие возможности, которые скрыты капиталистическим применением машин и технических процессов.

Надо застраховать себя от участия тех политических деятелей и полководцев, про которых говорил т. Сталин, что они при всех благоприятных объективных условиях не могли выиграть сражения потому, что субъективно оказались неподготовленными.

Ленин неоднократно повторял, что необходимо «уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и прочно подготовить переход к следующему звену».

Предвидя, что эту замечательную формулу будут толковать механистически и ставить знак равенства между обычной железной цепью и цепью исторических событий, он делал оговорку, предупреждая против такой опасности. «Порядок звеньев — писал Ленин, — их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, сделанной кузнецом цепи». (Собр. соч. т. XV, с. 206).

А недостатка в механистическом перенесении на историческое развитие общества механических свойств железной цепи не было и нет. Механисты всех разновидностей и оттенков считали и считают звенья совершенно равными друг другу, игнорируют их порядок, их форму, их сцепление и их отличие друг от друга.

Если игнорировать все это, то «применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, — как говорил Энгельс, — чем решать самое простое уравнение первой степени».

В железной цепи при испытании ее на разрыв прочность всей цепи определяется устойчивостью самого непрочного звена, на котором цепь и рвется. Когда этот механический закон механистически навязали историческому развитию общества, получилась оппортунистическая теория равнения по узким местам. Но попытка свести применение теории к уровню решения простого уравнения первой степени по-

терпела полный провал, который выразился в крахе всей теории и политики правого оппортунизма.

Руководствуясь открытым Лениным законом решающего звена и учета порядка звеньев, их форму, сцепление и отличие друг от друга, партия смогла преодолеть те самые «узкие места», по которым призывали равняться правые.

С точки зрения ленинского закона решающего звена узкие места являются не конечным, а исходным пунктом задачи. Они не решают задачу, а наоборот ставят ее. Теория решающего звена требует преодоления узких мест. Но было бы величайшей ошибкой подменять решающее звено узким местом, сводить решающее звено к узким местам. Это механицизм, но завуалированный, оппортунизм, но в раздавленном виде. Здесь то же равенство по узким местам, но только не такое откровенное и безоговорочное.

Узкие места всегда ставят задачу, всегда требуют преодоления. Но в социалистическом обществе задачи ставятся не только узкими местами. Они ставятся здесь хозяйственным планом даже и на таких участках, где достаточно простора для развития. Так, например, электрификация сельского хозяйства отнюдь не являлась узким местом в 1921 г., когда Ленин со всей остротой поставил эту проблему, решающую по своему значению.

Теперь, когда техника решает все, надо найти решающее звено в технике. Таким звеном является производственно-техническая пропаганда, которая двумя специальными постановлениями ЦК поставлена в центр внимания всей партии. За это звено надо сейчас всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и прочно подготовить переход к следующему звену.

Надо понять особенность этого звена, заключающегося в том, что масса, которую надо охватить производственно-технической пропагандой, неоднородна в отношении интересов и уровня подготовки. Это требует различного подхода к разным группам.

Если инженеру надо начинать с последних достижений науки, то рабочему быть может целесообразнее начать с реконструкции его рабочего станка и рабочего процесса.

При разворачивании производственно-технической пропаганды необходимо помнить, что нельзя ограничиваться только теми участками, которые являются узкими местами; ведь тогда из поля зрения выпадут такие, например, мероприятия, как технизация детской игрушки, создание технической романтики в искусстве и т. д.

Наконец, нельзя недооценивать, а тем более совсем игнорировать, роли методологии. Беспартийная производственно-техническая пропаганда есть разновидность «невмешательства» в технику. Производственно-техническая пропаганда должна быть насквозь политической, насквозь партийной.

И. ПИЛЬМЕЙСТЕР

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ТРАКТОРОСТРОЕНИЯ И КОМБАЙНОСТРОЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Успехи социалистической организации труда с исключительной силой и рельефностью выступают в великом историческом опыте переделки нашей деревни, в осуществлении сплошной коллективизации и ликвидации на ее основе кулачества как класса. К концу первой пятилетки коллективизация сельского хозяйства в СССР будет в основном закончена. Это одна из грандиозных и ярких побед первой пятилетки, одна из замечательнейших побед социалистического строительства.

Наша страна уже сейчас стала страной самого крупного и передового сельского хозяйства. Это вынуждены признать и наши враги. В специальной и периодической печати Германии и САСШ наряду с «моральными заклинаниями» по адресу диктатуры пролетариата имеются полные изумления отзывы об успехах нашего совхозного и колхозного движения.

Описывая свои впечатления о поездке по СССР, инженер Вренпер признает исключительные преимущества нашего крупного социалистического хозяйства по сравнению с крупными капиталистическими хозяйствами САСШ и Германии — не только по масштабу производства, но и по более высокой степени организации труда и производительности труда.

Он приводит следующие данные: в совхозе «Гигант» один рабочий обрабатывает 60 га, в Германии один рабочий обрабатывает от 2 до 20 га, в том же совхозе комбайн за 20 дней убирает 500 га, в Германии — от 100 до 180 га („Die Technik in der Landwirtschaft“, май 1930, с. 120).

Проф. Anhagen, отдавая долг клевете об «отступлении партии от ленинского пути», о «терроре в политике коллективизации», вынужден отметить гигантский рост строительства заводов, совхозов, колоссальные успехи коллективизации. Свою статью он заканчивает призывом «изучать не только негативные стороны, но и результаты положительной работы большевистской аграрной революции» («Die Technik in der Landwirtschaft» август 1930, с. 218—221).

В своем докладе «о судьбах капитализма» один из апостолов спасения «рационального» капитализма, В. Зомбарт, указывает, что применение трактора в Германии дает отрицательные результаты.

Передовая техника стала непосильной ношей для капитализма. Это особенно проявляется на слабых участках капитализма — в сельском хозяйстве. Широкое применение тракторов и комбайнов оказывается абсолютно не по силам сельскохозяйственному капитализму Европы. В Америке (САСШ) эффективное использование трактора идет по понижающейся кривой.

Так по данным Дж. Хопкинса в штате Иови среднее использование

трактора составляло в	1925 г.	358 часов
	1926 г.	302 "
	1927 г.	236 "

В СССР среднее использование тракторов в 1927/28 г. составляло:

	Часы		Часы
В совхозах	1 385	В с.-х. артелях . .	1 186
В коммунах	1 215	В тозах	1 114

Противоречия между производственными отношениями, которые стали оковами для развития производительных сил, и наличными производительными силами приобретают глубочайший характер в условиях капитализма, особенно в сельском хозяйстве.

Идеологи спасения капитализма ищут выхода из тупика, каждый в своей области.

Подобно тому как певцы «организованного» капитализма во имя спасения буржуазного способа производства от катастрофического кризиса требуют «плановой организации» хозяйства наподобие СССР, точно так же идеологи «механизации сельского хозяйства» занимаются пропагандой «идеи коллективизации на базе частной собственности и сохранения» этического и нравственного идеала «здорового» крестьянства.

И Anhagen, и Brenner и особенно проф Münziger вынуждены констатировать, что механизация сельского хозяйства при данных условиях сельскохозяйственного капитализма в Германии является невозможной.

А с другой стороны, имеют место меланхолические утверждения, что «индивидуальное крестьянское хозяйство в современных условиях без наличия свободных капиталов нерентабельно».

Где же тогда выход? Только в большевистской аграрной революции.

Но говоря об использовании ее положительного опыта, буржуазные апологеты с неистовством восклицают о необходимости сохранения здорового крестьянского (читай — кулацкого) духа».

«Каждый воспитанный в немецком духе человек решительно отвернется от таких перспектив, так как сохранение крепкого крестьянского сословия всегда является для нас «*conditio sine qua non*» «для здоровья народа» и «восстановления».

А посему немецкий ответ в 99 из ста случаев будет таков: «Если даже было бы возможно сотни раз создать крупные отрасли промышленности продовольствия и создающимся при этом армиям сельскохозяйственных рабочих обеспечить высокой уровень жизни, — все же этот слой никогда не имел бы нравственной силы, здоровья и связи с землей крестьянского сословия: этические потери были бы поэтому необозримы».

Инстинкт буржуа выше его разума. Буржуазному идеологу нечего обращаться к истории, которая учит, что кулаки не раз восстанавливали власть господствующих эксплуатирующих классов, власть монархов. Он только «описывает» и «убеждает», что моральные устои большевистской революции находятся в зажиточном крепком крестьянстве.

Бреннер вынужден признать, что большевистская аграрная революция и созданные ею крупные отрасли промышленности продовольствия создали бы рабочим высокий уровень жизни.

Все эти положительные факты о большевистской аграрной революции он черпает из опыта СССР. Он был очевидцем, гигантского строительства и высокого уровня жизни рабочих СССР, наблюдая жизнь на «Гиганте».

Говоря о создании крупных отраслей промышленности продовольствия («Гигант» он называет фабрикой), фиксируя только факты социалистического строительства. Бреннер конечно не понимая этого, рассказывает о новой более высокой форме развития производительных сил, по сравнению с капиталистической, которая создается в СССР, уничтожающей противоположность между городом и деревней, развитую и все углуоляющуюся при капитализме.

Мощное развитие социалистического крупного сельского хозяйства целиком определяется развитием промышленности, индустриализирующей сельское хозяйство.

Базой индустриализации нашего быстро растущего сельского хозяйства являются новые заводы, которые только вступили или вступают в производство (Сталинградский, Харьковский и др. заводы; заводы комбайнов: Саратовский, Сибирский, Ростовмаш; Гомельский сельмаш и пр.), и старые заводы, которые непрерывно реконструируются.

Однако техника в сельском хозяйстве все же отстает от потребностей социалистического крупного хозяйства.

Огромный рост колхозного движения и размах развития совхозов требуют исключительного революционирования техники, создания новых способов производства.

Ни в какой иной области общественного хозяйства новые методы производства не являются такой насущной потребностью, как в сельском хозяйстве. Противоположность между городом и деревней, порожденная капитализмом, имеет своим следствием для сельского хозяйства его всестороннюю отсталость. Капиталистическое земледелие, скованное условиями частной собственности и деградирующее под гнетом затяжного тяжелого аграрного кризиса, переживает с особенной остротой болезни капиталистической промышленности: а) гибель мелких и средних земледельческих предприятий, б) крупнейшие предприятия не могут использовать свой основной капитал (недогрузка тракторов, неиспользование и недогрузка комбайнов и т. д.). Поэтому американский капитализм в земледелии преимущественно разворачивается не столько в сторону прогресса техники, сколько в сторону централизации капиталистического производства на основе огромного расширения производительных сил и за счет разорения фермера, а САСШ являются страной самого крупного технического вооружения сельского хозяйства.

Перспективу индустриализации нашего социалистического земледелия в тех рамках, которые намечал т. Ленин («электрификация всей страны»), мы должны себе создать сами; тут позаимствовать опыт капиталистических стран почти невозможно (если не ограничиться только частичным применением тех или других отдельных агрегатов—электроплуги, электродойка и т. д.). И ее (такую перспективу) уже нужно вырабатывать сейчас. Но и перенесение опыта тракторо- и комбайностроения в условия СССР приобретает

особое значение. Мы должны переносить самое передовое, самое совершенное. Своеобразие задачи в том, что уже сейчас надо создавать новое, опережать передовую капиталистическую технику и в то же время заимствовать самое передовое из технического развития, особенно САСШ.

План индустриализации сельского хозяйства на вторую пятилетку должен являться наиболее рациональным, научно проверенным сочетанием применения передовых типов машин, механической и электрической энергии. При тех поистине гигантских успехах, которые достигнуты, нами в области производства сельхозмашиностроения, мы должны и можем добиться значительного поворота по линии развития новых методов техники, соответствующих потребностям развития крупного социалистического земледелия.

В использовании опыта передовых капиталистических стран мы не всегда еще умеем извлекать только самое передовое, самое необходимое для хозяйственного развития СССР. Опыт показывает, что наши хозяйственные и планирующие организации не всегда поворачиваются лицом к передовой технике, диктуемой развитием крупного социалистического земледелия.

Перейдем к примерам

I. Трактор

В области тракторостроения у нас огромные преимущества (как и в любых областях производства) перед любой капиталистической страной. Так различные фирмы, производя машины одной и той же мощности, вносят полную анархию в производство ее частей, дабы «индивидуализировать» свое производство. Поэтому мы имеем в САСШ несколько десятков фирм, примерно 47 заводов, производящих тракторы, причем производство настолько «индивидуализировано», что между тракторами различных фирм нельзя найти общих стандартных частей.

Мы построили и заканчиваем постройкой тракторные заводы, которые будут обслуживать разнообразные условия земледелия и др. отраслей хозяйства при значительной унификации и стандартизации производства.

Поэтому в условиях СССР особо важное значение приобретает выбор основных видов тракторов. Тот подбор типов трактора, который имеет место сейчас, нуждается в коренном пересмотре, идущем по трем направлениям: а) увеличение мощности трактора, б) переход на дешевое топливо (дизельный двигатель в первую очередь), в) переход на гусеницу.

Чем диктуется переход на более высокую мощность трактора, чем в 15—30 НР, получившего преимущественное развитие в СССР?

Во-первых, трактор 15—30 НР не является тем типом трактора, который мог бы обслужить многообразные процессы крупного социалистического сельского хозяйства, требующие более повышенных тяговых усилий. Так например комбайн 15 фут. на почвах мало-связанных не тянется трактором 15—30 НР, 2 тракторные сеялки также не всегда тянутся. Следовательно для обслуживания комбайнов (15 фут и в особенности 20 фут.) трактор 15—30 НР не пригоден.

Эта мощность трактора не совсем эффективна и в использовании тракторной тяги на лесовозке и для других хозяйственных целей.

Кроме того принцип технического комбинирования тракторной тяги и комплексов прицепных орудий к ней должен базироваться на особенностях самой тяги и на агротехнических условиях (показателях).

Если даже исходить из необходимости более действенного приспособления прицепных орудий главным образом к тракторам, то и тогда нужен более мощный трактор, чем в 15—30 НР. Это диктуется размерами крупных социалистических хозяйств.

Для обслуживания комбайнового парка в 350—375 тыс. комбайнов в пересчете на 20 фут. необходимы при данных условиях техники 300—350 тыс. тракторов с мощностью 20—40 НР (исходя из данных сегодняшнего дня). При переходе на сочетание механической и электрической тяги нужно будет значительно меньшее количество тракторов.

Во-вторых, колесный трактор менее эффективен, чем гусеничный; несмотря на относительную дешевизну колесных тракторов их коэффициент использования топлива ниже на 40—50% по сравнению с гусеничным.

В-третьих, гусеничные тракторы в значительно меньшей степени сбавляют тяговую мощность на мягких почвах по сравнению с колесными.

В-четвертых, расход топлива на обычный тип тракторного мотора внутреннего сгорания гораздо больше по сравнению с дизельным типом тракторного мотора. Расход нефти на дизельном моторе трактора около 185 г на силочас (Юнкерсу УНК 60), в то время как расход бензина или керосина «Интернационалом» — 350—400 г на силочас, а по нормам, утвержденным правительством на 1931 г., еще выше. Все эти моменты настоятельно диктуют во второй пятилетке реконструкцию тракторостроения в трех указанных выше направлениях: более решительного перехода на гусеницу, перехода на дизельный двигатель, увеличения мощности; в данном случае речь должна идти (следовательно и решения должны быть приняты) о создании определенной необходимой шкалы мощностей трактора (дифференциация мощностей): 10—20 пропашной, 30—40, 48—60, 100—120 — такова примерная схема мощностей.

Эта программа тракторостроения требует реконструкции тракторного производства во второй пятилетке. В интересах практического разрешения вопроса необходимо проработать технический и экономический план перехода Сталинградского тракторного завода в сторону увеличения мощности трактора (переход на шестицилиндровый мотор и на гусеницу), а также Харьковского тракторного — в сторону перехода на дизельный мотор, значительного увеличения мощности, и частичного перехода на гусеницу.

Программа производства на Челябинском тракторном должна быть рассчитана на облегчение веса трактора и переход на дизельный двигатель.

Что касается производства тракторов 100—120 НР, то их производство должно быть учтено в перспективном плане реконструкции заводов тракторостроения в некоторых минимальных пределах.

Опыт заграницы (САСШ) тоже кое-чему учит в данном вопросе.

В тракторостроении и сбыте тракторов САСШ ярко выражены следующие тенденции: переход на более мощный трактор, переход на гусеницу.

За 1926 г. имеются следующие данные о производстве и потреблении тракторов в САСШ:

	Производство	Потребл. на внутр. рынке	(В %)
До 20 HP	93 884	61 848	66,0
От 20—24	29 569	29 618	76,5
„ 25—29	14 483	11 428	79,2
„ 30—39	29 712	18 855	63,4
„ 40—49	2 328	1 933	83,3
„ 50 и выше	326	247	75,7

Здесь тенденция в потреблении более мощных тракторов выражена, но еще не так выпукло, как в данных за 1927/28 г.

	Производство ¹		1928 г. в % к 1927 г.	Сбыт на внутреннем рынке			
	1927	1928		1927	1928	1928 г. в % к 1927 г.	
В т о м ч и с л с	Всего колесных	184 594	152 124	82,4	147 123	86 788	— 41
	До 25 HP	136 349	72 653	53,2	109 234	42 688	— 60
	От 25—29 HP	17 275	23 087	134	13 786	16 916	+ 22
	От 30—39 HP	27 674	53 790	194	21 397	25 623	+ 20
	От 40—49 HP	2 840	1 865	65,4	2 325	1 121	— 60
	От 50 и выше	456	729	160	381	440	+ 16
	Гусеничных	10 319	19 013	184	8 720	12 703	+ 45

Отношение между производством и сбытом² колесных и гусеничных тракторов дают следующие таблицы:

Годы	Производство				Сбыт за границу			
	Гусенич.	В % к предыд. году	Колесн.	В % к предыд. году	Гусенич.	В % к предыд. году	Колесн.	В % к предыд. году
1922	4 187	—	95 901	—	497	—	9 717	—
1923	5 002	119,5	130 208	136,0	849	171,0	19 721	203,0
1924	4 612	92,3	116 211	88,5	817	96,3	24 404	124,0
1925	6 060	131,6	161 690	139,2	977	119,6	44 969	184,1
1926	7 772	128,5	174 223	108,0	1 258	128,5	49 984	110,1
1927	10 319	132,5	190 185	109,1	1 713	136,0	56 562	113,1
1928	19 203	165,1	156 731	82,4	3 872	220,6	53 993	95,4
1929	27 101	141,5	201 875	139,3	6 450	166,9	54 354	100,5
1930	—	—	181 786	90,1	5 367	83,3	44 664	81,8

¹ Данные взяты из „Commerce Reports“ за 1931 г. № 18, с. 291; Розэ и Сутулов, Сельск. хозяйств. машиностроение и механизация сельского хозяйства Америки.

² В коммерческом ежегоднике „Yearbook of commerce“ отмечается, что доля тракторов с 1500 HP увеличивается и сокращается потребность в тракторах меньшей мощности.

Особое значение приобретает также конструкция пропашного трактора в соответствии с междурядьями, практикующимися в совхозах и колхозах и апробированных нашей агрономией.

Американские тракторы «Фармол», «Дуоль» и другие пропашные тракторы не подходят к обработке наших пропашных культур, благодаря несоответствию принятых стандартных междурядий в 60 см с конструкцией трактора (расстояние между колесами).

В связи со всем вышеизложенным необходимо:

1. Пересмотреть для второй пятилетки программу тракторостроения в сторону повышения мощности трактора, перехода на гусеницу и на дешевое топливо.

2. Организовать научно-исследовательские учреждения НКЗ и Союзсельмаша (ВИМ и ВИСХом), а также НАМИ на основе дизельного типа Юнкерса (УНК 60), Buda Man Lanz Bulldog и др., разработать конструкцию дизельного мотора для трактора в самые кратчайшие сроки.

3. Разработать такую программу тракторостроения (с учетом частичного использования электроэнергии), которая полностью удовлетворяет потребности НКЗ и других хозяйственных организаций.

II. Комбайны.

При первой проектировке комбайностроения намечалась следующая программа:

Завод Коммунар	15 фут.	№ 34	типа „Холт“
„ Росгоссельмаш	20 „	36	„ „
„ Сараговский комбайн	20 „	„	„ „
„ Сибирский комбайн	20 „	„	„ „

Сейчас в связи с обнаружившимся несоответствием между комбайностроением и тяговой силой трактора 15—30 HP имеется тенденция перевести 3 завода на производство 15 фут. комбайнов и оставить 1 завод для производства комбайнов 20 фут.

Такая тенденция неверна, ибо комбайн № 36 является более производительным комбайном, чем комбайн № 34 как по размерам Хедера, так и по размерам молотильной части.

Опыт САСШ, да и опыт наших зерносовхозов свидетельствуют о том, что комбайн 20 фут. более производителен, чем комбайн 15 фут.

При этом следует подчеркнуть, что коэффициент эффективности при всех вариациях у комбайна 20 фут. более высокий, нежели 15 фут. по американским данным.

Так например А. М. Розэ и Сутулов приводят следующие данные:

Скор. в час	20 фут.	16 фут.	В % бол.	16 фут.
3 км	1,33 га	1,46 га	+	27,4
3,8 „	2,42 „	1,95 „	+	23,3
4,6 „	3,03 „	2,24 „	+	35,2

За границей в крупнейших капиталистических хозяйствах САСШ ярко выражена тенденция к применению комбайна с более широким захватом Хедера, нежели 20 фут.

В 1931 г. в СССР работали 1 300 комбайнов 24 фут. и подвергался испытанию 3 фут. комбайн. Все эти факты требуют, чтобы сейчас, пока еще не поздно, были установлены твердые принципы развития нашего комбайностроения.

Только в качестве временного паллиатива можно принять предложение о переводе еще одного завода (Саратовский комбайнзавод) на производство 15 фут. комбайнов.

В отношении Россельмаша и Сибкомбайна надо не только отстаивать их программу производства 20 фут. комбайнов, но уже и сейчас проработать вопрос о возможном изменении комбайновой программы для Сибкомбайна в сторону производства более мощных комбайнов.

Надо испытать работу пневматических комбайнов и других новых конструкций, которые могут дать прекрасный опыт комбайностроения для технических культур.

Нельзя исходить в этом вопросе, когда намечается законченная программа для производства стабильного парка комбайнов, лишь из опыта производства комбайнов в 1931 г. и их соотношения с программой тракторостроения этого же года.

К одному из крупнейших недостатков производства комбайностроения необходимо отнести отсутствие всякой согласованности и преемственности в проектировании производства комбайнов одного и того же типа. Каждый завод составлял для себя «свои» чертежи, вносил «свои» поправки. Бюро комбайнов при Союзсельмаше ничего не сделало для осуществления согласованности и преемственности в проектировании производства комбайнов.

Не менее зияющим дефектом в усовершенствовании комбайнов является абсолютное неумение наших научно-технических организаций (ВИМ, ВИСХОМ) на основе изучения опыта и потребностей нашего хозяйственного развития своевременно сконструировать или реконструировать те или другие части машины или машину в целом.

Таким образом в вопросе о комбайностроении необходимо:

1. Пересмотреть программу комбайностроения в сторону преимущественного развития на данном этапе комбайнов 20 фут. (не менее чем на двух заводах).

2. НКЗ СССР и Союзсельмашу поручить своим хозяйственным организациям и научно-исследовательским учреждениям изучить опыт 60 фут. и др. укрупненных комбайнов (24 фут.) с тем, чтобы к концу уборки текущего года на основе опыта и перспективного применения крупных машин в наших крупнейших хозяйствах наметить программу построения на одном из заводов (Сибкомбайн) укрупненных типов комбайнов.

3. Считать обязательным создание комбайнового бюро с привлечением представителей Госплана, НКЗ СССР, ВСНХ и научно-исследовательских сил. Означенное бюро должно заняться не только вопросами технической увязки текущего комбайностроения, но также учетом всех опытных данных по применению комбайнов у нас и за границей и изучением всех новых конструкций.

В тесной связи с производством определенных типов комбайнов стоит вопрос о моторе для комбайна в. Этот вопрос нужно сейчас поставить на широкое обсуждение нашей научно-технической мысли. Подходят для комбайна 15 фут. и 20 фут. мотор трактора «Интерна-

ционал», который нуждается в реконструкции увеличения мощности и облегчения веса (настоящего мотора, тем более мотора с увеличением мощности при переходе на 6-цилиндровый мотор), и моторы типа «Континенталь». Основной вопрос заключается в том, чтобы сейчас уже наметить твердую программу моторостроения в связи с принятием твердой программы комбайностроения.

В перспективе необходимо учесть возможность применения электромоторов для целей обслуживания работ комбайна.

Несколько замечаний необходимо сделать по поводу молотилки, участь которой особенно для второго пятилетия зависит от комбайностроения.

Производство комбайнов требует уже сейчас учета сокращения производства молотилок. Реконструкция в производстве молотилок имеет смысл при условии унификации и стандартизации производства молотилок и молотильной системы комбайнов. К сожалению заказы НКЗ СССР не всегда идут в этом направлении. Кроме того имеются факты, которые требуют самого решительного осуждения. В заказе НКЗ промышленности на 1931 г. имеется английская молотилка Клейтон.

Выписали ее из Англии. Подготовили проекты. Выпустили пробные партии, т. е. наладили процесс их массового производства. Теперь НКЗ СССР отказывается от потребления этих молотилок, так как эта молотилка требует значительно большего количества людей по сравнению с американской стальной молотилкой.

Этот факт противоречит элементарным условиям планирования и показывает, как нужно работать над планом, учитывая перспективу развития нашего хозяйства.

В заключение выскажем несколько общих замечаний:

1. Большое значение в деле освоения новой техники сельскохозяйственного машиностроения и машиноиспользования имеет широкое развитие опытного дела: опытные заводы, производство опытных экземпляров машин и их всесторонняя проверка.

Это дело надо поставить в более широком масштабе, децентрализуя опытную проверку машин по районам, республикам, на основе максимальной централизации результатов опыта.

2. Как недостаток в планировании надо отметить разрыв между планом затрат на капитальные работы и планом строительства необходимых нам машин. План капитальных работ до сих пор не принимал во внимание качественной стороны производящейся машины и ее действительной потребности в нашем хозяйстве.

Подсчеты (например НР тракторов) на вторую пятилетку в плане перспективного развития нашего хозяйства носят формально количественный характер. То же по другим позициям плана развития сельского хозяйства.

Не было контроля за действительным выполнением программы производства в соответствии с авансированиями в плане капитальных работ.

Чтобы действительно осуществить проверку качественных и количественных показателей плана строительства сельскохозяйственных машин, надо добиться единства плана капитальных работ — программы производства, плана научно-исследовательских и реконструктивных работ. Разрыв между первым и последним еще больший, чем между планом капитальных работ и программой строительства.

Осуществление такого единства возможно на основе действительно координированного планирования этих частей программы капи-

тальных работ, программы производства и плана научно-исследовательских работ.

Для этой цели необходимо созвать конференцию при Госплане СССР по вопросам механизации и технической реконструкции сельского хозяйства во второй пятилетке и обсуждения их в разрезе проработки единого агротехнического плана и плана индустриализации (на основе передовой техники) крупных социалистических хозяйств земледелия. Для осуществления действительной связи между планом научно-исследовательских опытов и реконструктивных работ и планом капитальных затрат и программой производства сельскохозяйственного машиностроения необходимо было бы создать в Госплане СССР при Секции технической политики постоянное совещание в составе представителей: Госплана СССР, ВСНХ СССР, Вима, ВИСХОМа, НКЗ СССР, Союзсельэлектро, Сельхозакадемии им. Ленина, Аграрного института Кумакадемии.

А. ЗАЛКИНД

К ВОПРОСУ ПЛАНИРОВАНИЯ ТРУДА В СССР *

1. Коммунистический закон народонаселения

История перевела на повседневный язык современности слова Маркса о том, что всякому особенному историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие историческое значение, законы народонаселения.

35-миллионная безработица и обнищание масс в передовых странах капитализма, ликвидация безработицы и уменьшение нищеты в период социализма в СССР — такова наиболее богатая иллюстрация двух «особенных исторических способов производства» — погибающего капиталистического и побеждающего социалистического.

Закон населения нового способа производства есть закон населения бесклассового общества, есть коммунистический закон народонаселения.

Социализм — первая фаза коммунизма — тоже бесклассовое общество, но оно еще покрыто «родимыми пятнами» капитализма.

Социализм не имеет особенного от коммунизма закона народонаселения, так как он не является «особым историческим способом производства» по отношению к коммунизму, а представляет лишь его фазу.

Экономика переходного периода, диктатура пролетариата — классовое общество; но те законы, которые рождаются в переходную экономику в борьбе и победе над капитализмом и остатками капиталистических закономерностей, являются уже законами бесклассового общества.

Закон народонаселения экономики переходного периода является коммунистическим потому, что диктатура пролетариата — это такое бесклассовое общество, во главе которого стоит класс, ведущий классовую борьбу за бесклассовое общество.

Из этого не следует, что коммунистический закон народонаселения обладает одними и теми же чертами в экономике переходного периода, при социализме и при коммунизме.

Рождаясь вместе с диктатурой пролетариата и социалистическими производственными отношениями, новый закон обогащается в своем развитии новыми специфическими чертами, теряет ряд особенностей, свойственных низшим ступеням социалистического способа производства, развивает и придает новое качество своим первоначальным чертам.

Но на всех ступенях своего движения коммунистический закон народонаселения остается «особенным историческим законом» по отношению к капиталистическому, отрицающим безработицу и нищету масс, праздность одних за счет чрезмерного труда других, остается законом, сознательно, планомерно формируемым классом, борющимся за коммунизм.

* В порядке обсуждения.

Там, где пролетариат побеждает буржуазию и на смену капиталистическим приходят социалистические производственные отношения,—капиталистический закон народонаселения уничтожается и рождается коммунистический закон народонаселения. Смешны поэтому оппортунистические разговоры о модификации капиталистического закона населения в коммунистический. Рождение последнего возможно лишь после смерти первого.

II. Ликвидация безработицы — важнейшая черта нового закона населения

Поскольку в экономику переходного периода не только сохраняются остатки старого капиталистического способа производства, но и постоянно рождаются из простого товарного хозяйства новые капиталистические производственные отношения, постольку ликвидация безработицы возможна лишь при таком наступлении на кулака, которое основано на базе реконструкции самого простого товарного хозяйства. Этого не понимали троцкисты, считавшие, что безработицу можно ликвидировать, выкачав у кулака хлебные излишки (при этом под рубрику кулака у троцкистов попадал и середняк). На базе социалистической реконструкции простого товарного хозяйства уничтожается капиталистический сектор и этим создается база для ликвидации безработицы как остатка капиталистического закона населения.

Наши классовые враги пытаются изобразить ликвидацию безработицы как конъюнктурное явление и предсказывают ее возобновление после окончания пятилетки.

Безработица ликвидирована в СССР навсегда, потому что она детище уничтожаемого капиталистического способа производства и свойственного ему закона населения — относительного перенаселения. Она не может существовать при господстве и преобладании социалистических производственных отношений. Буржуазные идеологи не могут объяснить ликвидацию безработицы в СССР, потому что они видят причины всякой безработицы и нищеты масс в естественных и технических условиях.

На заре капитализма безработицу и обнищание буржуазные «ученые» объявили результатом абсолютного перенаселения, видя причину его в недостатке средств существования и в быстром размножении (Мальтус), на закате же капитализма слуги капитала безработицу объясняли избытком технического развития (теория технологической безработицы).

Что касается абсолютного перенаселения, то о нем нельзя говорить в буквальном смысле, уже с того момента, когда развитие производительности труда приводит к освобождению времени трудящегося за пределы необходимого, когда появляется прибавочное время и прибавочный продукт.

При феодализме абсолютное перенаселение не является главной причиной бедности масс, обнищание создается эксплуатацией. Но при феодализме не может иметь место и относительное перенаселение, то есть такое положение, когда трудящийся «наполовину или вовсе не занят» (Маркс). Имея даровую, не ставящую товаром, рабочую силу, феодал не нуждается в резервной армии. Крепостной, раб не был безработным потому, что все его прибавочное время и значительная часть необходимого принадлежали эксплуататорам. Рабы и крепостные не были без-

работными потому, что господствующие классы хищнически непроизводительно растрачивали их прибавочное и необходимое время.

Капиталистический способ производства основан на таком высоком уровне развития производительных сил, что не может быть и речи об абсолютном перенаселении, о недостатке средств производства и средств существования. Капиталистическое перенаселение является результатом того, что рабочее население делается относительно избыточным. Но нелепо полагать, что относительное перенаселение порождено развитием техники, что машина ответственна за те бедствия, которые несет трудящимся капитализм. Из такого «технологического» понимания относительного перенаселения исходили вредители и правые, рисуя перспективы роста безработицы в реконструктивный период. Ликвидация безработицы в СССР в период величайшей технической реконструкции, гигантского развития техники — лучшее опровержение всех гнилых «теорий» «технологической» безработицы.

Рост производительности труда не может породить относительного перенаселения. Лишние люди появляются при капитализме потому, что капитализм не может идти на сокращение рабочего дня, не может обойтись без резервной армии, не может поднять жизненный уровень трудящихся масс.

Социалистический и коммунистический способ производства не знает относительного перенаселения, так как ставит своей задачей сокращение времени материального производства, не нуждается в резервной армии и стремится к росту уровня благосостояния всех трудящихся.

«Первая производительная сила всего человечества — это рабочий, трудящийся» (Ленин).

Капиталист видит в этой «наибольшей» (Маркс) производительной силе потенциальный источник прибавочной стоимости. Для социализма и коммунизма всякий новый трудящийся — потенциальный источник всякого общественного богатства.

III. Недостаток рабочей силы как болезнь роста социалистического хозяйства в период социализма.

Тов. Сталин считает заблуждением мнение о том, что «затруднения с рабочей силой представляют случайное явление».

Недостаток рабочей силы необходимо вытекает из преобладающего положения социалистического способа производства в период социализма.

Недостаток рабочей силы знал на заре своих дней и капитализм. Противоречия между крепостниками и капиталистами чрезвычайно обострились борьбой буржуазии за «свободную» рабочую силу.

Но основным методом изживания недостатка рабочей силы в начале капиталистического развития было первоначальное капиталистическое накопление, освобождающее мелкого собственника от орудий и средств производства.

Развитой капитализм не отказывается от этого метода «освобождения» рабочей силы, так как капитализму нужны не только рабочие для промышленности, но и резервная армия. При империализме буржуазия широко практикует методы первоначального капиталистического накопления во всех уголках земного шара, где еще сохранились самостоятельные производители.

С развитием капитализма первоначальное накопление не является единственным способом увеличения резервной армии. Первоначальное

капиталистическое накопление является единственным сознательным методом пополнения резервной армии.

Главный же источник резервной армии открывает стихийный механизм капиталистического накопления. Механизация труда — стихийный процесс увеличения резервной армии капиталистической промышленности.

Иначе обстоит дело с недостатком рабочей силы на заре социализма.

Недостаток рабочей силы вызван тем, что победа социализма, выражающаяся в росте социалистической промышленности, социалистического сектора сельского хозяйства сопровождается объединением со средствами производства тех производителей, которые были при капитализме «свободны» от них.

Вовлечение бедноты в промышленность, в колхозы, совхозы уничтожает «свободу» от средств производства, созданную капитализмом.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства на базе величайших достижений социалистической промышленности означает объединение простых товаропроизводителей, владеющих технически устаревшими средствами производства, с такими средствами производства, которые открывают огромные перспективы роста производительности труда.

Социалистическая реконструкция деревни ликвидирует разобщенность производителя со средствами производства не только в промышленности, где эта разобщенность ликвидирована уже в октябре, но и в сельском хозяйстве, в котором она частично была уничтожена в октябре (земля), частично в 1918 г. (пролетарская революция в деревне).

В этом объединении бедноты, «свободной» от средств производства, и середняков с передовой техникой — основная причина, делающая затруднения с рабочей силой «необходимыми».

Из этого уничтожения «свободной» рабочей силы и отсталой техники простого товарного хозяйства естественно вытекает «уменьшение бедноты в Советском союзе» как «итог существования советской власти и строительства социализма в нашей стране» (Молотов).

Этого явления никогда не знал капитализм, ибо капиталистический закон населения проявлялся в постоянном обнищании масс, принимающем исключительный размах на высшей фазе капитализма.

При капитализме трудящиеся страдали как при недостатке рабсилы (разорение самостоятельных производителей), так и при избытке их (безработица, низкая зарплата).

В период социализма сам недостаток рабочей силы порожден сокращением нищеты, ростом благосостояния бедняцко-средняцких масс. Недостаток рабочей силы — есть черта коммунистического закона населения в период социализма. Эта специфичность коммунистического закона населения может быть изжита еще до завершения построения всего здания социализма.

Коммунистический закон населения есть «познанная необходимость».

Познавая необходимость затруднений с рабочей силой, пролетариат и его партия познают также необходимость изживания этого затруднения и проявляют «свободу воли» в преодолении этой болезни роста.⁷

IV. Плановое развитие коммунистического закона населения

Закон населения, как всякий закон, есть «существенное явление» (Гегель), есть «прочное остающееся в явлении» (Ленин). Закон, так же как и явление, существует объективно, а не только в сознании людей. Но в то же время закон есть «одна из ступеней познания человеком единства

и связи, взаимозависимости целого мирового процесса» (Ленин). Буржуазная наука не выходит из сферы видимости явления, она бессильна вскрыть сущность и закон. Поэтому она не научна. Поэтому идеологи буржуазии не могут овладеть высшей ступенью познания, какой является закон. Вскрыть закон капитализма — значит открыть миру тот смертный приговор, который история давно вынесла капиталистическому способу производства. Классовые интересы буржуазии стоят на пути движения ее теоретической мысли по лестнице познания.

Лучшую иллюстрацию такой неспособности буржуазных экономистов вскрыть закон явления представляют теоретические объяснения II Интернационала современной безработицы и обнищания в странах капитала.

Социал-фашистские певцы капитализма, променявшие почетную роль могильщика капитализма, отводимую Марксом пролетариату, на роль благородных наследников и врачей капитализма, пытаются доказать, что капитализм на высшей фазе своего развития может организовано побороть безработицу и нищету масс. Для этого они предлагают буржуазии менять политику и лечить капитализм коротким днем, высокой зарплатой (Тарнов) и платежами безработным (Отто Бауэр). Как и все вульгарные «теоретики» капитализма, социал-фашисты обнаруживают полную неспособность понять законы капиталистического общества. Они видят безработицу и нищету, но не могут вскрыть закона этих явлений — капиталистического закона населения. Не могут, хотя для этого надо только не забыть то, что написано Марксом, не могут потому, что их ослепляют классовые интересы буржуазии, которая боится, чтобы пролетариат познал закон, рождающий нищету и безработицу. Познание капиталистического закона населения лишней раз убедит пролетариат в том, что больной капитализм надо не лечить, а уничтожить и хоронить.

Став у власти, пролетариат познает необходимость развития социалистического общества. Законы социализма и коммунизма не являются слепо действующими, стихийными законами. «Законы их собственной общественной деятельности, которые до сих пор противопоставлялись им как чуждые и потому господствующие над ними, будут применяться людьми с полным пониманием дела и согласно с их собственными интересами» (Энгельс).

Уже в'экономике переходного периода пролетариат может сознательно «творить свою историю» (Энгельс).

Поэтому коммунистический закон народонаселения содержит в себе сознательное планирование пролетариата. Пролетариат облегчает муки родов нового общества и его законов тем, что, познав необходимость, проявляет «свободу воли» в созидании этих законов социализма и коммунизма.

Только оппортунистическая близорукость правых из старого руководства ВЦСПС и НКТ, ослепленных вредительской пылью, мешала им разглядеть необходимость ликвидации безработицы в СССР. Необходимость ликвидации безработицы индустриальных рабочих имелась уже в восстановительный период. Уже на XIV съезде партии т. Сталин говорил о недостатке квалифицированных рабочих. Там, где господствовали социалистические производственные отношения, было возможно развитие коммунистического закона населения и ликвидация безработицы. Вредители и правые оппортунисты мешали превратить эту возможность в действительность, мешали партии и пролетариату проявить «свободу воли» в ликвидации безработицы индустриальных

рабочих, мешали планоно перераспределить труд в промышленности, перекалнфицировать необученных рабочих, в то же время вредители и правые, не выходя за пределы явления, не были способны понять, что приток безработных из деревни объяснялся наличием в ней капиталистического сектора и сживляемых им остатков капиталистического закона населения.

Правое руководство ВЦСПС во главе с Томским всячески пыталось замзать тот факт, что пролетариат может проявить «свободу воли» и ликвидации всей безработицы в реконструктивный период: «Безработица показывает рост в силу ряда объективных условий» (Томский, речь на VIII съезде профсоюзов).

То же непонимание необходимости проявляют те теоретики и практики, которые считают, что недостаток рабочей силы неизбежен в период социализма. Они забывают о том, что существует не только необходимость недостатка рабочей силы, но и необходимость изживания его, что пролетариат сознательно творит свою историю и социалистические закономерности, что у него хватит воли преодолеть необходимость — недостаток рабочей силы. Не меньшим оппортунизмом является так жестко высмеянный т. Сталиным расчет на самотек, на то, что недостаток рабочей силы исчезнет сам собой. Расчет на самотек свидетельствует о непонимании различия между сознательно творимыми законами социализма и слепыми законами капитализма.

Планирование коммунистического закона населения предполагает волю пролетариата и его партии как в борьбе с безработицей, так и в борьбе с затруднениями с рабочей силой.

Социализм имеет свои методы борьбы с недостатком рабочей силы. В отличие от капитализма социализм не может создавать себе свободной рабочей силы методами первоначального капиталистического накопления — отделением непосредственных производителей от средств производства. Наоборот победа социализма означает объединение со средствами производства всей свободной рабочей силы. Борьба партии с левацкими перегибами показала, что даже объединение пролетариат и его авангард проводят лишь при добровольном согласии на него мелкого производителя.

Социалистические методы борьбы с недостатком рабочей силы состоят, во-первых, в поднятии производительности труда, путем лучшей организации труда, его механизации, во-вторых, в материальном и политическом стимулировании притока рабочей силы в промышленность из колхозов, из индивидуального сектора сельского хозяйства, из кустарной промышленности, в-третьих, в высвобождении хищнически растрчиваемого в домашнем хозяйстве труда жен рабочих, служащих, крестьян.

Рост производительности труда и высвобождение вследствие этого рабочей силы имеет место и при капитализме. Но капиталистическая механизация и рост производительности труда при капитализме происходят стихийно и приводят к образованию резервной армии, т. е. к тому, что «первая производительная сила всего человечества» обречена на положение лишь возможной производительной силы: «находясь в состоянии отделения один от другого, и те (рабочие — А. З.) и другие (средства производства) являются его (производства — А. З.) факторами лишь в возможности» (Маркс). Социалистическая механизация и организация означают лишь более экономное использование важнейшей производительной силы, т. е. представляют крупнейший шаг в росте производительных сил.

Но ни организация труда, ни механизация его в колхозах не приводят к стихийному движению рабочей силы в города. Самотек с каждым годом становится все меньше и меньше.

С тех пор, как «деревня перестала быть мачехой» (Сталин) для бедняка и середняка, нельзя рассчитывать на то, что он сам придет в промышленность. Материально-бытовое положение бедняка и середняка настолько улучшилось и с каждым годом будет так быстро расти, особенно в колхозах, что самотеком в город он не потянется.

Принципиальнейшее отличие социалистической механизации состоит в том, что она не создает стихийного движения высвобождаемой рабочей силы. Отсюда специфический для рабочего государства метод получения высвобождаемой в сельском хозяйстве рабочей силы — организованная вербовка.

Контрактация рабочих в индивидуальном секторе и соцдоговоры с колхозами являются важнейшими формами этой организованной вербовки.

Социалистический договор не представляет, как думают некоторые, низшую форму планового перераспределения труда, вызванную тем, что колхозы являются пока еще социалистическими, а не последовательно социалистическими предприятиями. Соцдоговор может иметь место и между предприятиями последовательно социалистического типа. Он представляет одну из форм социалистического соревнования, одну из форм встречного, низового планового перераспределения рабочей силы. Но он не исключает, а предполагает планирование сверху. Плановая работа органов труда приобретает огромную роль и должна сводиться к наметке путей планового движения рабочей силы как внутри промышленности (важнейшее средство борьбы с текучестью), в которой отдельные предприятия сильно реконструируются и прикрепляются к более трудоемким или к новостройкам и связываются соцдоговором, так и из сельского хозяйства в промышленность — распределение районов вербовки отдельных предприятий.

За органами труда остается прикрепление друг к другу более и менее трудоемких краев, областей, республик и руководство соцдоговорами между ними о плановой экономии и плановом перемещении рабочей силы. Но борьба за ликвидацию дефицита рабочей силы не ограничивается вербовкой. Важнейшим звеном ее является материальное стимулирование отхода из сельского хозяйства в промышленность, из менее трудоемких районов в более трудоемкие, материальное стимулирование закрепления рабочих в промышленности (борьба с текучестью).

Необходимо премировать всякую экономию рабочей силы в колхозе, в предприятии, в районе и крае.

Всякая экономия должна премироваться соответствующим улучшением бытовых условий «экономного» предприятия или района, края и т. д.

Высвобождение рабочей силы в колхозе и в промышленности должно повышать доход колхозника, остающегося в колхозе, и заработок рабочих бригады или цеха, сокративших встречным планом расход рабочей силы.

Но этим стимулированием остающихся в колхозе и на предприятиях нельзя ограничиваться. Надо материально стимулировать самих уходящих и перебрасываемых.

Надо сделать так, чтобы они ушли организованно, но добровольно. Организованный отход не надо противопоставлять добровольности. Отход в промышленность должен стимулироваться резким улучшением

материально-бытового положения городских рабочих. Развитие коммунистического хозяйства, работа кооперации играют решающую роль в этом стимулировании отхода в город и промышленность.

Плановый переход с одного промышленного района и предприятия в другой (борьба с текучестью) должен стимулироваться правильной политикой заработной платы, борьбой с уравниловкой, ударностью в оплате ударных строек и предприятий.

Тов. Сталин достаточно ярко подчеркнул, какое значение для успехов строительства социализма имеет борьба с текучестью и правильная политика зарплаты, борьба с уравниловкой.

Ликвидация уравниловки даст не только нужное количество, но и нужное качество рабочих — постоянных рабочих, с одной стороны, и рабочих более высокой квалификации, с другой: уравниловка вынуждает квалифицированного рабочего идти «искать счастье» (Сталин), она же заставляет неквалифицированного «чувствовать себя дачником на производстве» (Сталин) и не стремиться к повышению квалификации.

«Свобода воли» пролетариата в борьбе с недостатком рабочей силы должна свестись к борьбе с самотеком и текучестью методами организованной вербовки, борьбы с уравниловкой в зарплате и улучшением материально-бытовых условий промышленных районов. Но соцдоговоры, низовое планирование распределения труда означают не только материальное, но и политическое стимулирование: социалистическое отношение масс к экономии труда. Высвобождение женского труда теснейшим образом связано с развитием коммунального хозяйства.

Капитализм вовлекает женщин в производство, как только капиталистическая рационализация делает возможным применение женского труда: женский труд дешевле, и женщины менее организованы для борьбы. Вовлекая женщину в производство, капиталист не заботится о механизации домашнего хозяйства рабочего. Он разрушает семью и домашнее хозяйство рабочего, ничем не заменяя его.

Иное дело у нас. Мы вовлекаем женщин в производство не потому, что их труд дешевле, а потому, что мы дорожим «первой производительной силой человечества» и не можем допустить ее хищнической растраты в домашнем хозяйстве.

С другой стороны, вовлечение женщин в производство означает более активное привлечение к делу строительства социализма новых миллионов трудящихся. Никакой экономии в оплате труда мы не стремимся добиться, вовлекая женщину в производство. Мы сознательно стремимся к тому, чтобы семья трудящегося перестала быть хозяйственным союзом, но пролетариат не может идти по пути буржуазии: разрушить домашнее хозяйство и ухудшить этим быт трудящегося. Мы разрушаем домашнее хозяйство только в той мере, в какой создаем общественное обслуживание всего быта трудящихся.

Домом трудящегося делается все социалистическое государство.

Такое крупное «домашнее хозяйство» может быть основано только на новой технической базе, на реконструкции, механизации старого домашнего хозяйства.

Таковы социалистические методы ликвидации недостатка рабочей силы как необходимости периода социализма.

V. Рост благосостояния трудящихся как специфическая черта коммунистического Закона населения

Уже в период социализма мы имеем все необходимое для того, чтобы не только уменьшить нищету масс, но добиться полного ее изживания. Однако социалистическое государство не может ограничиться

ликвидацией нищеты. Коммунистический закон населения, планомерно формируемый пролетариатом и его партией, означает в противоположность капиталистическому, ведущему к обнищанию, рост благосостояния всех трудящихся и рабочего класса в первую очередь: «Рабочий ныне не тот, что раньше. Нынешний рабочий — наш советский рабочий — хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей... Он имеет на это право. Мы обязаны обеспечить ему эти условия» (Сталин).

Для разрешения проблемы благосостояния в современных условиях надо вплотную подойти к проблеме производства и потребления.

Чтобы было накопление, без которого немислим человеческий прогресс, производство средств производства должно обгонять производство средств потребления. Поэтому наша тяжелая промышленность обгоняла и всегда будет обгонять легкую, но уже в реконструктивный период легкая промышленность значительно двинулась вперед.

На современном этапе периода социализма проблема отношения I и II подразделений ставится по-новому. Обгоняя рост легкой промышленности и сельского хозяйства, тяжелая промышленность будет в основном развиваться на собственном накоплении. «Надо добиться того, чтобы тяжелая промышленность и прежде всего ее машиностроительная часть также давали накопление» (Сталин). Это не исключает некоторой перекачки из II подразделения в I: «Легкая промышленность представляет богатейший источник накопления» (Сталин)... «Сельское хозяйство представляет не менее богатый источник накопления» (он же).

Но главная масса накопления легкой промышленности и сельского хозяйства может сейчас затрачиваться на расширенное воспроизводство во II подразделении.

А это означает такие темпы роста II подразделения, какие приведут к резкому скачку в область потребления и всего жизненного уровня масс.

Чем ближе к коммунизму, тем шире база накопления II подразделения, несмотря на то, что накопление I подразделения будет идти вперед более быстрыми темпами.

Но все это возможности. Для того, чтобы они стали действительностью, пролетариат и его партия не должны рассчитывать на благоприятное авось, должны проявить «свободу воли» в плановом развертывании важнейшей черты коммунистического закона населения.

VI. Сокращение живого труда, занятого в материальном производстве

При капитализме прогресс техники, рост производительности труда выражается в относительном уменьшении живого труда, занятого в материальном производстве, что ведет к образованию резервной армии.

У нас успехи социалистической рационализации и реконструкции тоже привели к относительному высвобождению труда в промышленности.

Это дало возможность пролетарскому государству перейти на сокращенный рабочий день и на сокращенную неделю.

Но уже при капитализме на высшей фазе его развития имеется потребность абсолютного сокращения живого труда в промышленности.

При капитализме однако эта возможность только в отдельные моменты прорывается в действительность (Америка в некоторые годы послевоенного периода).

На пути превращения этой возможности в действительность стоят капиталистические производственные отношения. «Абсолютное увеличение числа наемных рабочих, несмотря на его относительное уменьшение, только отвечает потребности капиталистического способа производства. Для него рабочие становятся уже лишними, как только исчезнет необходимость заставлять их работать в течение 12—15 часов ежедневно. Если бы развитие производительных сил уменьшило абсолютное число рабочих, т. е. в действительности давало бы возможность всей нации свершить все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию потому, что большинство населения оказалось бы вышедшим в тираж. В этом снова обнаруживается специфическая граница капиталистического производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительных сил и производства богатства, что напротив в известном пункте оно приходит в коллизии с этим развитием... предел капиталистического производства — избыточное время рабочего. Абсолютное излишнее время, выигрываемое обществом, не интересует капиталистическое производство.

Развитие производительных сил важно для него лишь постольку, поскольку оно увеличивает прибавочное время рабочего класса, но не поскольку оно вообще сокращает рабочее время материального производства; таким образом капиталистическое общество вращается в противоречиях»¹.

С ростом производительных сил социалистического и коммунистического общества будет происходить не только относительное, но и абсолютное сокращение живого труда в производстве. Это сокращение не страшно для социализма. Его население «не выйдет в тираж».

Абсолютное сокращение живого труда в материальном производстве сначала приведет к дальнейшему сокращению рабочего дня, а в дальнейшем даст возможность переключить живой труд с физического на умственный, с материального на идеологическое производство, т. е. приведет при высшей фазе коммунизма к тому, что всякий труд при механизмах будет умственным трудом.

Пока мы не догнали и не перегнали капиталистические страны в техническом отношении, у нас нет еще возможности абсолютного высвобождения живого труда в промышленности. Пока у нас происходит относительное высвобождение. Но даже относительное высвобождение мы должны использовать не только для сокращения рабочего времени, но и для отмирания некоторых видов физического труда. Тот вид физического труда, который может отмереть уже во вторую пятилетку, это тяжелый и вредный труд. Он является одним из видов сложного труда, к которому Маркс относит труд, который «требует большего физического напряжения и кроме того нездоров»².

Это должен быть первый вид абсолютного сокращения физического труда, занятого в материальном производстве: «Нужно немедленно перейти на механизацию наиболее тяжелых процессов труда» (Сталин).

При капитализме механизация тяжелых работ приводит к вымиранию людей, специализировавшихся на этих работах и обреченных на безработицу. У нас происходит иное явление. Трудящиеся, жизненный уровень которых высоко поднялся в период социализма, не идут на тяже-

¹ Маркс, т. III, ч. 1, с. 200-201.

² Маркс, т. I, с. 136.

дый и вредный вид сложного труда, бегут с этих профессий на другие. Эти профессии делаются у нас дефицитными, вымирающими профессиями. При капитализме вымирают люди, у нас профессии. Механизация должна сослужить роль могильщика в отмирании тяжелого и вредного труда. Следующий вид физического труда, который у нас будет отмирать и абсолютно сокращаться, будет труд ремесленного типа. При капитализме из этих рабочих главным образом вербуются застойная армия безработных. У нас эти рабочие переквалифицируются и переходят на высшую ступень квалификационной лестницы. Только бюрократическим извращением можно объяснить переход рабочего ремесленного типа в разряд чернорабочих в наших условиях. Вымирание профессий не означает у нас вымирания людей.

Сейчас уже намечаются пути абсолютного сокращения физического труда, занятого в материальном производстве. Это абсолютное сокращение начнется тогда, когда мы механизуем весь простой труд. Успехи социалистического разделения труда в наших условиях открывают широкие перспективы механизации делающегося автоматическим процесса труда. Но автоматизация работы при капитализме означает автоматизацию рабочего, превращения его в придаток к машине. Иначе обстоит дело у нас.

Рабочий при функционалке, при конвейере — субъект, а не объект на наших предприятиях. Своим социалистическим отношением к труду он активизирует механизм.

Потому мы стоим за политехническое образование всех рабочих, что наши темпы даже при большой механизации зависят от производственной активности рабочего.

Уничтожение простого труда открывает перед чернорабочим перспективу перехода к квалифицированному труду.

Последним видом физического труда, который будет абсолютно сокращаться в производстве, будет высококвалифицированный труд. Еще до своего полного отмирания, которое может иметь место лишь при развитом коммунизме, высококвалифицированный труд будет приближать рабочего к типу инженера, техника и организатора производства.

Важнейшее значение в этой новой роли высококвалифицированного рабочего будет играть выделение в е д у щ е й профессии.

При капитализме рабочий ведущей профессии является п о д г о н я л о м при конвейере. В наших условиях рабочий ведущей профессии возглавляет производственную активность масс при механизмах, основанную на социалистическом отношении к труду. Ведущий рабочий в наших условиях это не только наиболее квалифицированный, но и такой высококвалифицированный, который возглавляет соцсоревнование и ударничество.

Наш ведущий рабочий — это организатор производственного энтузиазма масс, создающего н а ш и т е м п ы.

Отмирание высококвалифицированного труда будет последним звеном абсолютного сокращения живого труда, занятого в материальном производстве, и приведет к полному уничтожению разделения физического и умственного труда.

Развитие производительных сил даст возможность механизировать некоторые виды умственного труда — труд служащих. При капитализме это означает вымирание служащих, выбрасывание их в ряды застойной армии. У нас механизация труда служащих должна быть источником недостающих рук социалистической промышленности, с

одной стороны, и переходом части служащих на научную работу, с другой. Мы можем смело идти на абсолютное сокращение советского аппарата через механизацию его.

Таковы перспективы абсолютного сокращения живого труда в промышленности. Иначе обстоит дело с сельским хозяйством. Уже при капитализме в сельском хозяйстве происходит не только относительное, но и абсолютное высвобождение рабочих рук. «Развитие производительности труда в сельском хозяйстве отличается при капитализме тем, что означает не только относительное, но и абсолютное уменьшение занятых рабочих». Возрастание переменного капитала возможно лишь тогда, когда подвергнется обработке новая земля, а это опять-таки предполагает еще большее возрастание неземледельческого населения сравнительно с земледельческим³.

Уничтожение крепостнических отношений после Октября замедлило абсолютное высвобождение рабочей силы в сельском хозяйстве: бедняк и середняк, расширяя свою площадь, экстенсифицировали свое хозяйство. Иное дело в период социалистической реконструкции сельского хозяйства. Несмотря на огромное расширение посевной площади в колхозах и совхозах темпы интенсификации социалистического земледелия опережают и темпы его экстенсификации. Отсюда не обходимость абсолютного высвобождения рабочей силы в колхозе. Надо суметь воспользоваться этой необходимостью. Пролетариат должен проявить в этом деле «свободу воли». Свообразие абсолютного сокращения труда в сельском хозяйстве у нас состоит в том, что оно не приводит к скрытой безработице и вообще не увеличивает резервной армии. Мало этого. У нас не будет иметь места в близком будущем рост городского населения за счет деревенского: партия взяла курс на уничтожение противоположности между городом и деревней, на превращение деревень в города.

VII. Всеобщность труда

Всеобщность труда — важнейшая черта коммунистического закона народонаселения. Вытекает она из упразднения безработицы, с одной стороны, и праздности, с другой.

Борьба с праздностью началась с первых дней пролетарской диктатуры. Всеобщая трудовая повинность периода военного коммунизма была первым проявлением принципа всеобщности труда. Поскольку бывшие эксплуататорские классы не могли добровольно стать трудящимися, пролетарское государство должно было их пропустить через фильтр принудительного труда.

По отношению к нетрудовым элементам всеобщность труда всегда принимает характер принудительного труда.

Безработица восстановительного периода мешала осуществлению всеобщности труда и борьбе с праздностью.

В реконструктивный период при развернутом социалистическом наступлении на капиталистические элементы вновь стоит в широком масштабе проблема принудительного труда. Но он не является актом мести к бывшим угнетателям. Он является школой труда для нетрудовых классов, является ступенью к общественно полезному труду тех, кто либо совсем не трудился и был общественным паразитом, либо знал лишь одну форму труда — труд эксплуатации.

³ Маркс, т. III, ч. 2, с. 526.

Декрет о восстановлении в правах кулаков, доказавших способность к общественно полезному труду через 5 лет, свидетельствует о том, что принудительная форма всеобщности труда не является самоцелью пролетариата, стремящегося к бесклассовому обществу.

Если в экономику переходного периода характерной формой всеобщности труда является принудительный труд праздных и эксплуататорских классов, то в первую фазу коммунизма при социализме всеобщность труда примет иной характер — обязательного труда для всех работоспособных. Всеобщий обязательный труд не может быть проведен в экономии переходного периода, пока государство не взяло на себя полное обеспечение неработоспособных, детей и обслуживание быта трудящихся. У нас есть иждивенцы, ибо нет еще обобществления быта. Сделать сейчас обязательным труд женщин мы не можем. Для этого надо далеко продвинуть вперед социалистический быт.

При социализме не должно быть иждивенчества, должна быть обязательность труда всех работоспособных, должен быть целиком осуществлен лозунг: «не трудящийся, да не ест».

Обязательность труда будет распространяться не только на физический, но и на умственный труд. Сейчас мы проводим обязательное всеобщее обучение. Уже во вторую пятилетку при проведении 6-часового рабочего дня мы можем добиться обязательности двух часов учебы. Обязательность учебы должна распространяться и на советский аппарат и на ответственных работников его.

При широком проведении социалистического совместительства мы должны иметь регламентирование рабочего дня ответственных работников. Это дает возможность сделать обязательными для них 2 часа учебы.

Итак обязательность труда и в частности обязательность умственного труда — характерная форма всеобщности труда в первую фазу коммунизма и последний этап переходного периода социализма.

При высшей фазе коммунизма всеобщность труда не будет принимать ни принудительной, ни обязательной формы. Труд будет всеобщим, потому что он станет потребностью людей. Тогда осуществится полная добровольность общественно полезного труда и лозунг «всякому по потребностям, от всякого по способностям».

«Подчинение общественной организации, которое до сих пор навязывалось природой и историей, станет теперь их собственным делом» (Энгельс).

«Необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общества скоро станет привычкой» (Ленин).

VIII. Воспроизводство рабочего класса как важнейший путь к бесклассовому обществу

Рост рабочего класса в СССР тождественен с ростом последовательно социалистических производственных отношений. Вовлечение в промышленность кустарей и крестьян-единоличников означает расширение сферы последовательно социалистических производственных отношений. Вовлечение колхозников в промышленность означает рост последовательно социалистических отношений за счет социалистических.

Рост последовательно социалистических производственных отношений происходит также и при вовлечении в промышленность домашних хозяйств и служащих, освобождаемых механизацией соваппарата. Закон-

чив ликвидацию кулачества и сплошную коллективизацию, мы не будем иметь капиталистических классов, не будем иметь простых товаропроизводителей.

У нас останутся колхозники и рабочий класс.

Переделка колхозных отношений из социалистических в последовательно социалистические будет означать всякое отмирание классов вообще.

Рост пролетариата и последовательно-социалистических отношений приведет к бесклассовому обществу.

В этом тоже специфичность коммунистического закона населения. Капиталистический закон населения связан с воспроизводством в расширенном масштабе класса «трудолюбивых бедняков». Рост рабочего класса при капитализме означает рост капиталистических производственных отношений.

Иное дело у нас. Рост пролетариата означает рост социализма и последовательно социалистических производственных отношений. Количественный рост последовательно-социалистических производственных отношений даст новое качество этих отношений — бесклассовое общество, последовательно социалистические производственные отношения бесклассового общества. Воспроизводство рабочего класса как воспроизводство бесклассового общества — такова эта, свойственная экономике переходного периода, черта коммунистического закона населения.

Но до того, как отомрут все классы и рабочий класс перестанет быть классом, сильно изменится социальное лицо рабочих СССР. Рост рабочего класса за счет мелкой буржуазии означает пополнение рядов пролетариата вчерашними мелкими собственниками. Перед пролетариатом всегда стояла и будет стоять до полного уничтожения классов задача перевоспитания новых, молодых слоев рабочих. Выходцы из других классов будут являться отсталым крылом рабочего класса, пока не переварятся в пролетарской среде. Но рабочий класс имеет в своих рядах не только вчерашних мелких собственников. В СССР значительная часть рабочих до сих пор совмещает работу в промышленности и в сельском хозяйстве. Если даже рабочий уходит на постоянную работу в город, то семья его остается на работе в сельском хозяйстве. Промышленность не имеет возможности использовать такие богатые трудовые ресурсы, как семья рабочего.

На ближайшую пятилетку, до того, как мы придем к полному уничтожению разделению труда между городом и деревней, можно и нужно покончить с раздваиванием рабочего между сельским хозяйством и промышленностью. Промышленность нуждается в постоянных рабочих. Работа в промышленности требует того, чтобы рабочий сроднился с ней. Сезонные работы могут быть в основном изжиты в ближайшие годы. Рабочие должны быть заинтересованы в разрыве связи с самостоятельным сельским хозяйством и переходом всех их семей в промышленность. Даже те рабочие, которые приходят по плановому выделению из колхозов, приходят в промышленность не гостями, а постоянными работниками, и должны перестать заниматься сельским хозяйством. Это не означает конечно разрыва политической связи с деревней, которая должна быть чрезвычайно крепка. Полный переход рабочего от сельского хозяйства к промышленности может иметь место даже в том случае, когда промышленные центры переносятся в деревню. Даже при постройке агроиндустриальных комбинатов нельзя допустить одновременной работы рабочих в промышленности и в сельском хозяйстве. Пока между ними существует разделение труда,

рабсила должна уходить из сельского хозяйства в промышленность и окончательно закрепляться за ней. Рабочий и его семья должны рассматривать работу в промышленности не как временный заработок для подкрепления сельского хозяйства, а как постоянное занятие и единственный источник существования. При капитализме полной пролетаризации рабочих мешали крепостнические отношения и страх перед безработицей.

При диктатуре пролетариата на первых ее этапах полному объединению бедноты — части середняков — с государственными средствами производства мешали угроза безработицы и жилищный вопрос.

В период социализма рабочий охотно закрепился бы в промышленности и привел бы в нее членов семьи, если бы не было квартирного голода.

Жилищный вопрос является поэтому важнейшим условием разрыва рабочих с сельским хозяйством.

Даже в тех местах, где промышленность «придет в деревню», жилищный вопрос будет стимулировать переход из сельского хозяйства в промышленность. Промышленность в сельских районах должна быть образцом социалистически реконструированного быта.

Итак, до того как пролетариат перестанет быть классом, он будет состоять только из производителей, объединенных с государственными средствами производства, т. е. охваченных целиком последовательно социалистическими производственными отношениями.

Такое изменение социального лица пролетариата облегчит ему борьбу за бесклассовое общество.

А. СТОРОЖЕНКО

ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ

По мере проникновения и дальнейшего развития общественного разделения труда и связанного с этим товарного хозяйства постепенно начали выделяться из натурального крестьянского хозяйства отрасли обрабатывающего производства, первоначально становясь особой ремесленной специальностью, а по мере развития товарного хозяйства, перерастая в ту или иную специальную отрасль обрабатывающей промышленности.

Таким образом, на основе отделения от сельского хозяйства ремесленных форм промышленного труда происходили формирование индустриального населения и связанное с этим возникновение и рост города. «Результатом первого крупного общественного разделения труда было отделение промышленности от земледелия, а вместе с тем — города от деревни»¹.

Отрыв промышленных отраслей от земледелия сопровождался дальнейшим ростом разделения труда, дальнейшим развитием товарного хозяйства, переросшего в капиталистическое хозяйство.

Это «первое большое общественное разделение труда», по выражению Энгельса, было и первым проявлением разделения населения «на два больших класса, основывающимся прямо на разделении труда и орудиях производства»². «Вместе с городом появляется необходимость администрации, полиции, налогов и т. д.». Концентрация индустриального населения в городах, промышленный прогресс, особенно связанный с введением паровой машины, — создали предпосылки для углубления противоположности между городом и деревней. «Отделение города от деревни, противоположность между ними и эксплуатация деревни городом — эти повсеместные спутники развивающегося капитализма — составляют необходимый продукт преобладания торгового богатства»³.

При этом не следует упускать из виду, что это углубление разделения труда, отрыв и рост противоположности между городом и деревней не означал образования на одном полюсе благоденствующего городского населения, а на другом угнетенного деревенского населения. Прежде всего общественное разделение труда, отделение города от деревни «приговорило сельское население к тысячелетиям долгого отупения, а горожан — к порабощению каждого в отдельности его детальной работе»⁴.

Но помимо того само городское население, по мере вытеснения развивающимся капитализмом на основе конкуренции ремесленного

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, с. 202(276). Цитируется по изд. 1922 г. „Московский Рабочий“, параллельно указана страница изд. Ин-та Маркса и Энгельса 1928 г.

² „Архив“, т. I, с. 234.

³ Ленин, Собр. соч., т. II, с. 242.

⁴ „Анти-Дюринг“, с. 203.

производства, само разделяется на два антагонистических общественных класса — эксплуатирующую буржуазию и пролетариат.

Сущность противоположности между городом и деревней следовательно надо видеть не в огульном антагонистическом противопоставлении городского населения деревенскому, но в противоположном характере развития города и деревни, какое имело место при сохранении и образовании как в городе, так и в деревне эксплуататорских и эксплуатируемых классов.

В силу более благоприятных условий жизни в городах там концентрируется значительное количество паразитического населения, имеющего объекты эксплуатации в деревне и проедающего прибавочную стоимость, выжатую как из эксплуатируемого промышленного, так и земледельческого населения, «...город выделяет себя необходимо в привилегированное положение, оставляя деревню подчиненной, не развитой, беспомощной и забитой...»⁵.

«В городе мы имеем перед собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне мы наблюдаем диаметрально противоположный факт изолированности и обособления»⁶.

Господство частной собственности, товарного хозяйства обуславливает стихийный, анархический его характер. На основе этого развитие отдельных предприятий и его отраслей идет вне контроля общества, без всякого соответствия с заранее поставленными целями, которые впрочем анархическое, товарно-капиталистическое общество и не может ставить. Поэтому в силу анархических законов товарного хозяйства имеет место ненормальная концентрация промышленности в городах. Этому основному условию капиталистического производства — концентрации в городах — хотя и противостоит стремление отдельных капиталистов обеспечить себе необходимые условия производства, какие могут предоставить как раз негородские районы, но этим самым вызывается только возникновение и рост новых городов.

Таким образом противодействующие концентрации в городах факторы по существу только обуславливают дальнейший рост городов на большем пространстве, их распространение по периферии. Капитализм не может преодолеть своими внутренними силами этой концентрации промышленности и индустриального населения в городах, полного отрыва города от деревни. «Уничтожение противоположности между городом и деревней является одним из первых условий коллективности, условием, которое в свою очередь зависит от массы материальных предпосылок, и которое, как всякий видит сразу же, не может быть осуществлено одной только волей...»⁷.

Установление диктатуры пролетариата, этот первый акт введения начал коллективности, является, как уже сказано, первым шагом к уничтожению противоположности между городом и деревней. Но кроме общих политических предпосылок, воли к уничтожению этой противоположности, необходима «масса материальных предпосылок». Поскольку основой возникновения, развития и дальнейшего углубления такой противоположности является разделение общественного труда, очевидно, что предпосылкой уничтожения противоположности города и деревни является уничтожение разделения труда, уничтожение того прикрепления отдельных людей на всю жизнь к отдельной

⁵ Ленин, Собр. соч., т. II, с. 243.

⁶ „Архив“, т. I, с. 234.

⁷ „Архив“, т. I, с. 234.

функции, какое является особенностью товарно-капиталистического хозяйства. Следует заметить, что выдвигая это значение разделения труда, мы вовсе не придаем ему какого-то самодовлеющего значения. Следующее место из статьи Ленина «Великий почин» с полной ясностью указывает на основные факторы обуславливающие как уничтожение разделения труда, так и противоположности между городом и деревней. «Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить и в ся к у ю частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками» (Ленин, т. XVI, с. 249).

В чем заключается по Марксу, Энгельсу, Ленину изживание противоположности между городом и деревней?

1) «В уничтожении частной собственности и вытекающей из нее анархической системы хозяйства и замены ее общественной собственностью, установлением «коллективности»⁸.

2) В уничтожении того разделения труда, какое являлось необходимым условием существования и развития товарного хозяйства и его перерастания в капиталистическое хозяйство. Это уничтожение разделения труда должно быть осуществлено как в промышленности, так и в сельском хозяйстве как предпосылка для уничтожения прикрепленности человека к определенной функции как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Способность, подготовленность социалистического производителя к переходу от одной особой работы к другой, одинаковая возможность применения своей рабочей силы как в промышленности так и в сельском хозяйстве — вот форма и условие уничтожения разделения труда и предпосылка уничтожения противоположности города и деревни. Разумеется, надо иметь в виду, что понятие «сельскохозяйственной» и «промышленной» отрасли мы берем условно, ибо едва ли такое разграничение будет отвечать действительному положению в период, когда фактически старое разделение труда будет позади.

3) Плановое руководство всем хозяйством радикально уничтожает также стихийность, случайность, не отвечающее общественным интересам размещение индустриальных предприятий, их концентрацию, вызывающую также концентрацию в одном месте индустриального населения с полным его отрывом от сельского хозяйства и деревни. Только общество, способное гармонически приводить в движение свои производительные силы согласно единому общему плану, в состоянии организовать их так, что будет возможно равномерно распределить крупные промышленные предприятия по всей стране, сближая фабричное производство с сельскохозяйственным, как это необходимо для развития и сохранения промышленных сил.

4) Помимо правильного планирования размещения промышленных предприятий, которое отнюдь не обязано иметь правилом непримен-

⁸ „Архив“, т. 1, с. 234.

ное приближение к источникам сырья⁹, необходимым последствием этого размещения является соединение города и деревни в одно целое на основе совмещения труда в промышленности и в земледелии, поскольку возможность этого вытекает из уничтожения разделения труда. Это, «порождая новое поколение всесторонне развитых производителей, понимающих научные основы всего промышленного производства и изучивших практически, каждый в отдельности, весь ряд отраслей производства от начала до конца, может создать новую производительную силу...»¹⁰.

5) Такое уничтожение разделения труда и одинаковая подготовленность социалистического производителя предполагают соответствующий уровень производительных сил, механизацию всех трудовых процессов не только в промышленности, но и в сельскохозяйственном производстве, которое очевидно перестанет противопоставляться индустриальному производству, превратясь в одну из индустриальных отраслей народного хозяйства.

Уже капиталистическая крупная промышленность, несмотря на углубление общественного и технического разделения труда, делает, по словам Энгельса, старую систему разделения труда анахронизмом.

«Технический базис крупной индустрии революционен». Маркс, которого здесь цитирует Энгельс, говорит: «Машинами, химическими процессами и другими способами вместе с техническими основаниями производства новейшая промышленность постоянно преобразовывает занятие работников в общественные комбинации рабочего процесса.. По самой природе своей крупная промышленность требует перемены работ, непостоянства занятий, всесторонней подвижности рабочего... Сама крупная промышленность, вследствие своих собственных катастроф, делает вопросом жизни признание перемены занятий, а следовательно и многосторонности рабочего, всеобщим социальным законом...»¹¹.

Таким образом характер крупной промышленности, а она является господствующим видом в развитом капиталистическом обществе, требует и создает рабочую силу, социально вынужденную переходить от одного занятия, от одной профессии к другой, что правда осуществляется в самой антагонистической форме «непрерывного принесения в жертву рабочего класса, безграничного расточения рабочих сил и господства общественной анархии». «Это отрицательная сторона», говорит Маркс. «Перемена работы является теперь могущественным законом природы и проявляется со слепо разрушающей силой закона природы, повсюду встречающей препятствия»¹².

Совершенно очевидно, что в организованном обществе, где развитие и размещение производительных сил идет согласно, разумно, в интересах общества построенного плана, подведение технического базиса под сельскохозяйственное производство, сближая его производственный процесс с тем же процессом в индустрии, делает производителя не дополнением к системе машины, а ее господином.

Из этого вытекает, что основой ликвидации разделения труда, уничтожения противоположности между городом и деревней является не голая переработка человека во всесторонне развитого производителя, выражаясь вульгарно, «на все руки мастера», независимо от

¹⁰ „Анти-Дюринг“, с. 207.

¹¹ „Анти-Дюринг“. с. 207, 282.

¹² Там же, с. 205-206, 281.

¹³ Там же, с. 206. См. также „Капитал“, т. I, изд. 1930 г., с. 322.

развития производительных сил, а следовательно и максимальной механизации труда. Но именно эти факторы в условиях определенной социальной данности обуславливают и переделку человека, ликвидируют разделение труда. Но в то же время делать упор только на тех и к у является неправильным.

Ликвидация капиталистического строя и установление диктатуры пролетариата ставит на реальную базу ликвидацию эксплуатации городской деревни. Неизбежная медленность темпов, ликвидации унаследованной от капитализма противоположности между городом и деревней не должны вводить в заблуждение исследователя отношений между городом и деревней в переходную эпоху, особенно в фазе построения фундамента социалистической экономики.

Сближение индустрии и сельского хозяйства на основе перевода производства на систему машин, возникновение и развитие нового типа индустриально-земледельческого населения, возникновение на этой основе социалистических городов, которые делают доступным населению все культурные блага крупного города, является реальным материальным выражением, но не условием, ликвидации противоположности города и деревни.

Город и деревня в СССР

Капиталистическое развитие народного хозяйства на территории нынешнего Союза советских республик оставило пролетарской диктатуре в наследство: а) то же, что и в более развитых капиталистических странах — отделение и противоположность между городом и деревней, б) в силу особенностей экономического и политического строя царской России — значительные остатки крепостничества, феодальной эксплуатации, в результате чего противоположность между городом и деревней, разорение деревни не компенсировались соотвествующим ростом городского (индустриального) населения, а следовательно и не имел места в необходимом масштабе тот «приток деревенского населения в города», о котором Ленин в полемике с народниками говорил как о единственном пути «смешения и слияния земледельческого и неземледельческого населения», могущего «поднять сельское население из его беспомощности»¹³.

Но эта недоразвитость капиталистических отношений в целом у нас по сравнению с другими более передовыми капиталистическими странами к началу мировой империалистической войны не предполагала слабости городов, и отрицания командующей роли индустрии и занятого в ней пролетариата.

Специфическим является то, что несмотря на известную общую отсталость экономики страны, концентрированность промышленности и пролетариата при разорении деревни и разбросанности ее населения обеспечивала за пролетариатом решающее, ведущее значение, а в трудящихся слоях деревни — бедняке и середняке — обеспечивала создание опоры и союзника. «Порождаемые крупной промышленностью пролетарии становятся во главе... (классового движения — А. С.), увлекая за собой всю отсталую массу, так как вытесняемые крупной промышленностью рабочие попадали благодаря ей еще в худшее положение, чем рабочие самой крупной промышленности»¹⁴.

¹³ Ленин, Собр. соч., т. II, с. 243.

¹⁴ „Архив“, т. I, с. 234.

Установление диктатуры пролетариата, преодоление классовых врагов в союзе с трудящимся крестьянством, строительство социализма — является в то же время и первым решающим шагом в направлении уничтожения противоположности между городом и деревней.

Разделение труда, частная собственность, товарное хозяйство, классовая структура общества являются основной причиной разделения и противоположности города и деревни. Социалистическая революция, ликвидируя частную собственность, тем самым делает первый шаг для уничтожения противоположности между городом и деревней. «Земледелие, усвоению которым сделанных улучшений и научных усовершенствований мешает гнет частной собственности и дробление землевладения, испытает небывалый подъем и обеспечит общество вполне достаточным количеством продукции после революции».

Мощное развитие действительных предпосылок для ликвидации противоположности между городом и деревней — индустрии и перевооружения и социалистической реконструкции сельского хозяйства в СССР — нашло свое отражение и в решениях июньского пленума ЦК ВКП. «... Организация МТС и крупных колхозов и совхозов, ликвидация округов и превращение ряда сел в районные центры приводит к постройке сотен городов в бывших селах». «Все это, — говорится дальше в резолюции, — вместе взятое, по-новому ставит перед партией проблему города в реконструктивный период, проблему перестройки старых и строительства новых городов».

Здесь в ответственной документе партий мы видим практическое подтверждение теоретических высказываний основоположников марксизма о путях изживания противоположности между городом и деревней. Действительно реконструкция народного хозяйства на основе индустриализации, индустриализация, механизация и социалистическая переделка сельского хозяйства обуславливают, как мы видим, быстрое возникновение городов, связанных с сельскохозяйственным, но уже крупным производством. Дальнейшее углубление изживания противоположности между городом и деревней будет идти параллельно индустриализации страны. «Учитывая, что дальнейшее развитие промышленного строительства страны должно идти по линии создания новых промышленных очагов в крестьянских районах и тем самым приближать окончательное уничтожение противоположности между городом и деревней, пленум ЦК считает нецелесообразным нагромождение большого количества предприятий в ныне сложившихся крупных городских центрах и предлагает в дальнейшем не строить в этих городах новых промышленных предприятий, в первую очередь не строить их в Москве и Ленинграде, начиная с 1931 г.».

Это создание «новых промышленных очагов в крестьянских районах», запрещение дальнейшего загромождения новыми предприятиями старых крупных городов является реальным путем в сторону планового нового размещения промышленности на основе приближения и даже соединения индустриального и земледельческого населения.

Сейчас еще рано ставить вопрос в категорической форме, будет ли при этом сельскохозяйственное производство развиваться по типу американского «выездного земледелия», но ведущегося индустриальным социалистическим производителем, или это будет такая органическая комбинация индустриального и земледельческого труда, какая собственно намечалась основоположниками марксизма, правда в самых общих чертах. Но несомненно, что попытка поставить разре-

ние задачи уничтожения противоположности между городом и деревней на основе «выездного земледелия» является к у ц о й наметкой. С этой стороны проблема индустриально-аграрных или аграрно-индустриальных комбинатов в о с с е не является формой, которую можно идеализировать как дающую разрешение — ликвидацию разделения общественного труда на две основных области — промышленную и сельскохозяйственную, ибо и в аграрно-индустриальном комбинате может успешно сохраниться фактическое разделение труда в самом его детализированном выражении.

Возникает вопрос о взаимозависимости и взаимосвязи изживания противоположности между городом и деревней в условиях: а) ликвидации классов, б) перерастания колхозов в предприятия последовательно социалистического типа, в) ликвидации различий колхозов от совхозов, г) окончательной реорганизации и социализации сельскохозяйственного производства на основе создания рационально построенных, оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий, д) ликвидации различий в материальных условиях жизни городских и деревенских жителей.

Вопрос о полной ликвидации деления общества на классы не вполне и д е н т и ч е н уничтожению противоположности между городом и деревней. В самом деле, уже в первой фазе коммунизма, при социалистическом строе общества, классовое деление общества преодолено, хотя и сохраняется оплата по труду, что соответствует такому уровню производительных сил, какое еще не может обеспечить удовлетворения членов общества по их потребностям, при труде по способности. Что необходимо для создания такого социалистического общества? Здесь ответ на вопрос мы получаем из практики нашего социалистического строительства, осмысленного и намеченного в своих дальнейших контурах в партийных и советских решениях. В этом году мы заканчиваем построение фундамента социалистической экономики, вступив в период социализма. Достигнутый уровень развития индустрии позволяет значительно повысить производительные силы страны и почти полностью перевооружить сельское хозяйство. С этим связано как обострение классовой борьбы на данном этапе, так и ликвидация кулачества как класса. Решение проблемы «кто—кого» в промышленности, разрешение этой задачи в ближайший год также и в сельском хозяйстве по существу означает ликвидацию крупнейших классовых антагонистов пролетариата в городе и в деревне. Остаются осколки разбитых и ликвидированных классов, с остатками своей классовой идеологии, игнорировать которых конечно нельзя, но брать их в расчет как класс в точном смысле слова было бы неправильно. Остается коллективизированное крестьянство (а не коллективизированного через год совсем не будет). Можно ли считать, что коллективизированное крестьянство попрежнему является классом в общепринятом сейчас смысле слова? Несомненно, ответить на вопрос «да, да» или «нет, нет» нельзя. Диалектика общественного развития, модификация, переделка крестьянина из мелкого «самостоятельного» производителя в колхозника есть превращение его, если можно так выразиться, в еще не п о с л е д о в а т е л ь н о г о, но социалистического производителя, у которого еще немало сохранилось корней и корешков отмирающего, но еще не у м е р ш е г о мелкого производителя. Таким образом можно сказать, что ликвидация классов и переделка трудящихся в социалистических производителях идет, после достижения определенного уровня развития производительных сил диктатурой пролетариата, значи-

тельно более форсированным темпом, чем полное сближение индустрии и сельского хозяйства, радикальное устранение разделения труда и уничтожение противоположности между городом и деревней.

Полное построение социализма в ближайшие пять-десять лет (высказывания Куйбышева и Сталина) можно понимать как переход в первую фазу коммунизма. Только в этот период плановое хозяйство в своем дальнейшем развертывании роста производительных сил будет уничтожать одно за другим различия, «противоположности» между городом и деревней. Полное рассеяние промышленности по стране, в целях индустриализации отсталых ее районов, окончательное сближение всех отраслей промышленного производства с сельскохозяйственным производством — будет по существу переходом общества во вторую фазу коммунизма, где все будут трудиться по способностям, и удовлетворяться по потребностям. Но нивелировка различий города и деревни уже в период первой фазы коммунизма достигнет чрезвычайно высокого уровня.

Если уже один переход к коллективному ведению земледелия только при условии коллективного труда на основе обобществления старых орудий производства индивидуального хозяйства меняет культурно-бытовой строй жизни, приближая его к строю жизни индустриального населения фабрично-заводских поселков (в особенности в области культурной жизни), то новая техника в сельском хозяйстве делает настоящую революцию во всем строе жизни деревни, форсируя сближение условий жизни города и деревни, меняющей свое лицо.

Перерастание колхозов в предприятия последовательно социалистического типа, в сущности говоря, означает переход этих предприятий к такому техническому вооружению, в котором целиком и без остатка тонут привнесенные из индивидуального хозяйства орудия производства, позволяющие деколлективизацию и возврат к старым способам производства на основе восстановления индивидуальной собственности на орудия производства, по своему характеру отвечающие масштабу мелкого индивидуального хозяйства. Такую постановку надо признать единственно правильной в условиях развернутого строительства социализма и все уменьшающегося технического базиса радикальной перестройки сельского хозяйства, ибо совершенно очевидно, что рост технического вооружения колхозов действительно отвечающими крупному хозяйству средствами производства обуславливает возрастание до преобладающего значения неделимых фондов, полной революции в материально-бытовом и культурном положении колхозника, для которого прошлое индустриального хозяйствования будет похороженным скверным прошлым. Здесь роль машинно-тракторных станций как энергетических центров, неизбежно разворачивающихся в поселения городского типа, воплощающие в себе положительные стороны города и естественные благоприятные условия, деревни, будет совершенно исключительной. Нужно оговориться, что возникновение социалистических городов, ликвидирующих старую противоположность города и деревни, не может происходить самотеком, но должно быть обеспечено творческой предусмотрительностью планового хозяйства.

Итак, что чему, возможно, будет предшествовать? Уничтожение противоположности между городом и деревней — перерастанию колхозов в последовательно социалистические предприятия или наоборот? Диалектически процесс будет идти параллельно, но полное изжитие противоположности между городом и деревней потребует

более продолжительного времени, чем перерастание всех типов колхозников в последовательно социалистические предприятия.

Дальнейший рост производительных сил, переход от колхозов, сложившихся не столько на основе оптимальных размеров и совершенной рациональности, сколько по признаку историческому и географическому (поселок, деревня, село, группа поселений), вызовет коренную перестройку сотен тысяч колхозных хозяйств в сельскохозяйственные предприятия такого оптимального размера и типа специализации, каким возможно сократить количество их до нескольких тысяч, вместо нынешних сотен тысяч. Эта радикальная перестройка сельского хозяйства будет сопровождаться решительной ломкой всего бытового строя жизни сельского населения, созданием городского типа населенных пунктов. Будут ли это агрогорода, или просто города «с выездным земледелием»? Было бы неправильно допускать (а это получится при предположении развития агрогорода), что развитие, реорганизация уже коллективизированного сельского хозяйства будет идти самостоятельно, параллельно, наряду с новым размещением и с то индустриальных предприятий. В том-то и дело, что развитие социалистического общества должно идти на основе роста индустрии, обеспечивающей рост производительных сил, но в форме сближения индустриального и сельскохозяйственного производства. Причем опять-таки не совсем верно думать, что это сближение будет идти в форме превращения сельского хозяйства в механизированную индустрию. Это только условие ликвидации разделения труда, а само сближение города и деревни заключается в новом размещении промышленных предприятий «по линии создания новых промышленных очагов в крестьянских районах» (из постановления ЦК ВКП(б) от 15 июня 1931 г.), в результате чего исчезает разделение населения на индустриальное и сельскохозяйственное, поскольку уничтожение разделения труда будет уже подготовлено и даже осуществлено механизацией сельскохозяйственных процессов (кроме конечно, естественно-биологических процессов, которые индустриальное развитие может ускорить, но не «отменить»). Таким образом новое размещение промышленных предприятий и реорганизация социалистического земледелия первичного образования будет сопровождаться ликвидацией противоположности между городом и деревней.

Иногда делаются попытки проблему противоположности между городом и деревней свести к различиям коммунальных услуг в городе и деревне, различиям материального уровня жизни городского пролетария, совхозовского рабочего и современного колхозника. При этом забывают, что в условиях унаследованного от капитализма уровня и характера распределения производительных сил каждая из этих групп трудящихся различно вооружена орудиями производства, результатом чего в условиях диктатуры пролетариата и является вынужденное различие в уровне материального обеспечения. Переходный период не является эпохой реализации принципов мелкобуржуазной уравнительности, также как и не может обеспечить удовлетворения всех по потребностям. Задача форсированного развития производительных сил на социалистических основах наоборот крайне жестко ставит проблему социалистического накопления, расширенного воспроизводства. Очевидно поэтому, что в эпохи, когда уровень производительных сил не обеспечивает удовлетворения людей по потребностям, а идет это удовлетворение по труду, изжитие неравенства материальных условий жизни целиком зависит от соответственного роста производитель-

ных сил в сельском хозяйстве и в целом во всем народном хозяйстве. Поэтому вообще не правильно ставить вопрос о том, что уничтожение противоположности между городом и деревней есть уравнивание бытовых условий. Результатом уничтожения этой исторически сложившейся противоположности будет исчезновение и материально неравенства. Но процесс изживания противоположности есть диалектический процесс, а не единовременный акт, прыжок из царства неравенства в царство материального равенства города и деревни.

Наше социалистическое строительство вступило в такую фазу, когда вопрос о сроке реализации тех или иных социалистических форм жизни может быть определен более или менее точно, причем этот срок будет являться не плодом «одной только воли», но в соответствии с указанием Маркса-Энгельса будет обусловлен «массой материальных предпосылок», созданных социалистической индустриализацией. Из известных высказываний например т. Сталина о том, что «мы должны пробежать это расстояние (отсталости от передовых стран на 50—100 лет — А. С.) в десять лет», а также т. Куйбышева на конференции по планированию научной работы, что в очередную пятилетку мы закончим построение социалистического общества, можно сказать, что вторая пятилетка будет пятилеткой оформившегося социалистического общества, где форсированные темпы изживания противоположности между городом и деревней во вторую пятилетку будут обеспечены как новым размещением промышленных предприятий, так и реорганизацией колхозного хозяйства, на рациональных началах, в условиях их превращения в последовательно социалистические предприятия. Но полное изжитие противоположности между городом и деревней будет осуществлено только в коммунистическом обществе.

Кроме задачи уничтожения противоположности между городом и деревней, от капитализма остались крупные города — это олицетворение капиталистических противоречий. «Цивилизация конечно оставила нам, в лице крупных городов, наследие, покончить с которым будет стоить много времени и усилий. Но с ним необходимо покончить, и это будет сделано, хотя бы это был очень продолжительный процесс... Задушевное желание (Бисмарк — А. С.) осуществится — погибнут крупные города»¹⁵.

Но это уже второстепенный вопрос хозяйственно-расчетного порядка, как поступить коммунистическому обществу с оставшимися от капитализма крупными городами. Говоря о хозяйственно-расчетном подходе к крупным городам во второй фазе коммунизма, мы имеем в виду, социальное значение их для того периода, когда концентрация мощных пролетарских сил отойдет в прошлое, поскольку ликвидация классов, создание бесклассового общества «отменяет» и такой чисто социально стратегический подход к городам.

¹⁵ „Анти-Дюринг“, с. 207.

А. ПАШКОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ — ПАРТИЙНАЯ НАУКА

(К вопросу о программах политэкономии)¹

Нынешний этап социалистического строительства выдвигает необходимость значительного изменения дела преподавания политической экономии в наших комвузах и социально-экономических вузах.

В основном проведенный решительный поворот вузов и комвузов лицом к социалистическому строительству, четкость целевой установки, проводимый вузами твердый курс на специализацию, введение производственной практики в вузах выдвигают задачу решительного пересмотра существующих ныне программ политической экономии. И при новых учебных планах политическая экономия в специализированных экономических вузах и комвузах остается дисциплиной, на основе изучения которой строится изучение студентами вуза экономики определенной области народного хозяйства СССР. Ускорение темпов учебы и необходимость повышения качества учебной работы также требуют пересмотра программы в сторону дальнейшего освобождения от всяких остатков схоластики и талмудизма, решительной актуализации программы и политической заостренности ее, решительной увязки теоретической экономии капитализма с теорией советского хозяйства.

Программа политической экономии должна быть в достаточной степени актуализирована, связана с конкретной действительностью сегодняшнего дня. Марксова политическая экономия — наука исключительно действенная, революционная. Только оппортунизму свойственно причислять марксизм под формулу и схему, подменять революционную политическую экономию Маркса безобидными дефинициями и талмудическими бесплодными абстракциями.

Было бы неверным полагать, что актуализация программы политической экономии, о с о в р е м е н и в а н и е ее может быть сделано лишь путем радикальной перемены структуры программы, и н о г о расположения тем, чем это было в существующих до сих пор программах и что соответствует в основном расположению материала и тем в «Капитале» Маркса. Нельзя, осовременивать программу политической экономии таким путем, чтобы тему «Империализм» поставить например, четвертой или пятой темой, т. е. до того, как будет изучен домонополистический капитализм. Такое построение программы разрешает проблему осовременивания лишь по видимости, оно соответствует марксову методу. Нельзя понять империализм, его сущность и основные закономерности без предварительного изучения простого товарного и капиталистического хозяйства эпохи свободной конкуренции. Программа политической экономии, порядок тем в ней в основном должны соответствовать структуре «Капитала» Маркса и «Империализма» Ленина. Она, эта структура, не является чем-то внешним, произвольным, а диктуется самим содержанием и

¹ Настоящая статья представляет собой несколько дополненное предисловие к типовой программе политэкономии для социально-экономических вузов и комвузов, выработанной комиссией теоретической секции Института экономики Комкадемии с участием автора.

самим методом науки политической экономии. Неверно так же думать, что осовременить программу политической экономии, насытить, пронизать ее современным живым капитализмом можно только путем основательной проработки специальной темы «Империализм» в конце курса. При изучении всего курса политэкономии нельзя отгородить студента каменной стеной от современного капитализма, от нынешнего дня капитализма и нельзя три четверти всего учебного времени, отведенного на политэкономия, строго держать студента в границах капитализма эпохи свободной конкуренции, капитализма вчерашнего дня и только в последнюю четверть предоставить ему право... и возможность заниматься изучением нынешнего капитализма. Но ведь именно так строится до сего времени большинство программ политической экономии. Боясь «забегать вперед», боясь «повторяться», искусственно обрывают изучение того или иного вопроса, не выходя за пределы того капитализма, который изучался Марксом и который для Маркса был конкретной современностью.

Сохраняя в основном структуру курса, мы в то же время должны максимально увязывать все этапы с современностью, особенно это должно сказаться в некоторых темах.

Империализм, современный капитализм должен быть дан не только в специальных темах в конце программы, но и во всех темах программы. Пример: критику взглядов Варга по вопросу о положении рабочего класса в послевоенную эпоху нужно дать не в теме «Всеобщий кризис капитализма», как это делается большинством нынешних программ, а в теме «Всеобщий закон капиталистического накопления».

В теме «Всеобщий закон капиталистического накопления» марксова теория обнищания рабочего класса должна быть доведена до наших дней включительно. В этой же теме нужно довести вопрос до конца, до нынешнего времени, рассмотреть, как действует современная капиталистическая рационализация на положение рабочего класса. В теме «Всеобщий кризис капитализма» эта же капиталистическая рационализация рассматривается в другом разрезе как фактор всеобщего кризиса, анализируются противоречия капиталистической рационализации. Другой пример: в теме «Производство прибавочной стоимости» необходимо изучение довести до наших дней, изучить современные методы производства прибавочной стоимости — капиталистическая рационализация, тейлоризм, фордизм.

Те, кто возражает против такого «смешения» стадий капитализма при рассмотрении отдельных вопросов политэкономии, забывают, что сущность монополистического капитализма остается та же, что монополистический капитализм есть капитализм, что законы капитализма действуют при империализме, хотя и в усложненном виде. Только при таком осовременивании материала изучение политической экономии превратится из догматического, абстрактного — в действительное, актуальное, интересное и плодотворное.

Конечно такое «забегание» вперед, такое нарушение принципа «этажности» не должно идти вразрез с методикой и методологией науки. Было бы неправильным, например в начале курса, изучая теорию стоимости, тут же перепрыгнуть к монополюльной цене и к закону стоимости в эпоху империализма.

При изучении политической экономии основная задача комвуза и социально-экономического вуза — изучить политическую экономию Маркса, Энгельса, Ленина, обладать марксистско-ленинской теорией и экономики капитализма. Такая установка программы отнюдь не ис-

ключает, а наоборот предполагает необходимость в комвузе и социально-экономическом вузе изучать враждебную марксизму буржуазную экономию, изучать критически, борясь с ней методом Маркса и Ленина.

Нужно помнить, что марксова политическая экономия есть наука критическая, «Капитал» есть «критика политической экономии», и этот критический, полемический характер ее должен быть полностью сохранен сейчас при изучении политической экономии, а стрелы критики должны быть направлены против нынешнего врага, против современной буржуазной экономии, против современного ревизионизма и оппортунизма.

Критический, полемический характер политической экономии подчеркивался Лениным. Ленин писал, что по самому существу своему политическая экономия есть теория критическая и революционная, что она есть наука полемическая и что полемический характер политической экономии есть лишь точное отражение «полемического характера» самого капитализма.

Студент должен знать врагов марксизма, должен знать идеологическое оружие врага пролетариата. Критическое изучение буржуазно-политической экономии должно вместе с тем способствовать лучшему, более глубокому усвоению нашим советским, теперь в значительной своей части пролетарским студентом единственно научной политической экономии — политэкономии Маркса и Ленина.

Существующими до последнего времени в социально-экономических вузах и комвузах программами буржуазные теории обычно рекомендуется изучать путем лекций; мотивы — недостаток, ограниченность времени, отводимого в вузах на политэкономию. Такой способ изучения политической экономии не может быть признан правильным: буржуазную экономию, как и социал-фашизм, теорию правых и «левых» нельзя изучать «дополнительно», отрывкам, оторвав от изучения содержания марксовой политэкономии; критику этих теорий нужно давать во всех темах при изучении марксовой теории не в пассивной форме — лекции, а в порядке семинарской проработки, с указанием обязательной к проработке литературы. Ввиду ограниченности времени рекомендовать приходится не самую буржуазную литературу, а только марксистскую критику ее.

Само собою разумеется, читать критическую литературу о буржуазных теориях студент должен не за счет урезки своей работы над «Капиталом» Маркса, над сочинениями Ленина. Если отведенное учебным планом время для самостоятельной работы ставит перед студентом выбор — или по одному разу прочитать всю рекомендуемую заданием литературу, работы Маркса, Энгельса, Ленина и критическую литературу о буржуазной экономии, или же несколько раз перечитать работы Маркса, Энгельса, Ленина и не прочитать ни разу рекомендуемую литературу о буржуазных теориях — безоговорочно должен быть выбран второй вариант. Однако учебный план должен быть построен так, чтобы студент имел возможность понять и усвоить материал Маркса—Энгельса, Ленина и кроме того критическую литературу о буржуазных теориях, а там, где это возможно, и отрывки подлинных работ критикуемых буржуазных экономистов.

Что необходимо здесь подчеркнуть, это важность и полезность для лучшего овладения студентом марксистско-ленинской политической экономией активного критического изучения буржуазной политической экономии, отдельных теорий ее. Критика буржуазных

теорий по отдельным вопросам должна быть дана не в виде лекций, а по всем темам всего курса; эта критика должна быть непосредственно увязана методически с позитивным изложением марксовской теории. В теме «деньги» дать критику основных буржуазных теорий — номиналистической и количественной, в теме «зарплата» — критику производительной теории и социальной теории Туган-Барановского и т. д.

Такой структурой программы ни в какой степени, конечно, не отрицается необходимость организации в комвузах и социально-экономическом вузе цикла лекций по вопросам политической экономии. Буржуазные школы, как школы в целом, приходится в большинстве вузов и комвузов изучать именно в форме лекций. Лекции должны ставиться с целью большего углубления и расширения экономического кругозора студента. Само собою разумеется, что буржуазные школы в целом — классиков, австрийцев, социальное направление современной буржуазной экономии — необходимо изучать, если к тому есть возможность, также не путем лекций (форма учобы наименее эффективная), а лабораторным методом, в общем порядке. Критика же буржуазных теорий денег, теорий зарплаты, теорий кризисов и т. д. должна входить составною частью изучения студентов позитивной теории капиталистической экономии по работам и методом Маркса—Энгельса, Ленина. Упор должен быть сделан при этом на современную буржуазную экономию, на внешнего живого врага марксизма-ленинизма.

Программа должна исходить из необходимости полного разоблачения, беспощадной критики политической экономии социал-фашизма. Наш студент должен знать не только то, как подло и систематически современная социал-демократия предаёт интересы рабочего класса, но и то, какую теоретическую базу подводит она под эту свою повседневную практику и политику предательства. В теории социал-демократия так же беззастенчиво и до конца капитулирует перед современной буржуазной экономией, как беззастенчиво и до конца капитулировала она перед буржуазией в политике. Экономическая теория социал-фашизма есть не что иное как разновидность современной буржуазной экономической теории. Назначение ее — маскировка фактической защиты интересов буржуазии видимостью защиты интересов рабочего класса, оправдание капитализма и оправдание своей политики всемерной поддержки и укрепления капитализма. В то же время картина глубокого теоретического падения современной социал-демократии должна быть прослежена исторически, начиная с Бернштейна и кончая нынешними рыцарями капитализма — Гильфердингом, Каутским и последним словом фашистской «теоретической» мудрости — вульгарнейшим творчеством профессоров социал-фашизма — Нельтингов, Браунталь и пр. разновидностей нынешних «наемных писак» капитализма.

Эта критика теории социал-фашистов, выявление единства апологетической, вульгарной теории с их контрреволюционной прелательской практикой должна даваться так же, как и критика буржуазной экономии, во всех темах, на протяжении всего курса.

Беспощадная борьба, последовательное разоблачение и критика механистического и идеалистического извращения марксизма-ленинизма должны также красной нитью проходить через всю программу политической экономии. Студент должен быть воспитан в духе настороженности и крайней непримиримости ко вся-

кого рода извращениям революционной теории Маркса—Ленина. Должна быть полностью понята студентом антиреволюционная, буржуазная сущность механистического и идеалистического извращения марксизма. Более полутора лет прошло со времени, когда с помощью и под непосредственным руководством т. Сталина было ликвидировано пленение значительной части теоретиков-экономистов и в том числе многих коммунистов по существу антимарксистской, буржуазной концепцией Рубина и механистов. Последующий ход событий — раскрытие вредительства, активная работа идеологов механицизма и идеализма по организации интервенции — Рубин, Финн-Енотаевский и т. д. и т. п. — даже самым упорным уклонистам в экономической теории показали правильность той большевистской оценки контрреволюционной сущности механистического и идеалистического извращения марксизма, которая была дана полтора года назад т. Сталиным.

Единственно правильная большевистская политика непримиримой борьбы на два фронта и в области теоретической экономики, решительный поворот теории к практике социалистического строительства в программе политической экономики должны быть полностью реализованы. К сожалению, нынешние программы политической экономики нередко эту задачу разрешают далеко не полностью и часто не так, как это надо. В вузовских программах еще и теперь приходится видеть остатки рубинщины, предподносимые, к тому же, нередко под флагом борьбы с рубинщиной. Наиболее распространенной формой непосредственной, формальной, поверхностной критики контрреволюционной рубинщины, прикрывающей фактическую несвободу составителей программ от влияния рубинщины, является прием — критику механицизма и идеализма давать в конце или в середине курса, в виде самостоятельной темы.

Мотивируют при этом тем, что будто бы студент, только изучив все с курс политической экономики или половину его, будет в состоянии понять, разобраться в сущности механистического и идеалистического извращений. Такое мнение является в корне неверным. Критика механистического и идеалистического извращений марксизма, разоблачение контрреволюционной сущности этих извращений должны проходить через всю программу, через все темы. Относить критику механицизма и идеализма на середину или на конец курса нельзя. Это не означает, конечно, что, скажем, более развернутую критику извращения механистами и идеалистами марксовой теории труда, создающего товар, нельзя перенести на конец темы «товар», после того как будет изучена вся марксова теория стоимости. Не значит, что в конце курса политэкономики, в заключительной теме «предмет и метод политической экономики» не должно быть дано обобщающей критики этих извращений, в том числе и по вопросу о природе труда, создающего стоимость. Что должно быть здесь подчеркнуто, это — необходимость систематической, последовательной критики механицизма и идеализма при всяком поводе, во всякой теме.

Механицизм и идеализм были орудием в руках экономистов-вредителей; программа должна указывать, фиксировать внимание на этой непосредственной связи извращения марксизма в теории с контрреволюционной практикой вредителей. По всей программе должны вскрываться контрреволюционная сущность идеализма и механицизма, должно быть показано, что механицизм и идеализм были на службе у контрреволюции, показано единство антимаркси-

стской теории и контрреволюционной практики Рубина, Финк-Еногаевского, Юровского, Громана, Базарова и др. реставраторов капитализма. Студентом должно быть усвоено это методологическое единство контрреволюционной теории и контрреволюционной практики вредителей.

Изучение политэкономии должно вооружить студента комвуза и социально-экономического вуза умением бороться за генеральную линию партии в теории и на практике, бороться за чистоту марксистско-ленинской теории. Политическая экономия — наука сугубо классовая, она есть, как подчеркивал Ленин, партийная наука. Из программы должны быть изгнаны всякие остатки схоластики, талмудизма. В программе должна быть реализована служебная роль политэкономии — действительное познание объективных законов возникновения, развития и гибели — уничтожения товарно-капиталистического общества. Студент изучает политэкономия не для познания «вообще», не для «чистого познания», а для познания путей возникновения, развития и уничтожения товарно-капиталистического общества. Политическая экономия Маркса есть наука, вводная к теории пролетарской революции, дающая обоснование практики пролетарской революции.

Необходимо подчеркнуть классовое содержание категорий политэкономии Маркса, необходима критика не только буржуазной экономической теории, но глубокая критика и самого капитализма, подчеркивание эксплуататорской сущности его и его исторической ограниченности. Изучение политической экономии в комвузе и социально-экономическом вузе должно быть одним из существенных и основных способов партийного воспитания нашего пролетарского студенчества. Изучение политической экономии должно способствовать выработке в вузе крепкого большевика-ленинца, умеющего активно бороться со всякими извращениями марксизма-ленинизма. Критика, разоблачение методологии и экономической теории правых и левых», вскрытие ревизионистской сущности и антиреволюционной роли этих извращений, красной нитью должны проходить через всю программу политэкономии. Программа должна быть вместе с тем построена так, чтобы студент понял внутреннюю, методологическую связь механистического и идеалистического извращения экономической теории Маркса и Ленина с извращениями политической линии большевизма-ленинизма, понял связь извращений экономической теории с политической позицией правых и «левых».

Непримиримость к извращениям марксизма-ленинизма, бдительность, умение открыть эти извращения под любой маской, вот что должно давать нашему студенту изучение политической экономии. Поэтому программа должна быть политически заострена. Политическая заостренность — основное требование, предъявляемое ко всякой программе, которая составляется теперь.

Эта заостренность выражается в непримиримой борьбе с буржуазной экономией — с экономией социал-фашизма, механистическим и идеалистическим извращением марксизма-ленинизма, с методологией и теорией правых и «левых» оппортунистов.

Все еще спорным вопросом построения программы политической экономии до сих пор продолжает быть вопрос об увязке изучения политической экономии капитализма с советским хозяйством. Сторонников того, что при изучении теории капитализма вопросов советского хозяйства не надо совсем касаться — среди эко-

номистов-преподавателей и в настоящее время имеется немало. Еще больше существует неясностей и разногласий по вопросу о том, как надо увязывать изучение теории капитализма и теории советского хозяйства. Обычные аргументы сторонников полного «невмешательства» в область теории советского хозяйства сводятся к утверждению, что советское хозяйство столь отлично от капиталистического, что для изучения его необходима особая наука — теория советского хозяйства, рассмотрение же при изучении теории капитализма вопросов советского хозяйства является нарушением методологической чистоты марксовой теории. Многие думают, что совсем «обходить» вопросы советского хозяйства не следует, но считают возможным ограничиться привлечением советского хозяйства лишь путем ответов преподавателя на вопросы, поставленные по инициативе самих студентов. Некоторые считают, что при изучении первой половины курса политической экономии вопросов советского хозяйства включать нельзя, а начать увязывать с советским хозяйством лишь после того, как будут пройдены темы примерно первого тома «Капитала». Другие полагают, что в программу по политической экономии вопросы советского хозяйства ставить нужно, а литературы не давать и т. п. — бесчисленные вариации мнений по такому огромной важности вопросу.

Надо твердо сказать, что установка на то, чтобы при изучении политической экономии капитализма вопросов советского хозяйства не нужно касаться совсем, или ограничиться только ответом преподавателя на прямой вопрос студента, такая установка является не чем иным, как остатком влияния р у б и н щ и н ы в среде преподавателей политэкономии. Усердное отгораживание студента, изучающего политическую экономию капитализма, от советского хозяйства, в интересах якобы «чистоты» марксистской методологии, является отрыжкой недавнего прошлого, когда в программах наших вузов и комвузов находила себе приют немалая доза элементов схоластики, талмудизма.

Тем, кто оберегает «чистоту» марксистской методологии от советского хозяйства, следует серьезно вдуматься в тот совершенно бесспорный факт, что не кто иной, как именно М а р к с в своей теории капиталистического общества весьма часто прибегает к социалистическому обществу для иллюстрации, сравнения, противопоставления.

Маркс рассматривает ту или иную категорию капиталистического общества и здесь же ставит вопрос об этих категориях в условиях докапиталистического хозяйства и при социализме. Маркс делает это на протяжении всех своих экономических работ и в отношении почти всех рассматриваемых им категорий и законов. Не боясь нарушить «чистоту» своего метода, Маркс, в отличие от не в меру усердных его ревнителей, ставит вопрос о стоимости при социализме, о деньгах, о кризисе, выясняя, как будет обстоять дело с этими категориями тогда, когда не будет товарно-капиталистического общества. Вскрывая, подчеркивая исторический характер категорий товарно-капиталистического общества. Маркс тут же говорит, как и е же категории, законы будут в обществе социалистическом.

То, что Маркс делал более полсотни лет тому назад, то можно и, более того — то нужно, и в гораздо большей мере, делать теперь нам, непосредственным участникам строительства социализма. И никакого прегрешения против методологии Маркса здесь нет.

Студент, нынешний советский студент, пришедший в вуз с активной работы, в вузе настойчиво ставит вопрос о том, есть ли стои-

мость в СССР, какова природа советских денег, как обстоит дело с категорией «прибавочный продукт» и т. д. и т. п. Было бы нелепо, а это, к сожалению, нередко имеет место и теперь, сказать студенту — подожди еще год-полтора, будет изучаться специальный курс теории советского хозяйства, и тогда все узнаешь! Преподаватель не имеет ни оснований, ни права отводить вопросы советского хозяйства.

Программа политэкономии не может ставить задачу параллельного изучения теории капитализма и теории советского хозяйства. Параллельное изучение этих двух предметов невозможно потому, что природа, сущность двух систем — капитализма и социализма — различна, противоположна, и метод изучения того и другого различен. Увязка в изучении теории капитализма с вопросами советского хозяйства должна проводиться в порядке противопоставления двух систем — капитализма и социализма.

Такое привлечение советского хозяйства при изучении политической экономии капитализма дает возможность, во-первых, лучшего понимания изучаемых категорий и законов капиталистического общества, во-вторых, удовлетворяет вполне понятное и законное желание студента получить научный ответ на интересующие его вопросы из области советского хозяйства и, в-третьих, дает студенту необходимую подготовку к последующему — после проработки курса теории капитализма — систематическому изучению советской экономики в целом, в ее основных закономерностях.

Само собою разумеется, что такая увязка в изучении теории капитализма с советским хозяйством ни в какой мере не снимает необходимости изучения в комвузе и социально-экономическом вузе специального курса теории советского хозяйства после того, когда теория капитализма будет студентом изучена. Увязка с советским хозяйством не может подменить необходимости специального изучения советской экономики в целом, ее основных закономерностей.

Неверно было бы увязку с советским хозяйством понимать так, что например можно ограничиться постановкой вопросов советского хозяйства лишь в конце каждой темы, в заключение. Такое включение вопросов советского хозяйства будет не чем иным как механическим привеском, искусственным придатком к теории капитализма.

Нужна более тесная, органическая увязка. Вопросы советского хозяйства необходимо включить в самое содержание темы. Ставится например вопрос о простом товарном хозяйстве как исходном моменте и зародыше хозяйства капиталистического. Здесь же должен быть поставлен вопрос об ином пути развития простого товарного — бедняшко-средняшконого хозяйства у нас в СССР. В теме «прибавочная стоимость» должен быть поставлен вопрос о природе кооперативного труда в наших колхозах, о прибавочном продукте в социалистическом обществе: в теме «всеобщий закон капиталистического накопления» представляется много возможностей для яркого противопоставления двух систем: то же по другим темам.

Нельзя увязку с советским хозяйством сводить к простой констатации того, что например закон стоимости в советском хозяйстве не действует, что деньги наши не есть деньги товарно-капиталистического общества, что прибавочная стоимость в наших госпредприятиях не существует. Ограничиться такого характера постановкой вопроса было бы упрощением проблемы. Необходимо уяснить, какие же законы являются основными в советской экономике, какова природа

советских денег, дать критику буржуазных и оппортунистических взглядов по этим вопросам. А это предполагает необходимость включения в рекомендуемую обязательную для студента литературу-минимум литературы и по вопросам советского хозяйства.

Увязка с советским хозяйством должна проводиться, начиная с первой же темы — «товара». Неверным является мнение, что например вопрос о категории стоимости в условиях СССР нельзя ставить уже в первой теме теории капитализма — «товар», так как для понимания того, что закон стоимости в советском хозяйстве не действует и что у нас «товар» не есть товар в подлинном смысле слова, нужно будто бы знание всей совокупности закономерностей советского хозяйства. Еще более это относится, будто бы, к категории денег. На самом же деле, по нашему мнению, советскому студенту не нужно предварительных систематических познаний теории советской экономики для того, чтобы понять, что закон стоимости в советском хозяйстве не действует, чтобы понять роль плана в советском хозяйстве, и т. д.

В товарном обществе стоимость является самой общей категорией. Чтобы понять стоимость, понять действие закона стоимости, необходимо, вообще говоря, изучить не только простое товарное хозяйство, но и капиталистическое, превращение стоимости в форму цены производства, необходимо рассмотреть действие закона стоимости в эпоху империализма, рассмотреть монопольную цену. Маркс, однако, категорию стоимости дает уже в первой главе, именно как самую простую и общую категорию. Подобно этому, роль плана, судьба категории товара, категории стоимости в условиях советской экономики, природа советских денег может быть понята и должна рассматриваться студентом уже при изучении первых тем политической экономики капитализма.

Изучение политической экономики не может быть сведено к простому заучиванию студентами выводов и формул, оно должно дать студенту глубокое понимание сущности капиталистической экономики в ее противоречии, дать понимание движения, нарастания, обострения противоречий. Студент должен усвоить диалектику капитализма, понять внутренние законы движения товарно-капиталистического общества. Изучение экономики капитализма должно быть вместе с тем изучением метода Маркса, примененного им в экономической теории. Известно, какое исключительное значение придавал Ленин познанию, изучению метода Маркса, метода материалистической диалектики как условия, без которого правильно и глубоко понять законы капитализма трудно и, более того — невозможно. Изучение политической экономии нашим студентом должно быть вместе с тем изучением марковского метода материалистической диалектики, изучением того, как этот метод применяется в «Капитале» Маркса. Неправильным является широко принятое в практике наших вузов перенесение всех вопросов метода политической экономии только на конец курса. Два года студент штудировал политическую экономию, совершенно не фиксируя своего внимания на методе Маркса, и только в конце второго года ему преподносится абстрактная постановка вопроса о методе науки, которую он уже изучил. Прохождение курса политической экономии в наших социально-экономических вузах и комвузах должно быть методизировано, пропитано изучением метода материалистической диалектики. В конце курса в специальной теме (о предмете и методе политической экономии) лишь обобщается и углубляется все, что уже известно студенту о методе политической экономии, что получе-

но им на протяжении всего предыдущего времени. Такое методологизирование будет способствовать более глубокому и правильному пониманию и усвоению законов капитализма.

Единство противоположностей, качество и количество, форма и содержание, сущность и явление, абстрактное и конкретное, историческое и логическое и т. д. и т. п., как эти категории даны в «Капитале», все это должно стать известно студенту не в конце курса политэкономии, а в процессе изучения курса.

Большим затруднением в таком изучении политэкономии является отсутствие необходимого философского образования у студентов на I курсе вуза, когда политэкономия проходится; во многих вузах философию и истмат проходят после того, как политэкономия уже изучена. Последнее обстоятельство ненормально, необходимо параллельное изучение двух предметов — диалектического материализма и политэкономии. Но и там, где последнее невозможно, с преподавателя политэкономии не снимается обязанность пропитать изучение студентом политической экономии изучением метода Маркса.

Изучая марксову политическую экономию, студент должен усвоить все то новое, что внес в политическую экономию Ленин, усвоить метод ленинизма, усвоить все огромное наследство, какое оставил нам Ленин. Поэтому программа политэкономии должна ставить задачу освоения студентом ленинского этапа политической экономии.

Политическая экономия — партийная наука. Под этим лозунгом должно строиться преподавание политэкономии в вузах и комвузах. Такой подход к программе политэкономии требует и соответствующего подбора литературы, рекомендуемой студенту. Основное, что здесь должно быть подчеркнуто, это — необходимость максимального использования студентом работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. В наших вузах дело с этим обстоит не везде благополучно. Ценнейшие работы Маркса, Энгельса, и Ленина часто совсем не привлекаются в учебной работе. Работы Ленина и Сталина должны быть взяты для изучения по всем темам политэкономии.

Таковы общие принципы, которые по нашему мнению должны быть положены в основу программы для социально-экономических вузов и комвузов. Именно на основе этих принципов и выработана теоретической секцией Экономического института Комкадемии типовая программа для комвузов и социально-экономических вузов на 1931/32 г. Но эти основные установки применимы к программе не только социально-экономических вузов и комвузов, но к учебным учреждениям других типов с более глубокой проработкой политической экономии, в институтах аспирантуры и в технических вузах с сокращенной программой. Экономический институт красной профессуры в этом году перестроил свои программы в этом направлении. Другие институты, где идет подготовка квалифицированных экономистов, также должны скорее и более последовательно перестроиться.

Я. СЕГАЛЛ

СТРУКТУРА ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛА¹

Вопрос о структуре занятого в промышленности капитала до сих пор принадлежит к числу наименее разработанных проблем экономической науки. А между тем он представляет не только один лишь теоретический интерес. В СССР, находящемся в процессе невиданной в истории социалистической стройки на основе индустриализации страны, исследование строения промышленного капитала на Западе имеет и глубокое практическое значение. В деле планирования нашей социалистической индустрии, в деле создания огромных новых предприятий важно найти оптимальные соотношения между затратами на здания, оборудование, сырье, рабочую силу и т. д., так же как и основы для калькуляции издержек производства. Весьма важным является также вопрос о максимальном ускорении оборотных средств нашей промышленности. Отправным пунктом должен был бы тут служить анализ структуры капитала, занятого в промышленности капиталистических стран.

Правда мы должны прежде всего иметь в виду глубочайшую принципиальную разницу между капиталистической системой и системой советской. Тогда как в странах капитализма промышленный капитал есть продукт и фактор стихийного хозяйственного процесса, протекающего в условиях классовой борьбы, соотношение частей этого капитала, его функций, характер и быстрота кругообращения определяются всей системой частнохозяйственных отношений с ее переплетенностью связей между банковским, промышленным и торговым капиталом, анархией рынка, конъюнктурными колебаниями и т. д., — фонды, занятые и вновь вкладываемые в нашу советскую промышленность, их размеры, связи и взаимоотношения отражают в себе планирующую и регулирующую волю пролетарского государства.

Но если мы для целей исследования временно отвлечемся от надстройки фиктивного капитала, от стихии денежного рынка и в своем анализе структуры промышленного капитала на Западе постараемся выявить взаимоотношения и взаимодействие производственного, денежного и товарного капиталов, занятых в промышленности, идя при этом не от рынка, а от предприятия, то мы тем самым поможем нашим планирующим органам разобраться в целом ряде сложнейших вопросов инвестирования средств и организации предприятий.

Трудности, стоящие на пути марксистского анализа структуры промышленного капитала, огромны. Для него нужна была бы по-марксистски поставленная статистика, приводящая данные о размерах постоянного и переменного капиталов, об основном и оборотном капитале по целым отраслям промышленности, по группам предприятий и по

¹ Статья представляет собой методологическую часть работы о „структуре промышленного капитала“, сделанной автором для Института промышленно-экономических исследований ВСНХ.

отдельным предприятиям, об издержках производства, о соотношении между отдельными частями постоянного капитала (здания, постройки, машины и другое оборудование, сырье, подсобные материалы и т. д.). Нужны подробные и не фальсифицированные балансы и отчеты предприятий. Ничего этого конечно нет. Статистические сведения по отдельным странам носят общий и поверхностный характер. Они несоизмеримы между странами, составляются буржуазными статистиками, которым марксистская методология и экономика в корне чужды. Что же касается балансов и отчетов капиталистических предприятий, то здесь нельзя никак упускать из виду, что они составляются часто под влиянием соображений рекламного характера, а еще чаще исходя из интересов правлений акционерных обществ и их директоров, из всевозможных расчетов на биржевые конstellляции, из стремлений уклониться от налогов и т. д. От объективности они еще дальше, чем буржуазная статистика. И тем не менее для нас нет другого выхода: при исследовании структуры промышленного капитала приходится только пользоваться такими ненадежными материалами.

Настоящую работу ни в коем случае нельзя рассматривать как более или менее обстоятельный ответ на вопрос о том, какова структура капитала, занятого в промышленности капиталистических стран. Она является только попыткой поставить проблему в марксистском анализе промышленного капитала на практическую почву, пользуясь данными по некоторым отраслям промышленности и по некоторым предприятиям САСШ, где мы располагаем наиболее близкими к действительности статистическими данными и сравнительно менее фальсифицированными балансами, чем в остальных капиталистических странах.

Техническая структура промышленного капитала

Исходным пунктом исследования состава промышленного капитала должен быть анализ его технической структуры. Техническая структура капитала является по выражению Маркса «основой его органического состава».

«Под составом капитала, — говорит Маркс, — мы понимаем . . . отношение между его активной и пассивной составной частью, между переменным и постоянным капиталом. При этом нашему рассмотрению подлежат два отношения, имеющие не одинаковую важность, хотя в известных обстоятельствах и производящие одинаковое действие. Первое отношение основывается на техническом базисе и на известной ступени развития производительных сил может рассматриваться как данное. Требуется определенная масса рабочей силы, представленная определенным числом рабочих, чтобы произвести определенную массу продукта, например в течение одного дня, и, следовательно, что уже само собой разумеется, привести в движение, погребить производительно определенную массу средств производства, машин, сырых материалов и т. д. Определенное число рабочих приходится на определенное количество средств производства, следовательно определенное количество живого труда приходится на определенное количество труда, уже овеществленного в средствах производства. Отношение это очень различно в различных сферах производства, часто даже в различных разветвлениях одной и той же отрасли промышленности, хотя, с другой стороны, в очень отдаленных друг от друга отраслях промышленности оно случайно может быть

совершенно или почти одинаковым. Это отношение образует технический состав капитала и является действительной основой его органического состава . . . . Состав капитала по стоимости, поскольку он определяется его техническим составом и отражает этот последний, мы называем органическим составом капитала»².

Исследовать техническую структуру капитала надо как в статическом, так и динамическом разрезе, т. е. сопоставляя и анализируя данные по странам и отраслям промышленности в определенный момент и также следя за изменениями этих данных на протяжении известного отрезка времени. Но для этого нужно установить показатели технического строения капитала. Ибо, отвлекаясь от стоимости выражения средств производства, сырья и продукции, мы тем самым получаем перед собой величины для различных отраслей в большинстве случаев несоизмеримые.

Основным показателем технического состава промышленного капитала может служить силовое оборудование, которое является частью основного капитала предприятия. Энергетическая вооруженность и в особенности динамика энерговооруженности каждого рабочего или каждого предприятия в той или иной отрасли промышленности в то или иное время представляет собою величину, сравнимую для других отраслей промышленности и других отрезков времени, ибо она выражается в одинаковых единицах. Вот почему, ставя вопрос об анализе технической структуры капитала в различных отраслях промышленности, мы неизбежно приходим к измерению этой структуры посредством сравнения динамики энергетических единиц, являющихся косвенно показателями роста всей технической структуры капитала.

Возьмем данные по металлургической, химической, машиностроительной, автомобильной, текстильной и обувной промышленности САСШ за последние 15—20 лет.

Сведения о мощности первичных силовых установок по взятым нами отраслям промышленности в САСШ рисуют нам следующую картину (см. табл. на с. 61).

Главными материалами для нас среди этих данных являются конечно не абсолютные размеры мощности силовых установок, а темпы их роста. При этом надо указать, что по всем отраслям обрабатывающей промышленности САСШ темпы роста мощности первичных силовых установок на одного рабочего и на одно предприятие были таковы:

Темп роста силовых установок.

Г о д ы	На 1 предприятие	На 1 рабочего
1914	100,0	100,0
1923	206,2	118,8
1925	233,5	134,3
1927	247,4	143,7

Если мы теперь сравним эти общие темпы с темпами по отдельным взятым нами отраслям промышленности, то мы увидим, что текстильная и обувная промышленности, обслуживающие непосредственные потребности масс, отстают в развитии мощности своих силовых установок от других отраслей. В то же время некоторые так наз. «молодые» отрасли индустрии дают весьма быстрые темпы силового пере-

² Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 101-102.

САСШ	Годы	Общая мощность первичных установок в лош. сил	Средн мощность сил. устан. на 1 предпр. в лош. сил	Темп роста в %	Средн. мощность первичн. силов. устан. на 1 раб.	Темп роста в %
Текстильная промышленн.	1914	2 522 862	424,5	100,0	2,65	100,0
	1923	3 556 440	453,74	106,9	3,05	115,1
	1925	3 748 885	501,86	118,2	3,37	127,2
	1927	3 906 023	539,21	127,0	3,48	131,3
Сталелитейные и прокатные заводы	1914	2 703 596	6 331,6	100,0	10,9	100,0
	1921	—	—	—	—	—
	1923	4 313 522	8 821,1	139,4	11,1	101,8
	1925	4 763 533	10 070,9	159,0	12,8	117,4
	1927	6 781 058	13 952,8	220,4	18,8	172,6
Коксо-химические заводы .	1914	117 127	507,0	100,0	5,5	100,0
	1923	332 560	1 269,3	250,4	11,7	212,7
	1925	409 552	1 728,1	340,9	17,7	321,8
	1927	451 874	2 642,5	521,2	21,4	389,1
Автомобильные заводы .	1914	104 963	349,9	100,0	1,3	100,0
	1923	435 545	1 240,9	354,6	1,8	138,5
	1925	509 758	1 716,4	490,5	2,6	200,0
	1927	725 674	2 748,8	785,6	3,9	300,0
Автомоб. шасси и части . .	1914	67 912	69,9	100,0	1,4	100,0
	1923	425 088	200,5	286,9	2,6	185,7
	1925	662 255	487,7	697,7	2,9	207,1
	1927	551 639	454,8	650,7	3,0	214,3
Машиностроение: производ-ство двигателей и турбин	1914	62 106	139,25	100,0	2,1	100,0
	1923	165 137	663,20	476,3	3,4	161,9
	1925	224 194	1 019,06	731,8	4,4	209,5
	1927	241 778	1 124,59	807,6	4,4	209,5
Прочие виды машиностроен.	1914	226 320	219,73	100,0	1,9	100,0
	1923	480 268	287,41	130,8	2,0	105,3
	1925	589 398	338,92	154,2	2,5	131,6
	1927	661 168	372,07	169,3	2,7	142,1
Обувное производство (фаб-ричное)	1914	95 966	70,82	100,0	0,50	100,0
	1923	128 550	80,04	113,0	0,57	114,0
	1925	139 569	95,53	135,0	0,67	134,0
	1927	138 706	102,21	144,3	0,68	136,0

оборудования, далеко оставляющие за собою средний уровень. К таким производствам относятся: автомобильная индустрия, где мощность силовых установок на 1 рабочего поднялась по сравнению с 1914 г. втрое (300,0 против 100,0), обогнав больше чем вдвое общий темп роста всех отраслей промышленности (300,0 против 143,7), затем коксо-химические заводы, где мощность силовых установок на 1 рабочего выросла еще больше, поднявшись почти вчетверо по сравнению с 1914 г. (389,1 против 100,0); более высокие темпы роста силового оборудования, чем средние по всей промышленности, дают также сталелитейные и прокатные заводы и заводы по изготовлению двигателей и турбин.

В одном из примечаний к первому тому «Капитала» Маркс пишет, что на сталелитейном заводе Круппа в 1862 г. энергетическая вооруженность выражалась в 1 236 лош. сил на 2 400 рабочих при продукции в 13 фунтов стали в год. На каждого рабочего приходилось около половины лош. силы².

О том, как далеко зашло развитие технической структуры капитала за прошедшие с тех пор 70 лет, можно судить по американской промышленной статистике. Среднее число лош. сил на одного рабочего на всех сталелитейных и прокатных заводах САСШ (а не только на одних гигантах, каким во время Маркса был крупновский завод) составило в 1927 г. 18,8—другими словами—энерговооруженность одного рабочего повысилась в этой отрасли промышленности в 37,5 раз.

Данные о темпах роста силового оборудования на одно предприятие подтверждают наши заводы. Мы видим, что за взятый нами период времени этот темп роста был очень высок: силовое оборудование всех отраслей обрабатывающей промышленности на одно предприятие увеличилось почти в 2,5 раза за 13 лет. И тут опять обувь и текстиль отстают (соответственно 144,3 и 127,0 по сравнению с 247,4 для всех отраслей), между тем как автомобильная индустрия дает огромный скачок (785,6), производство двигателей и турбин показывает даже еще более высокий темп роста силового оборудования (807,6), а за ними следуют коксо-химические заводы (521,2), больше чем вдвое обгоняющие общий темп роста силового оборудования на каждое американское предприятие.

Это разнообразие темпов роста силового оборудования различных отраслей промышленности является одним из показателей тех колоссальных диспропорций, которые были одним из факторов теперешнего кризиса. Для того, чтобы показать еще с одной стороны различие в темпах развития энергетической вооруженности одного рабочего по разным отраслям промышленности, возьмем текстильную промышленность за основу и, приравняв темп ее роста к 100, посмотрим, как росло силовое оборудование в других отраслях промышленности.

Темпы роста силового оборудования на 1 рабочего по сравнению с темпами роста силового оборудования в текстильной промышленности

Отрасли промышленности	1914	1923	1925	1927
Текстильная	100,0	100,0	100,0	100,0
Фабричное пр-во обуви	18,5	19,4	20,6	23,0
Сталелит. и прокатн. з-ды	403,6	358,0	376,4	537,1
Коксо-химические з-ды	203,7	371,3	520,6	611,4
Автомобильные з-ды	48,1	58,1	76,5	111,4
Пр-во двигателей и турбин	77,8	109,6	129,4	125,7

Мы видим, что текстильная и обувная промышленность в смысле роста технической структуры капитала идут почти нога в ногу, между тем как автомобильные, коксо-химические, сталелитейные заводы и заводы крупного машиностроения значительно обгоняют их.

² Маркс, Капитал, т. I, изд. 1931 г. с. 329

Данные о силовом оборудовании в различных отраслях промышленности и о темпах роста его могут служить для нас показателями изменений технической структуры капитала в этих отраслях. От энергетической вооруженности рабочего на предприятии мы умозаключаем к общей технической его вооруженности. Сама же техническая структура капитала является для нас показателем его органической структуры.

Органическое строение капитала

Органической структурой капитала называется соотношение между постоянной и переменной его частями. В порядке постановки вопроса об изучении этой органической структуры мы в настоящей работе попытаемся проанализировать это соотношение на основании балансов и отчетов некоторых крупнейших и вместе с тем наиболее показательных американских предприятий в тех же отраслях промышленности, которые были взяты нами при определении технической структуры капитала. Несмотря на недостаточность этих отчетов и балансов, их фиктивность во многих отношениях, несмотря на то обстоятельство, что при составлении их определяющую роль играл частнохозяйственный интерес владельцев предприятий, мы все же вынуждены пользоваться ими как единственными документальными данными.

Мы берем по САСШ 10 предприятий, по которым имеются сведения или о сумме выплаченной в год зарплаты или же о количестве занятых рабочих. В последнем случае мы помножаем число рабочих на среднюю годовую зарплату рабочего данной отрасли промышленности и получаем таким образом приблизительные размеры выплаченной предприятием зарплаты за год.

Что касается самих предприятий, то в выборе их мы руководились признаком характерности каждого из них для представляемой им отрасли промышленности. По тяжелой индустрии мы взяли Стальной трест, Вифлеемскую стальную корпорацию и Питтсбургскую стальную компанию. Это, как известно, не только железодельные и сталелитейные предприятия, они соединяют в себе железные рудники, угольные копи, коксовые установки с рекуперацией и т. д. Производство их по объему значительно превосходит все металлургическое производство такой страны, как Великобритания. Поэтому по ним можно вполне судить о структуре капитала в тяжелой промышленности САСШ. Для коксо-химической промышленности, которая за последние годы шагнула в САСШ далеко вперед, мы взяли отдельное крупное предприятие — корпорацию по добыванию побочных продуктов из кокса (By-Products Coke Corporation), устроенное по последнему слову техники и имеющее 110 печей Беккера и 120 печей Сольвея. При стоимости всей продукции в 1928 г. в 16 862 долл. предприятие обходилось всего лишь с 1 100 служащими, что дает по 15 330 долларов годовой продукции на каждое занятое лицо. По химической промышленности мы взяли концерн Дюпон де Немура, связанный с Дженерал моторс и с Морганом; кроме чисто химических предприятий он объединяет ряд крупнейших кинематографических фирм, в том числе Патэ.

По автомобильной индустрии нами взяты 2 фирмы: сравнительно молодая фирма Крейслера (Chrysler Motor Corporation), являющаяся третьим после Дженерал моторс и Форда автомобильным предприятием САСШ и выпустившая в 1929 г. свыше 450 тыс. автомобилей, а затем менее крупная, но все же очень значительная фирма Паккард

(Packard Motor Co) в Детройте, с выпуском 50 тыс. машин в 1928 г. По этим фирмам можно судить о структуре капитала в ведущей для САСШ отрасли промышленности.

Для сравнения с перечисленными предприятиями мы берем предприятия по легкой промышленности: хлопчатобумажные фабрики Pacific Mills, где работает около 11 тыс. рабочих, фабрику шелковых и шелковых тканей Duplan Silk Corp. с 5 тыс. рабочих и крупнейшую кожевенную фабрику Endicott Johnson Corp., на которой занято свыше 17 тыс. рабочих при продукции в 5 млн. пар обуви в год.

Мы полагаем, что по этим предприятиям можно составить себе приблизительное представление об органической структуре капитала в некоторых важнейших отраслях американской промышленности.

Чтобы определить органическую структуру капитала взятых нами предприятий, надо прежде всего найти размеры переменного капитала (V).

Для этого определим сначала сумму годовой зарплаты, выплаченной на взятых нами предприятиях. По некоторым предприятиям имеются точные данные о таких суммах, а по другим пришлось прибегнуть к вычислению суммы зарплаты на основании числа рабочих и их средней годовой зарплаты.

Предприятия	Годы	Сумма год. зарплат в тыс. долл.
1. Американский стальной трест	1921	332 888
	1923	469 503
	1925	456 740
	1928	413 700
2. Вифлеемская стальная корпорация	1928	114 437
	1929	124 959
3. Питтсбургская стальная компания	1926	11 555
	1927	12 477
	1928	10 984
4. Химический концерн Дюпон де Немур	1925	36 750
	1927	38 220
	1928	39 620
	1929	52 150
5. Коксо-бензольное предприятие	1928	1 617
6. Автомобильная ф-ка Крейслера	1929	69 381
7. Автомобильная ф-ка Паккарда	1925	15 980
	1928	22 099
8. Текстильная ф-ка Duplan Silk Corp.	1928	5 500
9. Текстильная ф-ка Pacific Mills	1928	12 100
10. Обувная ф-ка Endicott Johnson	1928	24 234

Сумма годовой зарплаты является отправным пунктом для вычисления размеров переменного капитала. Заработная плата выдается в САСШ обычно каждую неделю. Поэтому казалось бы, что стоит только разделить сумму зарплаты на число рабочих недель в году, в среднем на 50, и мы получим переменный капитал. Но так рассуждать было бы неверно, ибо мы упустили бы из виду обращение капитала. Зарплата входит в стоимость продукта и может быть выдаваема в функционирующем предприятии из поступлений за продаваемые изделия. Она составляет часть оборотного капитала и продельывает вместе со всем оборотным капиталом определенное число круговращений в год.

«Израсходованный во время производства переменный оборотный капитал может снова служить в процессе обращения лишь постольку, поскольку удастся продать продукт, в котором воспроизведена его стоимость, поскольку он превращается из товарного капитала в де-

нежный капитал, который снова затрачивается на оплату рабочей силы. Но точно так же обстоит дело и с затраченным на производство постоянным оборотным капиталом (материалами производства), стоимость которого снова проявляется в продукте как часть стоимости последнего... Каждый отдельный оборот имеет своим условием возмещение всего оборотного капитала, вступившего в форму товарного капитала из сферы производства в сферу обращения»⁴. Для того, чтобы определить число круговращений капитала, надо знать: а) его размеры и б) размеры всего валового оборота предприятия. Тогда, разделив последнюю величину на первую, мы получим число круговращений (или оборотов) оборотного капитала в год.

Теперь сделаем это по отношению к исследуемым предприятиям. Для этого прежде всего надо определить размеры оборотного капитала на основании балансов. В балансах американских предприятий имеется статья, которую можно до некоторой степени приравнять к размерам оборотного капитала. Статья эта называется *net working capital* (чистый работающий капитал) и представляет собою разность между текущим активом и текущим пассивом предприятия. Конечно с оборотным капиталом эта статья балансов не вполне совпадает. В нее входит и часть накапливаемого основного капитала, хотя и не могущая быть значительной. Надо не упускать из виду также расхождение между ценой и стоимостью, всевозможные неправильности при составлении балансов и т. д., но все же с некоторой натяжкой можно считать этот «чистый работающий капитал» приблизительно соответствующим оборотному капиталу в нашем представлении.

Чтобы определить число оборотов (или как мы в дальнейшем будем называть его коэффициент обращаемости) оборотного капитала в год, мы должны прежде всего учесть снашивание основного капитала. Предполагая, что оно происходит равномерно, распределяясь поровну на каждую единицу произведенной стоимости продукта, мы должны вычесть стоимость годового снашивания основного капитала из суммы годового оборота предприятия. Обычно в балансах американских предприятий стоимость снашивания основного капитала дается в графе «*depreciation and depletion*», где учитывается как материальное, так и моральное снашивание. Конечно в этой графе при составлении балансов возможно преувеличенное списывание на амортизацию. Это очень часто практикуется. Но так как размеры сумм, списываемых на амортизацию основного капитала, являются по сравнению с величиною оборота предприятия незначительными, то мы можем их оставить в таком виде, в каком они фигурируют в балансах, помня однако, что они более или менее расходятся с действительной стоимостью амортизации.

В нижеследующей таблице мы расположили предприятия в порядке убывающей быстроты оборачиваемости их оборотного капитала (см. табл. на с. 66).

Разница в скорости обращения капитала по различным отраслям промышленности весьма велика. Если сопоставить цифры за 1928—1929 гг. т. е. годы значительного оживления, так наз. «просперити» в американском хозяйстве перед кризисом, то мы увидим, что ведущими по скорости оборота капитала являются автомобильные и коксо-химические предприятия. Крупнейшая новая автомобильная фирма Крейслера дает 4,6 оборота в год, Паккард — 3,5, коксо-бен-

⁴ Маркс, Капитал, т. II, изд. 1930 г., с. 204.

Предприятия	Годы	Сумма оборота и амортизационные расходы	Оборотный капитал	Число оборотов (коэф. оборач.) оборотного капитала в год
		В тысячах долларов		
Автозавод Крейсера . . . . . Амортизац. расходы	1929	375 033,4 24 167,6 <u>350 865,8</u>	76 387,6	4,6
Коксо-бензольное предприятие . . . . . By-Products Coke Corporation . . . . . Амортизац. расходы	1928	16 862,1 673,6 <u>16 188,5</u>	4 095,4	4,0
Автозавод Паккард . . . . . Амортизац. расходы	1928	94 677,4 912,9 <u>93 764,5</u>	26 974,6	3,5
Питтсбургская стальная компания . . . . . Амортизац. расходы	1926	34 380,9 1 406,9 <u>32 974,0</u>	11 055,5	3,0
Стальной трест . . . . . Амортизац. расходы	1928	1 374 443,4 106 127,5 <u>1 268 315,9</u>	447 639,2	2,8
Обувная ф-ка Эндикотт Джонсон . . . . . Амортизац. расходы	1928	69 333,4 2 320,2 <u>67 013,2</u>	26 771,4	2,5
Вифлеемская стальная корпорация . . . . . Амортизац. расходы	1928	294 778,3 13 658,3 <u>281 020,0</u>	127 716,6	2,2
Текстильная ф-ка Duplan Silk Corp . . . . . Амортизац. расходы	1928	15 066,8 1 529,8 <u>13 537,0</u>	6 293,6	2,1
Хим. и кинематогр. концерн Дюпон де Немур . . . . . Амортизац. расходы	1929	183 200 15 200 <u>168 000</u>	84 598	2,0
Текстильная ф-ка Пасифик Миллс . . . . . Амортизац. расходы	1928	44 120,6 1 893,5 <u>42 227,1</u>	28 738,1	1,5

зольное предприятие By-Products Corporation — 4 оборота, между тем как среднее число оборотов в металлургических предприятиях равно 2,5-3,0, а в текстильных предприятиях 1,5-2,0 в год.

Чтобы по возможности ослабить элемент случайности, играющий большую роль в колебаниях оборота отдельных предприятий и тем самым отражающийся на коэффициенте оборачиваемости их оборотного капитала, возьмем еще несколько крупнейших и показательных американских фирм в тех же отраслях промышленности. Коэффициент

быстроты оборотов оборотного капитала представится по ним в следующем виде, опять в порядке убывающего числа оборотов:

Предприятия	Годы (средн. за 4 г.)	Число оборотов оборотного капитала в год
Автомобильная ф-ка Graham Paige	1925—1928	9,0
Автотрест Джeneral Моторс	1925	5,0
З-д по выработке синтет. азота средн. за 3 г.		
The Lautaro Nitrate Co Ltd	1926—1928	3,3
Триког. ф-ка Phoenix Hosiery Co	1927	2,4
Текст. ф-ка American Manuf. Co (мешки, веревки и т. д.)	1928	2,2

И по этим предприятиям мы опять видим значительную разницу в скорости обращения оборотного капитала между автомобильными и текстильными предприятиями. Быстрота же оборота капитала в свою очередь является (наряду с технической структурой капитала) одним из важнейших факторов, определяющих органическое строение капитала в данных отраслях промышленности.

Быстрота обращения оборотного капитала имеет определяющее значение для органического строения капитала, ибо уменьшает как постоянную, так и переменную части необходимого оборотного капитала и тем самым повышает значение основного капитала, а вместе с тем и всего постоянного капитала—увеличивает C по сравнению с V . Кроме того большая или меньшая быстрота оборота оборотного капитала отражается на взаимной передвигке переменной и постоянной частей оборотного капитала: чем больше быстрота оборотов оборотного капитала, тем больше сокращается переменная его часть и возрастает постоянная часть.

После того, как мы определили у взятых нами предприятий число оборотов оборотного капитала, мы можем установить приблизительные размеры переменного капитала. Для этого мы должны разделить сумму годовой зарплаты на число оборотов оборотного капитала. В результате мы получим следующие данные об абсолютных (но конечно приблизительных) размерах переменного капитала.

Название предприятия	Годы	Абсолютные размеры переменного капитала в тыс. долл.
Стальной трест	1928	147 750
Вифлеемская стальн. корпор.	1928	52 018
Питтсбургская стальн. комп.	1926	3 851
Коксо-бенз. предпр. By-Products Coke Congor.	1928	404
Хим. конц. Дюпон де Немур	1929	26 075
Автом. ф-ка Крейсlera	1929	15 083
” Паккард	1928	4 546
Текст. ф-ка Duplan Silk Corp	1928	2 619
Текст. ф-ка Пасифик Миллс	1928	8 066
Обувн. ф-ка Эндикотт Джонсон	1928	9 694

Имея абсолютные размеры переменного капитала по взятым нами предприятиям, мы можем вычислить как абсолютные размеры постоянного капитала, так и органическую структуру всего вложенного в данное предприятие капитала. Получится следующая таблица, в которой предприятия расположены в порядке понижающейся органической структуры капитала:

Название предприятия	Годы	Весь ка- питал предпр.	Постоян- ный капитал	Перемен- ный капитал	Отношен- ие постоянн капитала к пере- менному
		В тысячах долларов			
Коксо-бензол. предпр. Ву-Produkts Coke Corp.	1928	17 884	17 480	404	43,2 : 1
Питтсбургск. стальн. комп. . .	1926	61 966	58 115	3 851	15,1 : 1
Стальной трест	1928	2 108 727	1 960 977	147 750	13,2 : 1
Авт.м. ф-ка Паккард	1928	57 788	53 242	4 546	11,7 : 1
Вифлеемская стальн. корпор. . .	1928	582 040	530 022	52 018	10,2 : 1
Хим. конц. Дюпон де Немур . . .	1929	282 838	256 823	26 075	9,8 : 1
Автомоб. ф-ка Крейсlera	1929	160 012	144 929	15 083	9,1 : 1
Текст. ф-ка Пасифик Миллс . . .	1928	76 756	68 690	8 060	8,5 : 1
Текст. ф-ка Duplan Silk Corp. . .	1928	14 620	12 001	2 619	4,6 : 1
Обувная ф-ка Эндикотт Джон- сон	1928	38 393	28 699	9 694	2,9 : 1

Несмотря на то, что нам пришлось взять крайне ограниченное число предприятий и что поэтому случайный органический состав капитала того или другого предприятия резко выделяется и мешает делать общие выводы, мы все же видим, какая крупная разница в органическом строении капитала предприятий, принадлежащих к разным отраслям промышленности. Наиболее высоким органическим составом капитала обладают химические, сталелитейные и автомобильные предприятия.

Динамика органической структуры капитала

До сих пор мы занимались исследованием органической структуры капитала так сказать в статическом разрезе: мы выясняли различия между органической структурой капитала в различных отраслях промышленности одной страны за один и тот же период времени. Из нашего анализа вытекает, что наряду с технической структурой капитала определяющим фактором высоты органического состава капитала является быстрота оборотов оборотного капитала. Этот вывод является очень важным, ибо он тем самым дает нам возможность перейти к анализу динамики органической структуры капитала, к выяснению колебаний этой структуры в зависимости от быстроты оборотов капитала в разное время, а, следовательно к выяснению вопроса о влиянии различных фаз промышленного цикла на органическую структуру капитала.

В области изучения динамики органической структуры капитала мы в методологической части нашей работы вынуждены ограничиться лишь постановкой проблемы о влиянии конъюнктурных колебаний на органический состав капитала через посредство быстроты обращения оборотного капитала.

Тут надо прежде всего установить тот неопровержимый факт, что органическая структура капитала вовсе не представляет собою чего-то устойчивого, застывшего. Она все время меняется не только от предприятия к предприятию, но и в каждом отдельном предприятии. Между постоянным и переменным капиталом предприятия в процессе его функционирования непрерывно происходят передвижки: то постоянный капитал растет за счет переменного, то наоборот — пере-

менный за счет постоянного. Чем шире круг обследуемых предприятий, тем больше замечается закономерностей в этих передвижках. Случайные заказы или случайные заминки со сбытом, затронувшие только данное предприятие, затушевываются, взаимно неигрелизуются тем больше, чем больше предприятий берется для исследования. На место случайностей выступают изменения в структуре капитала, вызываемые различными фазами капиталистического промышленного цикла, проявляется со все большей и большей отчетливостью диалектика стихийных процессов капиталистического хозяйства.

Эта стихийность капиталистического процесса весьма ярко проявляется в том обстоятельстве, что создающие конъюнктуру отрасли промышленности больше всех остальных подвержены конъюнктурным колебаниям и больше всех от них и страдают. Это верно и в отношении к органическому строению капитала. Колебания органической структуры капитала прямо пропорциональны конъюнктурным колебаниям. При кризисе органическая структура капитала вступает в противоречие с технической структурой. Частичное обесценение капитала и снижение органической структуры идет одновременно с ростом технической структуры, ибо даже при слабой нагрузке предприятий соотношение между живым и овеществленным трудом, между рабочей силой и средствами производства изменяется в сторону увеличения мощности приводимого одним рабочим оборудования и количества перерабатываемого сырья. Такой рост технической структуры капитала в результате усиления эксплуатации рабочей силы, рост, являющийся одной из форм капиталистической рационализации, принадлежит к числу характерных особенностей кризиса, ведя к дальнейшему углублению всех противоречий капиталистического строя.

Такова одна из закономерностей капиталистического промышленного цикла.

Для доказательства этого посмотрим сначала на воображаемом, а потом на действительном примере, как должно отразиться и отразилось на органической структуре капитала замедление оборота при снижающейся конъюнктуре.

Возьмем некую воображаемую автомобильную фабрику и посмотрим, как должен был отразиться кризис на органической структуре капитала этого предприятия. Постараемся при этом возможно ближе держаться к условиям американской действительности.

Капитал (С), обращающийся в течение года, составляет в нашем предприятии 40 млн. долл., из которых 10 млн. долл. изнашиваемого в год основного капитала, а 30 млн. долл. оборотного капитала. Фабрика выпускает 180 тыс. машин в год. Для простоты вычислений мы будем считать, что все выпускаемые машины продаются, причем фабричная цена их составляет по 1 тыс. долл. за каждую. Весь годовой оборот предприятия составит таким образом в год «процветания» — скажем, в 1929 г. — 180 млн. долл. При оборотном капитале в 30 млн. долл. коэффициент оборачиваемости оборотного капитала (т. е. число оборотов его в год) равняется в этом году 6. На зарплату в том же году было израсходовано всего 60 млн. долл., а следовательно, исходя из коэффициента оборачиваемости оборотного капитала в 6, мы найдем, что абсолютный размер переменного капитала равен 10 млн. долл. — 60 млн. долл. : 6. Другими словами переменный капитал равняется $\frac{1}{3}$, или 33,3% оборотного капитала, а органическая структура предприятия выразится в цифре 4 : 1.

Но вот наступил год кризиса. Число изготовленных и проданных машин составило 100 тыс. Ввиду того, что снижение цен в первое время обычно весьма незначительно, мы оставляем цену прежней в 1 тыс. долл., замечая только, что снижение цен и вместе с тем общей суммы оборота только еще больше подчеркнуло бы ту тенденцию, которую мы выявляем. Итак, оборот предприятия в год кризиса составит 100 млн. долл. Износ основного капитала остается тем же самым — 10 млн. в год. Но оборотный капитал должен с необходимостью несколько сократиться — уменьшились совокупные затраты на сырье и топливо, уменьшилось количество проходящих через фабричный гараж в каждый данный момент выпускаемых машин. Думать о том, что фирма может позволить себе роскошь работать на свой собственный склад в ожидании лучших времен, не приходится. В настоящее время осведомленность американских фирм о состоянии и ближайших перспективах рынка очень велика, и самое производство построено на принципе немедленного сбыта «hand to month production». Они не могут конечно предусмотреть резкого перелома конъюнктуры, но раз конъюнктура дана, они ее довольно точно учитывают. Поэтому надо предположить на нашем примере, что в среднем число готовых, но еще не проданных машин, стоимость которых входит в статью «инвентаря» (inventory) и как таковая составляет часть оборотного капитала, несколько уменьшилось. Об уменьшении размеров зарплаты мы скажем особо.

Итак допустим, что размеры оборотного капитала уменьшились. Конечно они не сократились пропорционально размеру оборота, такой эластичности от промышленного предприятия ожидать невозможно, как бы ловко ни маневрировали его владельцы в связи с конъюнктурными колебаниями. Вместо 30 млн. долл. оборотный капитал предприятия составит теперь в год кризиса 25 млн. долл.

Деля сумму оборота в 100 млн. долл. на оборотный капитал в новом ценностном выражении в 25 млн. долл., получаем коэффициент 4: оборотный капитал сделал 4 цикла.

Теперь перейдем к вопросу о размерах зарплаты. Здесь положение несколько сложнее. Предприятие не может маневрировать рабочей силой с такой быстротой, какая вызывается «крутыми поворотами конъюнктуры, оно не может увольнять и нанимать десятки тысяч рабочих сразу же, как только выясняется те или иные перспективы, для этого все таки требуются недели, а при найме квалифицированной рабочей силы и ее подборе иногда и месяцы. Кроме того и самая перспектива сбыта и, соответственно с ним, размеров оборота бывает в начале кризиса очень неясна. Перелом к худшему кажется временным, существуют еще заказы и т. д.

Исходя из этих соображений, мы разделим год кризиса на четыре следующих квартала:

I квартал. Перелом к худшему наступил, но конъюнктура еще не ясна. Предпринимателям кажется, что это лишь временная заминка, им не верится, что наступил конец «процветанию». Поэтому, хотя количество выпускаемых машин несколько сокращается, но сразу же увольнять большое количество рабочих фабрика считает преждевременным и нерациональным — потом мол придется целые недели заниматься набором новых. Мы определяем цифру выпуска машин в I квартале в 35 тыс. штук (вместо 45 тыс. при «процветании») при увольнении лишь некоторого количества неквалифицированных рабочих и сокращении зарплаты на 10% — с 15 млн. долл. до 13½ млн. долларов.

II квартал. Выясняются плохие перспективы конъюнктуры. Производство резко падает — с 35 до 25 тыс. машин. Производятся массовые увольнения рабочих — в первую голову наименее квалифицированных, получающих самые низшие ставки. Сумма выплаченной за квартал зарплаты составляет $11\frac{1}{2}$ млн. долл., так как технический персонал и квалифицированные рабочие подвергаются сокращению в меньшей мере, чем чернорабочие, а потому процент снижения общей суммы затрат меньше процента сокращения числа рабочих.

III квартал. Конъюнктура ухудшается еще больше. Число выпускаемых машин сокращается до 22 тыс. Производится как увольнение большого числа рабочих и служащих, так и сокращение зарплаты остающихся. Общая сумма выплаченной за квартал зарплаты падает до 9 млн. долл.

IV квартал. Выпуск машин опускается до 18 тыс. Предприниматели со все большей и большей энергией нажимают на зарплату, принимая все меры к тому, чтобы при сокращении продукции их прибыль не снизилась. Последствия кризиса все больше и больше перелagаются на плечи рабочих. Их число на фабрике сокращается, зарплата снижается, дойдя до 6 млн. долл. за квартал.

В результате получаем, что размеры выполненной за год зарплаты составят $13\frac{1}{2} + 11\frac{1}{2} + 9 + 6 = 40$ млн. долл. Теперь посмотрим, как изменилась структура капитала данного предприятия.

При четырех оборотах оборотного капитала в год, переменный капитал составит в том году $40 : 4 = 10$ млн. Несмотря на резкое снижение абсолютной суммы годовой зарплаты с 60 млн. до 40 млн. размеры переменного капитала (переменный капитал — это «фонд для оплаты наемных рабочих», как сказано в прим. к французскому изд. первого тома «Капитала») остались благодаря замедлению оборота неизменными — это те же 10 млн. долл.

Вследствие этого доля переменного капитала в оборотном капитале возрастает. Вместо $33,3\%$ в год «процветания» (10 млн. из 30), она равняется теперь 40% (10 млн. из 25).

Понижилась и органическая структура капитала. В год «процветания» она выражалась формулой $4 : 1$, а теперь $3,5 : 1$.

На этом примере видно, что в период кризиса органическая структура приобретает тенденцию к снижению. Это снижение органической структуры капитала в результате кризиса является неизбежным следствием уменьшения быстроты обращения капитала.

Мы можем формулировать установленную нами закономерность следующим образом: при замедлении оборота капитала уменьшение суммы выплаченной за данный период зарплаты пропорционально уменьшению размеров оборотного капитала ведет к возрастанию доли переменного капитала и к снижению всей органической структуры капитала. Для того, чтобы избежать этого увеличения доли переменного капитала, предприниматель должен снизить сумму выплачиваемой зарплаты в большей пропорции, чем та, в которой произошло снижение оборотного капитала.

Только что опубликованные баланс и отчет автомобильной фирмы Chrysler Motor Corp. подтверждают высказанные нами соображения. По счастью в отчете, помещенном в «Wall Street Journal» от 18 февраля 1931 г., имеются и данные о сумме, выплаченной в 1929 и 1930 гг. зарплаты, и таким образом мы можем оперировать не с приближительными, а с точными величинами.

В год «процветания» фирма Chrysler Corp. выпустила 450 543 машины общей стоимостью в 375 033 455 долл. Амортизация в этом году составила 24 167 645 долл. Вычтя ее из предыдущей цифры получим 350 865 810 долл. Разделим ее на оборотный капитал, равный 76 387 549 долл., и получим коэффициент оборачиваемости в 4,6. Общая сумма выплаченной в 1929 г. зарплаты составила 69 381 197 долл. Делим ее на коэффициент оборачиваемости оборотного капитала. Полученное частное — 15 082 891 долл. — является абсолютным размером переменного капитала данного предприятия. Весь капитал его по балансу на 1929 г. состоял из 83 624 181 долл. основного капитала и 76 387 549 долл. оборотного, равняясь 160 011 730 долл. Для определения органического состава капитала вычитаем из всего капитала переменный капитал и получаем таким образом постоянный капитал.

Весь капитал 160 011 730—144 928 820 долл. постоянного капитала + 15 082 891 долл. переменного капитала. Формула органической структуры капитала фирмы Chrysler в 1929 г. представится в виде 9,8 : 1.

Но вот наступил кризис 1930 г. Баланс предприятия резко меняется. Количество выпущенных машин составляет в этом году 269 899 штук на общую сумму в 207 789 338 долл. что равносильно сокращению оборота на 167 244 117 долл., или на 44,6 $\frac{1}{3}$ %. В то же время оборотный капитал уменьшился с 76 387 549 долл. до 74 028 993 долл., т. е. на 2 358 556 долл., или только на 3,1%. Вычтя из суммы оборота амортизационные издержки в размере 15 292 892 долл. и разделив полученную сумму на оборотный капитал, получим коэффициент оборачиваемости оборотного капитала для 1930 г. в цифре 2,6. По сравнению с коэффициентом прошлого года в 4,6 это представляет резкое снижение.

Теперь перейдем к переменному капиталу. В 1930 г. фирма Chrysler всячески старалась сократить число занятых у нее рабочих и служащих и возможно больше снизить им зарплату. Об этом свидетельствует хотя бы например сообщение в органе предпринимателей автомобильной промышленности о том, что фирма Chrysler уменьшила жалованье служащим на 10%, причем желтой профорганизацией служащих на собрании это снижение было единодушно принято и радостно одобрено⁵. Весьма сомневаясь в «энтузиазме» служащих и рабочих Крейслера, мы однако нисколько не сомневаемся в значительном и неоднократном снижении их зарплаты и самого их числа за 1930 г. В результате общая сумма выплаченной зарплаты в этом году составила, на основании отчета фирмы, 39 830 527 долл., снизившись по сравнению с предыдущим годом на 29 550 670 долл., или на 42,6%. Но переменный капитал, полученный в результате деления всей суммы годовой зарплаты на коэффициент оборачиваемости оборотного капитала, составил в 1930 г. 15 319 433 долл. или на 236 542 доллара, т. е. на 1,5% больше, чем в прошлом 1929 г. При кризисе переменный капитал данного предприятия абсолютно вынос. что является чрезвычайно важным фактом и должно быть особенно подчеркнуто.

Такое изменение должно было конечно отразиться на органической структуре капитала в смысле ее снижения. И в самом деле, весь капитал фирмы составил в 1930 г. из 74 172 623 долл. основного капитала и 74 028 993 долл. оборотного капитала, равняясь в итоге 148 201 616 долл., т. е. на 11 810 114 долл. меньше, чем в предыдущем

⁵ „Generally recognized and cheerfully accepted“, как сказано в отчете в „Automobile Industries“ от 12 июля 1930 г.

году, что составляет снижение на 7,1%. Органический состав капитала в 1930 г. имеет такой вид:

Весь капитал в 148.201.616 долл. = 132.882.183 долл. постоянного капитала + 15 319 433 долл. переменного капитала. Формула органической структуры капитала С: будет равняться 8,7 : 1, значительно снизившись по сравнению с предыдущим годом, когда она равнялась 9,8 : 1. О снижении органического состава своего капитала свидетельствует «сам» мистер Уолтер П. Крейслер, заявив на годовичном собрании акционеров своей фирмы, что при общем падении цен и снижении зарплаты все же издержки на зарплату, составлявшие в 1929 г. 18,5% общей стоимости продукции, повысились в 1930 г. до 19,2%⁶. Правда он сделал при этом «добрую мину при плохой игре», заявив, что это результат его забот о благополучии рабочих и служащих. Но снижение общей суммы выплаченной Chrysler Motor Corp зарплаты на 42,6%, в то время как по всей автомобильной промышленности к ноябрю 1930 г. сумма зарплаты снизилась по официальным данным⁷ лишь на 30—32%, свидетельствует о том, что фирма, совершенно не считаясь с рабочими и служащими, исчерпала все возможности уменьшения переменного капитала и дальнейшее его сокращение повело бы к ущербу для производства.

Мы приходим к заключению, что снижение органического состава капитала при кризисе является установленным фактом. Сделанный нами дедуктивным путем на основе марксовой теории обращения капитала вывод о том, что органическая структура капитала изменяется в соответствии с сменой фаз капиталистического промышленного цикла, подтверждается фактами из современной действительности.

Рассматривая капиталистический промышленный цикл в целом, мы приходим к выводу, что рост производительных сил, вызывающий повышение технической структуры капитала и отчасти выражающийся в этом повышении, влечет за собою также и повышение органического строения капитала. На известной ступени развития этот рост технической структуры вступает в противоречие с капиталистическими производственными отношениями, наступает неизбежный для капиталистического промышленного цикла кризис, и рост органической структуры капитала превращается в свою противоположность — в прямое снижение органической структуры капитала.

Эта диалектика капиталистического процесса со стихийной силой вторгается в «святая святых» капиталиста — в его кассу. В самом деле, что означает относительное увеличение доли переменного капитала.

Это значит, что установившееся $\frac{C}{V}$ в данном предприятии или в данной отрасли промышленности соотношение между более ликвидной и менее ликвидной частями оборотного капитала не может гарантировать бесперебойного хода предприятия. Для оплаты рабочих и служащих надо увеличивать процент наличности. Этому капиталист всячески старается избегнуть, сокращая число рабочих и служащих и снижая размеры выплачиваемой зарплаты ниже той пропорции, в которой снижается весь его оборотный капитал.

Опубликованные недавно данные об оборотах крупнейших металлургических концернов в Германии подтверждают эту мысль. Обороты Германского стального треста сократились с 1 445,03 млн. марок

⁶ Отчет о годовичном собрании акционеров помещен в „Wall Street Journal“ от 19 февраля 1931 г.

⁷ „Federal Reserve Bulletin“ за январь 1931 г.

в 1928/29 г. до 1251,53 млн. марок в 1929/30 г. Это составляет снижение на 193,50 млн. марок, или на 13,4%. Чтобы выйти из затруднения, Стальной трест не постеснялся уволить 40 тыс. рабочих из 188 тыс., т. е. около 22%⁸.

Металлургический концерн Клякнера при сокращении своих оборотов на 10% прибегнул к увольнению 5 500 рабочих из 39 000, т. е. 15%. У Круппа число рабочих сокращено с 89 762 чел. до 75 241 чел., или на 14 521 чел., что составляет уменьшение на 16,2% — при сокращении: 1) добычи угля с 8 до 7,79 млн. тонн, т. е. на 2,6%; кокса — с 2,5 до 2,42 млн. тонн, т. е. на 2,8%; 2) руды — с 0,74 до 0,71 млн. тонн, или на 4%; 3) выплавки стали с 1,59 млн. тонн до 1,37 млн. тонн, или на 11,25% и проката — с 1,16 до 1,02 млн. тонн, или на 12%. Продукция остальных крупновских предприятий — паровозостроительных, машиностроительных и т. д. — даже несколько повысилась⁹.

Таким образом стремление выйти из порожденных кризисом затруднений вызывает настойчивые попытки предпринимателей освободиться от растущей во время кризиса роли переменного капитала и тем самым вызывает все большее обострение классовых противоречий, все большее и большее накопление нищеты и возмущения рабочих масс.

Но в уменьшении переменного капитала есть предел, ниже которого предприятие при данном оборудовании, данном размере всего постоянного капитала и его основной части становится убыточным. Дойдя до этого предела, капиталист должен изыскивать способы увеличения своих ликвидных средств. Ему нужно во что бы то ни стало превратить товарные запасы и требования в деньги, передвинуть соотношение между товарно-требовательной и денежной частями оборотного капитала в сторону денег, чтобы предприятие могло бесперебойно функционировать, хотя и с меньшим размахом. А это как раз труднее всего сделать в период кризиса, когда наоборот товарная часть оборотного капитала и счета дебиторов имеют тенденцию к разбуханию. Остается только проталкивать свои товары, снижая на них цену.

Переменный капитал превращается из-за замедления оборота в дамоклов меч, висящий над промышленником. И чем выше органическое строение капитала, чем быстрее обращение его в период подъема, тем резче проявляется тенденция к относительному возрастанию переменного капитала вследствие замедления оборота и тем сильнее потрясения, испытываемые капиталистическими предприятиями при кризисе.

⁸ „Wirtschaftsdienst“ от 7/X 1931 г.

⁹ „Berliner Tageblatt“ от 28/I 1931 г.

А. ГРЕБЛИС

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ГЕРМАНИИ

Кризис германского капитализма вступил в новую, более обостренную фазу своего развития.

Разразившийся кредитный кризис, который охватил всю Центральную Европу, обнажил крайнюю обостренность противоречий монополистического капитализма Германии и крайнюю обостренность противоречий, заложенных в версальской системе и в плане Юнга. Вполне понятно, что расширение промышленного и сельскохозяйственного кризиса в стране, огромное сокращение оборота внешней и внутренней торговли, отлив иностранных капиталов из германского хозяйства за время кризиса, особенно после выборов в рейхстаг (осень 1930 г.) и выполнение репарационных платежей должны были сказаться и на кредитной системе. Банкротство ряда средних и крупных (монополистических) банков и других кредитных организаций, приостановка выдачи вкладов из сберегательных касс и частных банковских учреждений, новое усиление бегства иностранного и отечественного капитала за границу, стремительное падение курса акций, падение курса германской марки и другие признаки развивающегося кредитного кризиса прямо свидетельствуют о том, что современный кризис в Германии поднялся на более высокую ступень.

Империалистическая война и ее последствия особенно сильно обострили положение германского капитализма в системе мирового хозяйства. Поражение Германии во время войны, потеря колоний, значительной части территории и промышленности, Версальский договор, план Дауэса, план Юнга и репарационные платежи не могли не привести к глубокому расшатыванию основ германского монополистического капитализма. Весь послевоенный период германского хозяйства характеризуется именно тем, что германский капитализм развивался под знаком всеобщего кризиса капитализма и под знаком тех конкретных противоречий, которые заключались в версальской системе. Последствия войны, инфляция и огромные репарационные платежи обострили все экономические, классовые и политические противоречия в Германии. Стоит только вспомнить, что по Версальскому договору Германия потеряла 79,8% добычи железной руды, 43,5% производства чугуна, 35,8% производства стали, 32,4%¹ проката, часть машиностроительной, химической, каменноугольной промышленности¹, чтобы понять то, какой удар был нанесен германскому монополистическому капитализму Версальским договором. По исчислению Шахта, бывш. председателя Рейхсбанка, Германия потеряла: 11 млрд. марок вследствие ликвидации в других странах частной

¹ W. Krüger, Die moderne Kartellorganisation der deutschen Stahlindustrie, 1927.

и государственной собственности, 3 млрд. марок вследствие оставления во вражеских странах военного имущества, 5 млрд. марок вследствие отчуждения имущества государства и муниципалитетов, находящихся в тех областях и районах, которые отошли к Франции, Бельгии и Польше, 5,2 млрд. марок вследствие содержания союзнических войск на своей территории, 9 млрд. марок вследствие потери в союзнических странах ссуд и участия в концессиях. Кроме того, до вступления в силу плана Дауэса, т. е. до 1 сентября 1924 г., было уплочено: около 2 млрд. марок наличными деньгами и иностранными девидами, 3,5 млрд. марок товарными поставками (скот, уголь, химические продукты, готовые промышленные изделия) и 6,5 млрд. марок речными и морскими судами и железнодорожными материалами. Однако в эти суммы не включены убытки от уничтожения огромных запасов военных материалов, разрушения военной промышленности, отхода колоний. По плану Дауэса Германия уплатила странам-победительницам за пять лет (с 1 сентября 1924 г. по 31 августа 1929 г.) 7 970 миллионов золотых марок. Платежи по плану Дауэса по годам распределялись следующим образом²:

(В млн. марок)

1924/25	1 000
1925/26	1 220
1926/27	1 500
1927/28	1 750
1928/29	2 500

Причем из общей суммы (7 970 млн. марок) половина была уплачена наличными деньгами и девидами, а другая половина — товарами. По плану Юнга по 31 марта 1931 г. Германия уже уплатила странам-победительницам 2 628,2 млн. марок. Большая часть платежей падает на так называемые «чистые ежегодные платежи по плану Юнга» (Reine Jung Jahren Zahlung).

Г о д ы	Чистые пла- тежи по плану Юнга	Платежи Америке	Заем Дауэса	Платежи по Бельг. догов.	Всего
1929/30	676,9	65,9	51,8	16,2	810,8
1930/31	1 641,6	66,3	88,0	21,5	1 817,4
1931/32	1 618,9	66,1	86,7	21,5	1 793,2

«Оригинальные отношения, — говорит т. Сталин, — сложившиеся между странами-победительницами и Германией, можно было бы изобразить в виде пирамиды, наверху которой по-господски сидят Америка, Франция, Англия и т. д. с планом Юнга в руках, с надписью: «Плати!», а внизу расположена Германия, выбивающаяся из сил и вынужденная вытягивать из себя все силы для того, чтобы выполнить приказ о платеже миллиардных контрибуций» (Политотчет ЦК на XIV съезде ВКП(б)).

Теперь эти «оригинальные отношения», заключенные в плане Юнга, чрезвычайно обострились. Дальнейшее углубление кризиса мирового хозяйства и прежде всего кризиса в главных империалистических странах вскрыло тот факт, что план Юнга переживает также

² Dr. H. Schacht. Das. Ende der Reparationen, 1931,

§ «Stahl und Eisen» № 21.

о стрей ш и й к р и з и с. Постоянное уменьшение во всех капиталистических странах размеров производства, рост товарных запасов, колоссальная безработица, падение оборота мировой торговли, рост протекционизма за время кризиса, падение цен на мировом рынке, затруднения в области государственных финансов, кредитный кризис и т. д. и т. п. неизбежно должны были привести к тому, что выполнение репарационных платежей по плану Юнга натолкнулось на величайшие препятствия.

Об огромном сокращении внешней торговли важнейших капиталистических стран, в том числе юнговской Германии, можно судить по следующим показателям ⁴:

	Уменьшение ввоза (в %)		Уменьшение вывоза (в %)	
	Уменьшение за 1930 г.	Уменьш. за 5 мес. в 1931 г. по сравнен. с 5 мес. 1931 г.	Уменьшение за 1930 г.	Уменьш. за 5 мес. в 1931 г. по сравнен. с 5 мес. 1930 г.
Германия	22,7	34,9	10,7	24,0
Англия	13,9	23,8	21,8	34,7
Франция	10,1	15,0	14,6	28,9
Италия	20,9	31,5	20,6	23,0
Бельгия	12,6	25,0	17,3	15,0
САСШ	28,2	37,0	26,7	37,1

Отсюда видно, что Германия принадлежит к числу тех капиталистических стран, импорт которых сокращается гораздо быстрее, чем экспорт. Разумеется, чтобы выполнить «приказ о миллиардных контрибуциях» по плану Юнга и проценты по внешним долгам, Германия должна всемерно форсировать свой экспорт, ограничивать импорт, облагать трудящиеся массы высоким налогом и сборами. Так, например, за первую половину 1931 г. германский импорт по так наз. чистому товарообороту составил 3 806,1 млн. марок против 6 742 млн. марок за первую половину 1929 г. За то же самое время германский экспорт уменьшился с 6 531,0 млн. марок до 4 768,0 млн. марок. Следовательно, за время кризиса произошло весьма резкое сокращение оборота внешней торговли, при этом импорт уменьшался значительно быстрее, чем экспорт. Одновременно с этим обнаружился определенный сдвиг во всем торговом балансе. Если в 1929 г. ввоз превышал вывоз, то 1930 дал, напротив, превышение вывоза над ввозом. Но первая половина 1931 г. показала некоторое понижение активного сальдо торгового баланса: если за вторую половину 1930 г. превышение вывоза над ввозом составило 1 153 млн. марок, то за первую половину 1931 оно равнялось только 1 068 млн. марок. Но, с другой стороны, стремительное падение цен на мировом рынке означает, что в а л ю т н ы й э ф ф е к т от всемерно форсируемого и всемерно поддерживаемого экспорта падает гораздо быстрее, чем вывоз товарных масс, что неизбежно должно было затруднить выполнение репарационных платежей и обязательств по внешним долгам. Известно также и то, что торговая и налоговая политика финансового капитала Германии никогда полностью не обеспечивала уплату репарационных сумм и процентов по внешним долгам. Торговая и налоговая политики Германии всегда поддерживалась (и сочеталась) кредитной политикой. Заключение внешних займов и получение долгосрочных и краткосрочных кредитов

⁴ «Wirtschaftsdienst» № 23, 1931; Отчет германского Reichs-Kredit Gesellschaft „Deutsche Bergwerks-Zeitung“ от 16 июня 1931 г.

являлись широко распространенной формой привлечения в германское хозяйство иностранных капиталов. За весь послевоенный период, особенно за 1925—1929 гг., германский капитализм впитал большие массы иностранного капитала, главным образом американского, шведского, голландского, бельгийского и английского. По исчислению германского статистического управления к концу 1930 г. внешняя задолженность Германии составляла около 22 млрд. золотых марок, причем из этой общей суммы 11,8 млрд. марок были вложены в форме краткосрочных кредитов и 9,3 млрд. марок — в форме долгосрочных займов промышленности банковским, торговым и государственным организациям. Ухудшение общих позиций германского капитализма на мировом рынке и расширение кризиса внутри страны вызвали бегство иностранного капитала из германского хозяйства. Экономические, классовые и политические конфликты и противоречия внутри Германии немедленно сказались на иностранном капитале, особенно на иностранных краткосрочных кредитах. Результаты осенних выборов в рейхстаг, огромная победа компартии на выборах вызвали утечку иностранного капитала из германского хозяйства. Новая волна отлива краткосрочных кредитов началась, как известно, после банкротства австрийского «Kreditanstalt» и быстро привела к обескровлению целого ряда германских промышленных, банковских, торговых и государственных организаций. К настоящему времени большая часть (около 8 млрд. марок) всех краткосрочных кредитов уже изъяты из каналов германского хозяйства. Но более того, в течение последних месяцев усилился не только уход иностранных капиталов за границу, но и уход германских отечественных капиталов. Все фактические данные свидетельствуют о том, что этот отлив иностранных и германских капиталов отнюдь не приостановился, а, наоборот, еще более усиливается.

Банкротство одного из крупнейших германских банков «Данатбанка» (Danatbank), балансовая сумма которого в 1929 г. составляла 2 622 млн. марок, крах «Nordwolle Kolzerg» и банкротство целого ряда других средних банковских и промышленных объединений возвести о наступлении в Германии острого кредитного кризиса. За банкротством «Данатбанка» последовало банкротство многих германских и иностранных банков и банковских фирм: «Хаген», в Берлине, «Бр. Гаммерштейн» в Эссене и Берлине, «Отто Гиш» во Франкфурте на Майне, «Шварц, Гольшмидт и К^о» в Берлине, «Торгово-промышленный банк Данцига» и др. От банкротства «Данатбанка» сильно пострадал ряд иностранных банков: Международный банк в Амстердаме, Литовский коммерческий банк в Каунасе, Меркурбанк в Вене, некоторые американские, турецкие, латвийские, венгерские и шведские банковские организации. Крах «Данатбанка» причинил также огромные убытки многим крупным концернам, в том числе «Фаваг», «Индустрибау», «Гланцштофконцерн», «Линолеумтрест». Одним словом, кредитный кризис Германии вышел далеко за национальные рамки, распространился на ряд стран, с которыми германский финансовый капитал имел наиболее тесные кредитные связи, и по существу превратился в кредитный кризис всей Центральной Европы.

Было бы ошибкой объяснить развивающийся кредитный кризис в Германии только отливом иностранных капиталов из германского хозяйства и уплатой репарационных сумм по плану Юнга. Само собою разумеется, что ни отлив иностранных капиталов, ни репарационные

платежи не дают еще необходимого объяснения причинам кредитного кризиса. Причины кредитного кризиса коренятся глубже; они заложены в чрезвычайно остром общехозяйственном кризисе. Общехозяйственный кризис (кризис промышленности, транспорта, торговли, сельского хозяйства, кризис государственного хозяйства, обнищание трудящихся масс и т. д.) подорвал устой германского монополистического капитализма. Ясно, что в этих условиях, т. е. в условиях острого общехозяйственного кризиса изъятие иностранных краткосрочных кредитов и уплата репарационных сумм означали дальнейшее углубление противоречий и трудностей германского монополистического капитализма, особенно трудностей банковского капитала.

Но при этом следует учитывать и то чрезвычайно важное обстоятельство, что устой германского капитализма были подточены всеобщим кризисом капитализма, который возник еще во время империалистической войны, вследствие крайнего обострения противоречий монополистического капитализма. Возникновение и развитие всеобщего кризиса капитализма означало дальнейшее обострение тенденций к загниванию и умиранию капитализма эпохи империализма. Характеризуя сущность империализма, Ленин писал:

«Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта тройкая: империализм есть (1) монополистический капитализм, (2) паразитический или загнивающий капитализм, (3) — умирающий капитализм. Смена свободной конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, суть империализма» (Собр. соч., т. XIII).

Эти тенденции к загниванию и умиранию монополистического капитализма еще более усилились в послевоенную эпоху. Послевоенный период развития мирового хозяйства вскрыл не только обострение противоречий между империалистическими странами, между монополистическими союзами капиталистов, усиление борьбы за рынки сбыта и рынки сырья, борьбы за колонии и полуколонии, революционного движения в колониальных странах и т. д., но и выявил особый качественный характер этих сдвигов. Усиление тенденций к загниванию и умиранию капитализма выражается, прежде всего, в том, что монополия (начиная от концернов, трестов, синдикатов картелей и банков внутри отдельных стран и кончая интернациональными монополистическими объединениями) превратилась в величайшее препятствие для развития производительных сил общества; в том, что теперь монополия, как никогда, является тормозом технического прогресса и применения новых методов производства. Усиление загнивания капитализма выражается и в том, что теперь (не только в момент кризиса) значительное бездействие производственного аппарата промышленности стало хроническим явлением; оно выражается также и в колоссальном росте безработицы в послевоенную эпоху. Усиление тенденций к застою и загниванию капитализма характеризуется далее значительным ростом всякого рода рантье, ростом непроизводительного потребления прибыли. Раскол мирового хозяйства, развитие системы советского хозяйства, потеря капитализмом свободы распоряжаться русским рынком, обострение борьбы между бурно растущим социализмом и загнивающим капитализмом, постоянная недогрузка промышленного аппарата капиталистических стран, огромная хроническая безработица, обострение неравномерного развития капитализма эпохи империализма, расшатывание устоев империализма в колониальных странах, обострение и

осложнение борьбы за рынки сбыта и рынки сырья, рост милитаризма и маринизма, усиливающееся обнищание широких трудящихся масс, новые изменения в самом цикле капиталистического хозяйства и т. д. и т. п.,— все это характеризует собою природу всеобщего кризиса капитализма. Но развитие всеобщего кризиса капитализма не только ускорило наступление современного периодического кризиса, но и придало ему всеобщий, длительный и особо острый характер.

Именно то обстоятельство, что современный кризис развился на основе всеобщего кризиса капитализма, дает ключ для понимания тех глубочайших процессов, которые имеют место в германском хозяйстве. Развитие всеобщего кризиса капитализма привело к тому, что германский капитализм превратился в одно из слабых звеньев всей системы мирового хозяйства. В этом сказывается также обострение неравномерного развития капитализма в послевоенную эпоху. Ясно, что все те процессы, которые наблюдаются на данном этапе развития германского капитализма, как-то: огромный рост безработицы, быстрое обнищание рабочего класса, непрерывный рост товарных запасов, кризис сельского хозяйства, рост налогов, социальных тягот, усиление классовой борьбы, кредитный кризис и т. д. находятся в прямой связи с всеобщим кризисом капитализма и с тем особым положением, в котором находилась Германия после империалистической войны. Но было бы ошибкой считать, что Версальский договор, проблема репарационных платежей и план Юнга имеют отношения только к германскому хозяйству. По своей сущности они представляют собою узел целого ряда империалистических противоречий послевоенной эпохи, противоречий, характеризующих также развитие всеобщего кризиса капитализма. Современный «кризис развязывает все противоречия, заложенные в версальской системе: противоречия между странами-победительницами и странами побежденными, в первую очередь — между империалистической кликой Франции, пытающейся отстоять и укрепить свою военно-политическую гегемонию на европейском континенте, и буржуазией побежденной Германии, наталкивающейся при проведении плана Юнга на все большее сопротивление трудящихся масс» (резолуции XI пленума ИККИ). Переговоры между представителями Франции, Англии и Америки по германскому вопросу обнажили ряд империалистических противоречий, концентрирующихся вокруг плана Юнга и межсоюзных долгов. Лондонская конференция, на которую германские представители шли с надеждой получить крупный кредит, по существу не достигла своей цели. Германский капитализм стоит перед перспективой дальнейшего отлива иностранных капиталов и ухудшения общего хозяйственного кризиса.

**

Неравномерность развития современного кризиса сказывается и на германской промышленности. Отдельные отрасли промышленности, в том числе железодельательная и сталелитейная промышленность, поражены кризисом больше, чем все германское капиталистическое хозяйство в целом. Чтобы составить более полное представление о резком падении интенсивности германской индустрии за время кризиса, рассмотрим развитие некоторых важнейших отраслей промышленности.

Развитие экономического кризиса в Германии привело к значительному падению добычи каменного угля, бурого угля, производства кокса и брикетов, т. е. к сокращению размеров производства всей каменноугольной промышленности.

Продукция каменноугольной промышленности
(в тыс. тонн)

	Добыча каменного угля	Добыча кокса	Добыча бурого угля
Октябрь 1929	14 835	3 380	15 933
Май	9 337	1 867	10 497

Таким образом за время кризиса германская каменноугольная промышленность сократила размеры своего производства больше чем на третью часть. Правда, отдельные месяцы (декабрь 1930 г. и январь 1931) показали по некоторым продуктам каменноугольной промышленности незначительное повышение продукции по сравнению с ноябрем 1930 г. Но это небольшое повышение продукции носило чисто сезонный характер и ни в какой мере не говорило за то, что глубочайшая точка падения производства уже достигнута и что наступил период улучшения, так как уже следующие месяцы выявили дальнейшее снижение добычи угля, производства кокса и брикетов.

С начала кризиса и до последнего времени запасы — излишки продукции каменноугольной промышленности — возросли следующим образом: каменного угля — с 2 111 тыс. т до 6 343 тыс. т, кокса — с 891 тыс. т до 5 811 тыс. т и бурого угля — с 1 146 тыс. т до 5 151 тыс. т.

Германская каменноугольная промышленность в буквальном смысле слова задыхается от перепроизводства. Однако, несмотря на огромные запасы каменного угля на складах концернов, синдикатов и торговых обществ, цены на каменный уголь долгое время не подвергались никаким изменениям. Это объясняется наличием в германской каменноугольной промышленности сильно развитых монополистических организаций, которые концентрируют в своих руках подавляющую часть производства и сбыта каменного угля, кокса, бурого угля, брикетов. Монополистические организации в каменноугольной промышленности, сросшиеся с банковским капиталом Германии, ведут борьбу за сохранение картельно-синдикатных цен на внутреннем рынке на прежнем высоком уровне.

Германская железодельная промышленность, являющаяся одной из важнейших отраслей всего хозяйства, поражена современным экономическим кризисом не меньше каменноугольной промышленности. Более того, все фактические показатели указывают на то, что именно железодельная (и сталелитейная) промышленность находится в наиболее тяжелом положении. К концу 1928 г. имелось в стране 170 доменных печей, а из них 125 печей находились в производстве. В январе 1931 г. из 163 доменных печей только 61 печь находилась в производстве:

Доменные печи в 1931 г.⁵

	Всего	В производстве	Потушено	В ремонте	Готов к пуску
Январь	160	61	39	42	21
Февраль	160	53	45	36	26
Март	160	56	42	37	25
Апрель	106	58	41	35	26
Май	160	59	44	33	24
Июнь	160	61	41	34	24

⁵ Deutsche Bergwerks-Zeitung" № 159, 1931.

Следовательно, большая часть доменных печей находится не в производстве, а бездействует. Сильно вырос процент доменных печей, готовых к пуску, находящихся в ремонте и погашенных. Но даже и те доменные печи, которые находятся теперь в процессе производства, работают с неполной нагрузкой.

Германская железодобывающая промышленность переживает глубочайший кризис. Размеры производства сократились почти наполовину. Из месяца в месяц уменьшается производство чугуна и железа. В июне 1931 г. было произведено 574 477 т разных сортов чугуна против 1 167 600 т в октябре 1929 г. Если же сравнить масштабы производства в июне 1931 г. с 1913, то они составляют только 35,76% от довоенного уровня. Общая линия развития железодобывающей промышленности — это неуклонное падение вниз. Правда последние месяцы текущего года, май и июнь, показывают незначительное повышение продукции по сравнению с апрелем и февралем. Однако эти «сезонные» колебания добычи чугуна не позволяют делать вывод, что наступило улучшение в железодобывающей промышленности.

Огромная часть мощного производственного аппарата германской железодобывающей промышленности стоит без дела, совершенно неиспользуется и покрывается ржавчиной. Мы уже не говорим о том, что неполное техническое использование крупных установок (доменных печей, мартеновских печей, электрических станций и т. д. и т. п.) ложится тяжелым бременем на себестоимость продукции железодобывающей промышленности.

Почти такая же удручающая картина кризиса получается и в том случае, если рассматривать производство стали и продукцию прокатных заводов:

Сталь и прокат (в тыс. тонн)

	Сталь	Прокат
Октябрь 1929	1 377,9	1 063,9
Июнь 1931	778,8	624,9

И здесь мы видим огромное сокращение производства: сталелитейные заводы уменьшили свою месячную продукцию на 45%, а вальце-прокатные заводы — на 44% по сравнению с масштабами производства в октябре 1929 г. К этому еще необходимо прибавить то, что за время кризиса сильно сократился экспорт продуктов сталелитейных и вальце-прокатных заводов. Но экспорт германской железодобывающей и сталелитейной индустрии наталкивается на сильную конкуренцию со стороны Бельгии, Франции, Англии, Америки и некоторых других стран. За послевоенный период развития капитализма многие страны, в частности Чехо-Словакия, Польша, Италия, Австрия, значительно укрепили свою железнодорожную и сталелитейную промышленность, что неизбежно должно было сказаться на положении германской промышленности в системе мирового хозяйства. Но что особенно следует подчеркнуть, так это непрерывный рост за последние годы пошлин на железо, сталь и разные полупродукты. Франция, Англия, Бельгия, Чехо-Словакия, Польша и другие страны окружили свою отечественную промышленность стеною высоких пошлин и оказывают ей всевозможные льготы. Выдача экспортных премий, разного рода государственных субсидий капиталистам железодобывающей и сталелитейной промышленности превратилась в обычное явление. Противоречия растущего протекционизма чрезвычайно обнажились во время при-

зиса. Имея у себя кризис, перепроизводство, огромные запасы товаров, каждая страна ведет жестокую борьбу за рынки сбыта, пользуясь демпингом и предпочтительными торговыми соглашениями. Резкое падение цен на мировом рынке на продукцию железоделательной и сталелитейной промышленности вынуждает германские картели, синдикаты и концерны усиленно применять демпинг. Теперь создано такое положение, когда почти на все виды продукции железоделательных, сталелитейных и прокатных заводов существуют две скалы цен: одна для внутригерманских потребителей (высокие цены), а другая — для мирового рынка.

Но современный экономический кризис охватил не только каменноугольную, железоделательную, сталелитейную, но и другие отрасли как тяжелой, так и легкой промышленности. Одна из особенностей современного экономического кризиса в том и заключается, что он задел все отрасли капиталистического хозяйства, все отрасли промышленности и все отрасли сельского хозяйства. Однако было бы ошибкой сказать, что кризис одинаково равномерно развивается в разных отраслях промышленности и разных отраслях всего капиталистического хозяйства. В действительности такой шаблонной равномерности нет; фактическое развитие кризиса представляет собою более сложную картину. Если говорить о степени поражения кризисом разных отраслей промышленности Германии, то будет вполне правильным сказать, что отрасли тяжелой промышленности сильнее всего и глубже всего захвачены экономическим кризисом.

Общий индекс суточной продукции всей германской промышленности понизился за это время с 101,4 до 74,0. Во многих отраслях тяжелой индустрии (производство чугуна, стали, продукция проката, производство кокса, цинка, цемента, камня и др.) индексы суточной продукции понизились больше, чем в ряде других отраслей промышленности.

Еще более поразительная картина кризиса получается в том случае, если рассматривать не степени сокращения промышленной продукции во время кризиса, а степень фактического использования мощности производственного аппарата промышленности Германии. Кризис вывел из строя почти половину производственного аппарата всей германской промышленности. Производственный аппарат так называемых «конъюнктурных» отраслей промышленности (горное производство, обработка черных и цветных металлов, химическая, текстильная, бумажная, кожевенная, деревообрабатывающая промышленность, обработка продуктов питания, производство одежды, обуви и некоторых других продуктов) был нагружен только на 59%, а мощность производственного аппарата «сезонных» отраслей промышленности (земельные и строительные работы, обработка камня, глины и т. д.) была использована лишь на 52,5%.

Нагрузка производственного аппарата промышленности
(Использование рабочей площади)

	Октябрь 1929	Октябрь 1930	Апрель 1931
	В п р о ц е н т а х		
Вся промышленность	70,7	58,3	52,6
Конъюнктурные отрасли	76,9	64,0	59,0
„Сезонные“ отрасли	65,0	52,5	46,0
Гр. средств пр-ва	71,4	54,4	47,6
Гр. ср. потребления	69,8	63,5	59,3
Гр. конструкций	64,4	45,2	38,9

Эти цифры сами по себе раскрывают крайнее обострение противоречия между производительными силами и производственными отношениями капиталистического хозяйства Германии.

«Но что мы сделали с нашим так хорошо улучшенным производственным аппаратом?» спрашивает германский экономист Кучинский. «Использовали ли мы его должным образом? Нет, мы его использовали только для того, чтобы создать нищету...

Мы имеем такой производственный аппарат, которому могут завидовать все страны мира — как капиталистические страны, так и социалистическая советская Россия — но мы ничего не можем с ним сделать, и может быть было бы теперь лучше, если бы производственный аппарат был хуже, если бы рационализация имела немного меньше успехов»⁶.

Современному кризису в Германии не предшествовал длительный подъем капиталистического хозяйства. Обострение противоречий всеобщего кризиса капитализма находит свое выражение и в изменении цикличности развития капиталистического хозяйства. Прежняя закономерность (подъем, кризис, репрессия, оживление) подверглась крупнейшим изменениям в послевоенную эпоху. Прежде обычно кризису предшествовал длительный подъем капиталистического хозяйства, сопровождающийся значительным расширением масштабов производства, торговли, увеличением армии рабочих, занятых в производстве, ростом капиталовложений в разные отрасли хозяйства. В 1929 г. германское капиталистическое хозяйство вступило в кризис после довольно длительного застоя. Наличие депрессии в германском хозяйстве до начала современного экономического кризиса не отрицают и многие буржуазные экономисты. В частности укажем на Г. Штольпера, который пишет: «Германский кризис является не только рефлексом мирового кризиса. В то время, когда осенью 1929 г. разразился мировой кризис, Германия уже находилась в тяжелой депрессии. Но мировой кризис в настоящее время представляет собою черную раму, которая придает мрачней картине германского положения еще более мрачный вид» (разрядка моя — А. Г.)⁷. Если размеры продукции всей германской промышленности в 1928 г. принять за 100, то для 1927 г. получим 100,1%, а для 1929—101,8%; следовательно в течение всех трех лет, предшествовавших кризису, германская промышленность переживала застой. О каком бы то ни было длительном подъеме германской промышленности перед кризисом не может быть и речи. Конечно в отдельных отраслях промышленности (производство чугуна, стали, угля, кокса и меди и пр.) наблюдался незначительный прирост продукции, но это ни в какой степени не изменяет того основного положения, что современному кризису в Германии не предшествовал всеобщий хозяйственный подъем.

Среднемесячная продукция в тыс. т⁸

	1927	1928	1929
Чугуна	1 091,9	983,7	1 116,7
Стали	1 354,2	1 209,8	1 353,8
Проката	1 072,2	963,5	1 038,3
Угля	12 800,0	12 572,0	13 620,0
Кокса	2 770,0	2 892,0	3 213,0

⁶ „Finanzpolitische Korrespondenz“ № 1, 1931.

⁷ „Der Volkswirt“ № 13—14, S. 403, 1930.

⁸ „Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich“ за соответствующие годы.

Это небольшое повышение в 1929 г. среднемесячной продукции чугуна, стали, угля, кокса скорее говорит о топтании на месте, чем о подъеме хозяйственной жизни. И в эти годы (1927—1929), оцениваемые теоретиками германского социал-фашизма как годы высокой конъюнктуры и процветания, германская промышленность работала с неполной нагрузкой своего производственного аппарата и имела большую хроническую безработицу, превышающую масштабы безработицы довоенных кризисных периодов.

Нарастание и углубление промышленного кризиса в капиталистических странах привело к дальнейшему обострению сельскохозяйственного кризиса, что конечно ускорило падение цен на сельскохозяйственные товары, особенно на аграрно-сырьевые товары, ускорило процесс обнищания и разорения мелкого и среднего крестьянства, процесс выделения огромных масс батраков, сельскохозяйственных пролетариев, рост задолженности крестьянства и дальнейшее сокращение размеров производства в сельском хозяйстве. Но все эти процессы, происходящие в области мирового сельского хозяйства, усугубили и затянули кризис в промышленности. И в итоге всего этого кризис мирового хозяйства принял невиданно обостренный и длительный характер.

Что касается сельского хозяйства Германии, то и здесь обнаруживаются те же самые процессы, которые характеризуют собою развитие современного аграрного кризиса. Правда, развитие аграрного кризиса в Германии переплетается с рядом особенностей, отсутствующих в других капиталистических странах.

Во-первых, необходимо подчеркнуть то чрезвычайно важное обстоятельство, что последствия империалистической войны, в частности план Дауэса и план Юнга, поставили германское сельское хозяйство в весьма тяжелое положение. Непрерывное выкачивание огромных средств из Германии ложится тяжелым бременем и на сельское хозяйство, поразительно быстро ускоряя обнищание беднейшего крестьянства. План Юнга отнюдь не улучшил, а напротив ухудшил положение германского сельского хозяйства. Неоднократно повышаемые прямые и косвенные налоги, разные сборы и подати поглощают значительную часть продукции мелких и средних крестьян.

Во-вторых, в германском сельском хозяйстве преобладает не крупное, а мелкое и среднее крестьянское хозяйство. Статистические сведения о крестьянских хозяйствах в Германии позволяют судить о роли мелкого и среднего производства в сельском хозяйстве. Из 5 млн. крестьянских хозяйств только 4% представляют собою хозяйства, имеющие 20 и более гектаров земли. Остальная преобладающая часть крестьянских хозяйств—это мелкие карликовые и средние хозяйства. Несмотря на интенсивный характер германского сельского хозяйства в целом, значительная часть владельцев этих мелких карликовых хозяйств должна прирабатывать на стороне, чтобы только просуществовать. Углубление кризиса в промышленности сильно задело интересы мелких производителей, ибо сокращение размеров производства в промышленности и рост безработицы лишили их дополнительного заработка. И теперь в условиях органического переплетания аграрного кризиса с промышленным кризисом происходит сильная деградация этих слоев германского сельского населения.

В-третьих, в техническом отношении германское зерновое хозяйство стоит на низком уровне (за исключением крупных капитали-

стических и помещичьих экономий) по сравнению с заокеанскими крупными капиталистическими зерновыми хозяйствами. Сельское хозяйство САСШ, Канады и некоторых других стран вооружено более мощной и более современной техникой. Это обстоятельство приводит к тому, что заокеанское сельское хозяйство является несравненно более конкурентоспособным хозяйством, чем германское сельское хозяйство.

В-четвертых, осуществление плана Юнга — выкачивание из германского хозяйства миллиардных репарационных платежей — и развитие аграрного кризиса вызвали быстрое повышение задолженности германского сельского хозяйства, особенно мелкого и среднего крестьянского хозяйства.

Особого внимания заслуживает вопрос об аграрном протекционизме в Германии.

Политика жесточайшего аграрного протекционизма началась еще в 1928—1929 гг., но она усилилась в 1930—1931 гг. Целый ряд мероприятий, принятых германскими государственными организациями (закон об обязательном примешивании отечественного зерна при помоле иностранного зерна, закон о введении в действие так называемой скользящей скалы пошлин, неоднократное повышение пошлин на пшеницу, рожь, ячмень, овес, рис, установление монополии на маис, резкое повышение пошлин на корм для скота, на продукты скотоводства и пр.) довольно выпукло характеризует направление этой политики.

К настоящему времени нет таких импортируемых продуктов сельского хозяйства, которые не были бы обложены высокими пошлинами. Не лишне будет отметить тот факт, что кроме установления высоких пошлин на импортируемые сельскохозяйственные товары, правительство германского финансового капитала широко практикует выдачу различного рода вывозных премий. Выгоды от этих вывозных премий и субсидий достаются не мелким производителям, а помещикам, крупным капиталистическим хозяйствам и различным монополистическим организациям, занимающимся торговлей сельскохозяйственными товарами.

Но к чему привело и к чему приводит осуществление правительством Брюнинга этой политики аграрного протекционизма?

Установление высоких пошлин на рожь, ячмень, овес, пшеницу, мясо, масло и другие продукты сельского хозяйства и выдача вывозных премий имели своей целью: 1) активизировать торговый баланс, чтобы обеспечить выполнение репарационных платежей; 2) ликвидировать разрыв между промышленными и сельскохозяйственными ценами; 3) смягчить и ликвидировать переживаемый сельским хозяйством затяжной кризис; 4) содействовать выходу отечественного сельского хозяйства (главным образом помещичьих и крупнокапиталистических хозяйств) на мировой рынок и 5) оградить германское сельское хозяйство от иностранной конкуренции.

Но в действительности результаты от этой политики аграрного протекционизма получились весьма плачевные. Правда импорт сельскохозяйственных продуктов резко сократился, но зато катастрофически упал и экспорт вследствие дальнейших сдвигов на мировом рынке. Разумеется, что тем самым был поставлен под вопрос выход германского сельского хозяйства на мировой рынок. Сокращение импорта и повышение пошлин вызвало то, что цены на сельскохозяйственные товары на внутреннем рынке обнаруживают тенденцию к более медленному снижению, чем на мировом рынке, а по отдельным товарам

цены либо повышаются, либо продолжают держаться на прежнем уровне. Мелкие производители от этого ничего не выиграли, так как вместе с ростом пошлин росли и цены на корм, увеличивались налоги и росли доходы крупных капиталистических организаций. Но кому оказали эти мероприятия пользу, так это помещикам и сельскохозяйственным капиталистам. Далее, эти мероприятия ни в какой степени не смягчили аграрного кризиса, не устранили перепроизводства и не приостановили процесса обнищания мелких и средних крестьян. Важнейшим следствием аграрного протекционизма является то, что происходит буквально ограбление трудящихся масс и прежде всего индустриальных рабочих.

**

*

Современный кризис мирового хозяйства характеризуется также крупнейшими сдвигами в области цен. Эти сдвиги в области цен на мировом рынке могут быть сведены к следующим основным пунктам: 1) исключительная глубина падения цен; стремительность снижения цен; 2) чрезвычайная неравномерность падения цен (неравномерность падения цен по капиталистическим странам и по группам товаров); 3) особенно резкое падение цен на аграрно-сырьевые товары; 4) значительное расширение «ножниц» оптовых и розничных цен (особенно по линии аграрно-сырьевых товаров); 5) расширение «ножниц» между промышленными и сельскохозяйственными товарами; 6) относительно слабое снижение розничных цен в капиталистических странах; 7) большая неравномерность в снижении монопольных цен внутри капиталистических стран и в снижении цен на мировом рынке.

Эти сдвиги происходят во всех странах, на всех участках капиталистического хозяйства, хотя в большинстве случаев сопровождаются определенными местными особенностями. Они имеют место также и в империалистической Германии.

Но чем конкретно характеризуются изменения в области цен в Германии, вызванные экономическим кризисом?

Во-первых, с самого начала кризиса и до последнего времени мы наблюдали на германском внутреннем рынке непрерывное падение цен на промышленные товары и на целый ряд товаров сельскохозяйственного производства.

Более стремительное падение оптовых цен по целому ряду товаров (каменный уголь, брикеты, кокс, чугун, сталь, цветные металлы, технические масла и жиры, продукты скотоводства и некоторые другие товары) наблюдалось и наблюдается именно в конце 1930 г. и в первой половине 1931. В начале экономического кризиса цены на уголь, чугун, сталь и машины долгое время упорно держались почти на одном и том же уровне, не обнаруживая заметной тенденции снижения. Но за последний период кризиса вследствие углубления и обострения экономических противоречий замечается более быстрое снижение цен и по этим товарам.

Во-вторых, в отношении движения цен на аграрно-сырьевые товары и вообще в отношении движения цен на все сельскохозяйственные товары развитие экономического кризиса в Германии характеризуется некоторыми особенностями.

Цены на мировом рынке на аграрные продукты (хлопок, шерсть, шелк-сырец, пшеница, рожь, ячмень, овес, рис, маис, картофель, сахар, кофе, чай, каучук и др.) упали на 30—40—65%. Чрезвычайно сильное падение цен на аграрные продукты затронуло прежде всего аграрные и аграрно-промышленные страны капитализма. Естественным след-

ствием стремительного и глубокого падения цен на сельскохозяйственные товары является усиление обнищания и разорения миллионов мелких и средних производителей сельского хозяйства. Снижение цен на сельскохозяйственные продукты крайне ограничивает доходы и покупательную способность огромных масс сельского населения и прежде всего мелких и средних крестьян, мелких и средних фермеров в капиталистических странах. Тяжелое положение миллионов масс беднейшего крестьянства усугубляется еще непрекращающимся ростом прямых и косвенных налогов, сборов, разных податей, повинностей и поземельной задолженности. Огромное сокращение доходов и покупательной способности крестьянских масс непосредственно влияет на рассасывание товарных запасов и тем самым углубляет и затягивает кризис мирового хозяйства.

Что касается Германии, то и там также происходит непрерывное снижение общего индекса оптовых цен на сельскохозяйственные товары, но не столь значительно, как в других капиталистических странах, например в САСШ и Канаде. В действительности оптовые цены (точно так же и розничные цены) на сельскохозяйственные продукты в Германии стоят на много выше мировых цен. Это видно по следующим данным, характеризующим движение цен на внутригерманском и мировом рынках (апрель 1931 г.):

Внутр. рынок за 100 кг		Мировой рынок за 100 кг	
Пшеница . Берлин	29,10 марок	Hamburg cif Manitoba II	12,23 марок
Рожь	19,40 "	Rotterdam Western	6,92 "
Ячмень	23,20 "	Donau	8,86 "
Овес	18,20 "	Hamburg cif Laplata I	7,09 "

Таким образом цены на внутреннем рынке Германии стоят на 100—200% выше цен на мировом рынке. Более того, цены по отдельным сельскохозяйственным товарам повысились на внутреннем рынке. Если с начала кризиса и до последнего времени цены на рожь, пшеницу, ячмень, овес, маис, рис на мировом рынке упали на 40—45—60%, то на внутригерманском рынке наблюдалось напротив повышение цен по отдельным видам сельскохозяйственных товаров.

В-третьих, в Германии так же как и в других капиталистических странах увеличилось расхождение между оптовыми и розничными ценами. Во то время, как оптовые цены на многие товары промышленного и сельскохозяйственного производства довольно значительно понизились, розничные цены подверглись лишь небольшим изменениям. Если по отдельным видам промышленных и сельскохозяйственных товаров розничные цены понизились лишь на 5—7%, то по другим товарам (например пиво, пшеничный и ржаной хлеб, сахар, и т. д.) они повысились. Логическим следствием этого неравномерного движения оптовых и розничных цен, этого увеличения разрыва между оптовыми и розничными ценами является то, что уровень стоимости жизни почти не изменился по сравнению с 1929 г. Высокий уровень розничных цен резко ограничивает и так сократившуюся покупательную способность широких слоев трудящихся (как рабочего класса, так и крестьянства), затягивает рассасывание товарных запасов и тем самым еще более усиливает противоречия германского капитализма. Само собою разумеется, что высокий уровень розничных цен на промышленные и сельскохозяйственные товары в Германии находится в непосредственной зависимости от влияния монополистических организаций на уровень цен, от все возрастающих налогов, высоких пошлин, от роста издер-

жек обращения и от плана Юнга, легшего всей тяжестью на плечи германских трудящихся. В этом вопросе концентрируются и своеобразно преломляются многочисленные противоречия германского капиталистического хозяйства.

В четвертых, очень существенной чертой тех процессов, которые имеются в области цен, является большая неравномерность в снижении монопольных цен внутри отдельных капиталистических стран по сравнению с падением цен на мировом рынке. Это целиком и полностью обуславливается природой современного капитализма как монополистического капитализма.

«Нынешний капитализм, в отличие от старого капитализма, — говорит Сталин, — является капитализмом монополистическим, а это предопределяет неизбежность борьбы капиталистических объединений за сохранение высоких монопольных цен на товары, несмотря на перепроизводство. Понятно, что это обстоятельство, делая кризис особенно мучительным и разорительным для народных масс, являющихся основными потребителями товаров, не может не привести к затягиванию кризиса, не может не затормозить его рассасывание» (отчет ЦК на XVI съезде ВКП(б)).

Кризис обострил борьбу монополистических организаций за сохранение монопольных цен в отдельных капиталистических странах. Кризис обострил расхождение между ценами на мировом рынке и монопольными (картельными) ценами в империалистических странах. Кризис обострил борьбу за рынки сбыта товаров промышленного и сельскохозяйственного производства и тем самым усилил противоречия монополистического капитализма. Кризис обострил конкуренцию между монополистическими объединениями, между монополистическими объединениями и индивидуальными капиталистами внутри капиталистических стран.

При помощи покровительственных пошлин и картельных соглашений германский монополистический капитализм стремится удерживать внутренние цены на высоком уровне, одновременно с этим широко практикуя демпинг на мировом рынке. Многочисленные товары германской промышленности (каменноугольной, железодельной, сталелитейной, машиностроительной, химической, электротехнической промышленности) продаются на внутреннем рынке по гораздо более высоким ценам чем на мировом рынке. Разрыв между внутренними ценами и мировыми ценами за время кризиса не уменьшился, а наоборот сильно расширился.

Не безынтересно отметить, что теперь даже творцы теории «организованного капитализма» вынуждены выступать с заявлениями, что монополистический капитализм усугубляет развитие кризиса. Так например социалист-фашист Ф. Нафтали пишет:

«Следующей особенностью, которая в современном кризисе выступает острее, чем в прежних кризисах, и в германском кризисе сильнее, чем в прочих странах, является влияние развития к организованному капитализму...»⁹.

«Организованный капитализм», который лишь недавно Ф. Нафтали был воспет как уничтожение капиталистических противоречий, конкуренции, кризисов, как рост «хозяйственной демократии» и т. д., оказался особенностью, обостряющей развитие кризиса. Какая ирония судьбы!

⁹ „Wirtschaftskrise und Arbeitslosigkeit“ S. 19-20

Теперь и лекарь загнивающего капитализма Германии, Ф. Тарнов, пытаясь спасти обанкротившуюся теорию социал-фашизма, не прочь заявить:

«Правда, монополистический капитализм организует, но он организует отдельные хозяйственные области, а не народное хозяйство; он не уничтожает во всем хозяйстве анархии, он переводит ее в другие рамки. Организованный капитализм уничтожил экономическую гражданскую войну человека против человека и превратил ее в экономическую войну союзов»¹⁰.

Многочисленные факторы указывают, что обнищание пролетариата обострилось в послевоенную эпоху. Стоит только вспомнить такие общеизвестные факты, как понижение доли рабочего класса в национальном доходе общества, политику цен монополистических организаций, рост прибылей капиталистов, особенно рост прибылей крупных монополистических объединений, обнищание пролетариата вследствие войны и инфляции, капиталистическая рационализация, репарационные платежи, рост платежей по долгам, рост военных расходов, рост различных прямых и косвенных налогов, наличие постоянной армии безработных, чтобы понять, что послевоенный период развития монополистического капитализма характеризуется в этом отношении все возрастающим обнищанием рабочего класса.

Развитие кризиса в Германии прекраснейшим образом иллюстрирует это положение.

Огромный рост полной и частичной безработицы, непрерывное увеличение налогового бремени (рост прямых и косвенных налогов, повышение коммунальных сборов и налогов и пр.), сокращение пособий безработным, больным, инвалидам и пенсионерам, проводимое правительством Брюнинга, высокий уровень стоимости жизни трудящихся, обострение аграрного кризиса и в связи с этим усиливающееся разорение мелкого крестьянства, высокие пошлины и наконец прямой грабег заработной платы, осуществляемый финансовым капиталом при активной поддержке со стороны профсоюзной бюрократии и социал-фашистов, вызывают дальнейшее снижение жизненного уровня германского пролетариата.

Безработица достигла невиданных в истории капиталистического хозяйства масштабов и стала угрозой фактором для всего буржуазного строя. Современная безработица имеет очень существенные особенности, которые отсутствовали во времена прежних кризисов. Безработица наших дней имеет отношение не только к современному кризису, но и ко всеобщему кризису капитализма. Однако особенности современной безработицы нельзя сводить только к ее исключительным масштабам.

Наибольших масштабов безработица достигла в зимние месяцы (декабрь—март), а затем в течение апреля, мая, июня произошло некоторое снижение. Если мы возьмем высшую точку роста безработицы, январь-февраль 1931 г., то окажется, что Германия имела 4 956 тыс. безработных против 1 627 тыс. безработных в октябре 1929 г.

Но эти абсолютные цифры не дают еще полного представления о размерах современной безработицы в Германии.

По статистическим данным министерства труда в момент наивыс-

¹⁰ „Kapitalistische Wirtschafts-anarchie und Arbeiter Klasse“. Доклад на Лейпцигском съезде социал-демократии.

шего подъема безработицы из каждых 100 членов профсоюза 37,3% являлись безработными. Следовательно даже с точки зрения буржуазной статистики каждый третий член профсоюза являлся полностью безработным. Но кроме полной безработицы существует еще и частичная безработица, которая также задела широкие слои рабочего класса. Из каждых 100 членов профсоюза 21,6% были охвачены частичной безработицей. Таким образом от полной и частичной безработицы страдали 59% всех организованных трудящихся Германии.

В действительности же масштабы полной и частичной безработицы больше, чем это показывают статистические органы, в частности статистические органы министерства труда, ибо не в интересах господствующего класса давать такие данные, которые полностью отражают ужасную картину безработицы. Германская статистика не учитывает деревенских батраков, мелких крестьян, для которых работа по найму является основным источником заработка и пр. Кроме того значительная доля рабочих, зарегистрированных как частично безработные, должна быть отнесена к полной безработице, так как их заработок не превышает пособия безработных.

Но чем собственно говоря отличается современная безработица от безработицы довоенного периода развития капитализма?

Послевоенный период развития германского капитализма характеризуется наличием огромной хронической безработицы. Ведь современный капитализм есть не прежний капитализм, а монополистический, загнивающий и умирающий капитализм. Крайнее усиление этих тенденций и результаты капиталистической рационализации привели к тому, что безработица в Германии имела большие масштабы и хронический характер. Так например процент безработных среди индустриальных рабочих Германии равняется: в ноябре 1925 г. — 11,7, в ноябре 1926 — 15,3 и в ноябре 1928 — 10,7. Это свидетельствует о том, что даже в годы более или менее благоприятной конъюнктуры масштабы безработицы в Германии были не меньше масштабов безработицы довоенных кризисных периодов. Огромная безработица превратилась в застойное, хроническое явление. Современный кризис резко увеличил эту армию безработных, в результате чего получилось своеобразное переплетение прежней хронической безработицы с новой волной безработицы. В этом как раз и заключается основная черта, характеризующая безработицу наших дней. Другая особенность современной безработицы—это выбрасывание большими массами из предприятий так называемых кадровых рабочих и высоко квалифицированных рабочих, которые обычно во времена прежних кризисов оставались на работе и составляли основной костяк капиталистических предприятий.

Сокращение числа безработных за апрель—июнь по сравнению с январем—мартом представляет собою, по нашему мнению, чисто сезонное явление, вызванное расширением строительных и земляных работ и сезонным поглощением части безработных сельским хозяйством. Но это сезонное уменьшение числа безработных ни в коем случае не позволяет делать вывод, что уже наступил перелом в кризисе. Напротив того, к осени следует ожидать нового прироста армии безработных. Разумеется разразившийся кредитный кризис не может пройти бесследно ни для промышленности, ни для транспорта, ни для сельского хозяйства. Банкротство ряда крупнейших банков и промышленных объединений, отлив иностранных краткосрочных кредитов, острый

годом в оборотном капитале и кризис государственных финансов прямо говорят об углублении общехозяйственного кризиса. Эти моменты уже приводят к выбрасыванию новых десятков тысяч рабочих и служащих из предприятий и учреждений. Перспектива колоссального роста безработицы настолько очевидна, что сами буржуазные экономисты предсказывают 2-3-миллионное увеличение армии безработных в осенне-зимнем периоде.

Финансовый капитал Германии стремится переложить всю тяжесть кризиса на плечи трудящихся масс. Одним из результатов современного кризиса является сильное ухудшение экономических позиций трудящихся Германии, в особенности промышленных рабочих. Это произошло не только вследствие роста полной и частичной безработицы, но и вследствие сокращения обеспечения безработных, инвалидов и больных, сокращения сверхтарифной оплаты, резкого снижения номинальной заработной платы, тарифных ставок, роста налогов и муниципальных сборов. Произошло колоссальное сокращение реальной заработной платы; колоссальное сокращение всего дохода рабочего класса. Средняя реальная заработная плата германского рабочего в 1930 г. была на 8,5% ниже реальной заработной платы в 1929 г., а по сравнению с 1928 — ниже на 11%. Реальная заработная плата имеет тенденцию не только держаться (как правило) ниже довоенного уровня, но все больше и больше отставать от довоенного уровня. В феврале 1931 г. средний уровень реальной заработной платы индустриального рабочего Германии был ниже довоенного уровня на 17,1%, но с февраля до последнего времени произошел ряд важнейших событий, еще больше понизивших уровень реальной заработной платы и ухудшивших материальное положение рабочего класса.

Во-первых, февраль—июнь 1931 г. характеризуется повсеместным наступлением финансового капитала на номинальную заработную плату, на тарифные ставки. В течение этого периода почти повсюду произошло сокращение тарифных ставок на 4—6—10%, и еще более уменьшилась сверхурочная оплата.

Во-вторых, неоднократно были повышены пошлины и налоги на продукты широкого потребления.

В-третьих, издание чрезвычайного декрета Брюнинга ознаменовало новое наступление буржуазии на жизненный уровень рабочего класса. Программа Брюнинга, выработанная для покрытия дефицита в общегосударственном и провинциальных бюджетах, означает (всего 1723 млн. марок) сокращение заработной платы, служащим (160 млн. марок), установление особого налога кризиса—«Krisensteuer» (440 млн. марок), повышение налога на сахар (110 млн. марок), сокращение пособия инвалидам, больным и пенсионерам (90 млн. марок), повышение налога на табак, сокращение пособия безработным (300 млн. марок), уменьшение тарифных ставок рабочим промышленности и транспорта и т. д. и т. п. XI пленум ИККИ совершенно правильно подчеркнул, что «это наступление капитала обрекает пролетариат на бедствия жесточайшей массовой нищеты».

Все усиливающийся нажим финансового капитала на экономические и социальные позиции германского пролетариата, нажим, осуществляемый через монополистические объединения, правительство Брюнинга и провинциальные ландтаги, реформистские профсоюзы, на-

ционал-фашистские и социал-фашистские организации, находит свое теоретическое «обоснование» в многочисленных книгах и статьях буржуазных и социал-фашистских экономистов, которые пытаются научно доказать необходимость снижения заработной платы рабочим и служащим и необходимость ликвидации социальной поддержки безработных и больных.

Со всей откровенностью и наглостью защитника интересов империализма пишет буржуазный экономист Шнейдер, что «выходом из экономического кризиса является снижение заработной платы рабочим». Какая «научность»! В ход пускается избитая версия вульгарных экономистов, что заработная плата рабочих «достигла слишком высокого уровня». Болтовня о «высоком уровне» заработной платы рабочих Германии стала излюбленным занятием немецких экономистов. «Фетишизм номинальной заработной платы,— пишет тот же Шнейдер,— погоня за высокой заработной платой, без внимания к вздорожанию и ограничению сбыта, толкает все более широкие массы в нищету безработицы». Видите ли, «высокий уровень (!?) заработной платы германских рабочих до кризиса (!?) сильно повысил уровень издержек производства и тем самым затруднил германский экспорт»¹¹. Неверно, что до кризиса заработная плата германских рабочих стояла на высоком уровне. Реальная заработная плата германских рабочих в послевоенную эпоху была ниже уровня заработной платы в 1913—1914 гг. Поэтому просто невежеством является утверждение Шнейдера, что «заработная плата повысила уровень издержек производства и тем самым затруднила германский экспорт». Но задача апологета капитализма в том и заключается, чтобы исказить факты, «притупить» противоречия монополистического капитализма и «обосновать» дальнейшее снижение заработной платы.

К таким же выводам приходит и другой буржуазный теоретик, А. Шпиталер:

«Мы устанавливаем, что в настоящее время не только возможно снижение высокой заработной платы (?) и высоких цен, следовательно заработной платы и цен, которые искусственно поддерживались на высоком уровне, но что снижение заработной платы и цен являются необходимостью»¹².

Это означает, что «выходом из кризиса» является сниженная заработная плата рабочим и служащим. За время кризиса произошло резкое снижение заработной платы, в то время, как розничные цены продолжают стоять на высоком уровне.

Не отстают от Шпиталера, Шнейдера, Шахта, Гирша, Е. Велтера, проф. Ледерера и социал-фашист Ф. Нафтали, заявляя:

«Чем сильнее снижение заработной платы, тем быстрее изживается кризис. В общем это правильно. Чем больше снижение цен превышает падение заработной платы, тем больше шансов к изжитию хозяйственной нужды»¹³.

«Рецепт», предлагаемый социал-фашистом Ф. Нафтали германской буржуазии, ничем по существу не отличается от «рецептов» самих буржуазных экономистов. Как буржуазные экономисты, так и Ф. Нафтали предлагают в качестве выхода из кризиса снижение заработной платы.

¹¹ „Der Wiederaufbau der Grosseisenindustrie am Rhein und Ruhr 158—170“.

¹² „Die Ursachen der Weltwirtschaftskrise und die Möglichkeiten ihrer Milderung“, S. 27.

¹³ „Wirtschaftskrise und Arbeitslosigkeit“.

Практика социал-фашизма не отстает от теории. При активной поддержке финансового капитала со стороны социал-фашизма происходило и происходит чудовищное ограбление трудящихся масс Германии.

Широко задуманный план Гувера о поддержке германского капитализма, оборотной стороной которого было сколачивание антисоветского блока с привлечением Германии, по существу провалился. Лондонская конференция государственных деятелей главных империалистических держав закончилась безрезультатно. Ни годичная «отсрочка» репарационных платежей, ни отсрочка кредитов в размере 100 млн. долл., предоставленная Рейхсбанку американскими, английскими и французскими банками, ни обещание не изымать из германского хозяйства оставшиеся иностранные краткосрочные кредиты, не спасут Германию. Но что показала Лондонская конференция, так это обострение противоречий между главными империалистическими странами — САСШ, Францией, Англией и Италией. Она разоблачила также попытки мирового капитала по созданию антисоветского блока, в частности попытки по вовлечению Германии в этот антисоветский блок. Результаты Лондонской конференции не могут ни в какой мере смягчить экономический кризис.

Германия стоит перед перспективой дальнейшего углубления общехозяйственного кризиса и роста классовой борьбы в стране. Кредитный кризис несомненно окажет сильное влияние на развитие кризиса в промышленности и сельском хозяйстве. Предстоит еще большее сокращение размеров производства, увеличение армии безработных и еще больший рост числа банкротств капиталистических предприятий. Внешняя обстановка германского капитализма усложняется и тем, что мировой кризис, и прежде всего кризис в САСШ, Англии и Франции, не ослабляется, а усиливается, что разумеется не может пройти бесследно для германского капитализма.

С каждым месяцем обостряется кризис государственных финансов и растет дефицит в бюджетах муниципалитетов.

Усиливается кризис германской социал-демократии, который является лишь составной частью кризиса капиталистической системы; растет брожение против социал-фашистских лидеров, недовольство политикой спасения финансового капитала, расширяется пропасть между социал-фашистскими вождями и рабочими.

На почве общехозяйственного кризиса все выше поднимается революционная волна, растет влияние революционной профоппозиции, влияние коммунистической партии на рабочие массы и другие пролетарские массовые организации. Растет ненависть против капитализма и против гнета версальской системы и плана Юнга, а вместе с этим происходит нарастание в стране революционного кризиса.

А. БУРОШКО

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ¹

(Против формалистической концепции т. Розенберга)

1. О значении вопроса

Вопрос о политической экономии в широком смысле слова вновь занимает внимание теоретической экономической мысли. И сейчас уже в этом нельзя видеть ничего удивительного. Наоборот, следует удивляться тому обстоятельству, что теоретический экономический фронт с таким запозданием и вместе с тем с такой сравнительно слабой активностью, притом еще старыми осужденными партией, кустарно-индивидуалистическими методами научной работы, возвращается к этому, как мы сейчас увидим, чрезвычайно важному для судеб развития марксистско-ленинской политической экономии, вопросу.

В самом деле. С момента выхода в свет «XI Ленинского сборника», в котором опубликованы гениальные заметки Ленина на «Экономику переходного периода» т. Бухарина, осветившие новым, ярким действительно марксо-ленинским светом известные страницы «Анти-Дюринга» о предмете и задачах политической экономии в широком смысле, прошло уже около трех лет. Далее, прошло уже более полутора лет с тех пор, как партией были подведены итоги последней экономической дискуссии, вскрывшие всю вредность замыкания теоретической экономической мысли в рамках «политической экономии в узком смысле»². И за все это время в отношении действительной разработки на основе марксо-энгельсо-ленинского наследия предмета и современных задач политической экономии, которая сейчас не может не быть в полном смысле этого слова, политической экономией в широком смысле, сделано чрезвычайно мало, в чем нетрудно убедиться каждому, кто знаком с нашей теоретико-экономической литературой последних лет.

Между тем, как вопрос о предмете и задачах политической экономии в широком смысле, на той более высокой ступени, на которой этот вопрос надо сейчас ставить, является одним из важнейших во-

¹ Статья представляет обработанную стенограмму выступления автора по докладу т. Розенберга о политической экономии в широком смысле. В ней дается критика формалистической в основном концепции т. Розенберга и, поскольку позволяют рамки журнальной статьи, понимание вопроса автором. Тут необходимо сделать следующее замечание. Критикуемая статья т. Розенберга, судя по ее содержанию, представляет собою обработанную стенограмму его доклада в Комкадемии по данному вопросу, и поскольку т. Розенберг в статье придерживается в основном взглядов своего доклада, то позволительно будет в отдельных, самых необходимых случаях, обращаться к стенограмме его доклада и заключительного слова. Это тем более необходимо, что т. Розенберг несколько перестроился и пополнил свою работу „критикой“ взглядов автора, не называя его имени, до их опубликования и, что самое главное, преподнес последние в несколько извращенном виде.

² „Политической экономии в узком смысле“ мы берем в кавычки, ибо то схоластическое замыкание теоретической экономической мысли, которое имело место в период так называемой рубинской дискуссии, было замыканием в рамках вовсе не настоящей политической экономии в узком смысле, а в рамках извращенного рубинского понимания сущности и задач последней.

просьб экономической теории и имеет не только чисто теоретическое, но и сугубо актуальное политическое значение.

После бухарино-степановской дискуссии 1925 г., которая в силу антимарксистской, антиленинской оценочной методологии основных ее участников не могла правильно разрешить вопроса о предмете и задачах политической экономии и тем самым не дала правильных исходных методологических пунктов для современного развития экономической теории, у нас, по ряду причин, утвердилось сугубо ошибочное бухаринское, впадающее в идеалистическую социологию и буржуазную вульгарщину, понимание политической экономии, как науки только о капиталистическом экономическом строе. Это понимание было дальше развито с сознательно поставленными целями вредительства на теоретическом фронте, в духе того, что политическая экономия должна изучать только чистый, абстрактный капитализм; это на языке меньшевика Рубина означает, что политическая экономия должна изучать так называемые социальные формы вещей. Политическая экономия согласно этой последней концепции должна вращаться в рамках вешно выраженных категорий абстрактного капитализма, и ими только оперировать. Этим, с одной стороны, совершенно был снят вопрос не только о необходимости, но и о самой возможности политико-экономического изучения некапиталистических способов производства как существовавших до капитализма, так и, что имеет особо важное и актуальное теоретическое и практико-политическое значение, существующего после капитализма способа производства, переходного от капитализма к социализму и коммунизму, т. е. советского экономического строя. С другой стороны, была чрезвычайно затруднена возможность глубоко теоретического изучения всем фронтом теоретиков-экономистов империалистического капитализма и всего конкретного многообразия современной экономической действительности.

В течение всей дискуссии ни разу не поднимался вопрос о предмете политической экономии в широком смысле, ни разу не поднимался вопрос о необходимости и актуальности для экономической теории выхода за рамки чистого капитализма, к капитализму конкретному и современному, и за рамки капитализма вообще, к другим способам производства, к другим обществам и, в первую очередь, к советскому обществу и советской экономике. Как будто этих первоочередных задач экономической теории практика революционной борьбы пролетариата и победоносного строительства социализма и не выдвигала. Были в течение ряда лет совершенно забыты лучшие страницы «Анти-Дюринга» о предмете и задачах политической экономии. Они вместе с практически революционным смыслом всего экономического учения Маркса и Ленина, из которого с железной необходимостью вытекает задача развития политической экономии соответственно потребностям социалистической революции пролетариата, были переданы пыльному архиву истории. Экономическая теория в известной степени перестала служить революционной практике, отстала от нее и ей вредила.

Теоретический экономический фронт, особенно после мартовского решения ЦК партии по докладу Комакадемии, в общем и целом повернулся к актуальным задачам современности и уже сейчас имеет известные успехи. Но достаточной методологической базы для закрепления этого поворота еще не создано, и должно быть совершенно ясно, что эта база будет создана по мере разработки, на основе наследства основоположников марксизма, ленинского наследства и

опыта партии и Коминтерна, предмета и метода задач и путей современного развития экономической теории, т. е. по мере решения поставленного вопроса предмета и современных задач политической экономии в широком смысле.

Однако то, что мы имеем сейчас в этой области, и то, каким образом поставлено дело разработки вопроса, не только не может обеспечить быстрых и положительных результатов, но уже вызывает определенные опасения насчет судьбы начатой работы.

На сегодняшний день по вопросу о предмете и задачах политической экономии в широком смысле мы имеем два-три небольших высказывания отдельных авторов и два специальных доклада, прочитанных гг. Дементьевым и Розенбергом в институтах экономики Ленинградского отделения Комакадемии и Комакадемии. Это обстоятельство показывает, что за дело берутся одиночки, в кустарном порядке, откуда можно сделать вывод, что к вопросу имеется отношение обратно пропорциональное его значению. Далее, качество проделанной работы еще более бедно. Имеющиеся работы грешат весьма существенными ошибками механистического и формалистического порядка, общая особенность которых показывает, что их авторы не продумали исторического и классового смысла современной постановки вопроса о предмете и задачах политической экономии. Между тем как именно эта сторона является главной и основной в процессе разработки и построения науки, ибо без нее возникновение и развитие науки представлялись бы делом чистой мысли, ничем необусловленного, оторванного от реальной жизни духовного творчества.

II. К критике концепций гг. Бухарина и Степанова-Скворцова

• Ошибочное формалистическое понимание т. Розенбергом проблемы политической экономии в широком смысле методологически связано со следующими недостатками и ошибками его работы. Тов. Розенберг, во-первых, не вскрыл механистической и эклектической методологии т. Бухарина, лежащей в основе направления, отрицающего политическую экономию в широком смысле. Во-вторых, т. Розенберг совершил весьма существенную ошибку в своей критике т. Степанова-Скворцова в вопросе о содержании марксовой политической экономии. И наконец, в-третьих, т. Розенберг сугубо ошибочно понимает проблему политической экономии в узком смысле слова.

Все эти недостатки и ошибки обусловили общий формалистический дух концепции т. Розенберга в трактовке проблемы политической экономии в широком смысле, обусловили ее (концепции) беспредметность и отрыв ею проблемы от потребностей той эпохи, в которой наука создается и будет создана, и от задач того класса, который ее создает и создаст в качестве дальнейшего развития марксистско-ленинской политической экономии. Поэтому критика концепции т. Розенберга особенно важна. Но для этого необходимо прежде всего разобраться в совершенных т. Розенбергом ошибках.

Тов. Розенберг вполне правильно делает, когда он ставит себе прежде всего задачу критики концепции, отрицающей политическую экономию в широком смысле, и противоположной ей концепции, отрицающей политическую экономию в узком смысле. Такое направление разработки проблемы политической экономии в широком смысле дает возможность предварительной очистки пути этой разработки от механистической, эклектической и идеалистической методологии ошибоч-

ных концепций и тем самым облегчает положительное решение поставленной задачи. Точно также правильно он делает, когда объектом для этой критики берет в основном бухарино-степановскую дискуссию 1925 г., на которой «наиболее ошибочные концепции основных ее участников получили свою «наиболее полную аргументацию» (т. Розенберг).

Тов. Розенберг, к сожалению, отнесся несколько формально к задаче критики и поэтому не вскрыл методологических корней ошибочных концепций, особенно ошибочной методологии т. Бухарина и его сторонников. Вследствие этого и вследствие его ошибки при критике т. Степанова т. Розенбергу не удалось выполнить основной своей задачи — задачи положительной разработки проблемы. Вместо попытки действительного решения проблемы по существу, по ее историческому смыслу, т. Розенберг ограничился весьма формальным количественным определением политической экономии в широком смысле в отличие от неправильно им понимаемой политической экономии в узком смысле слова.

Для т. Розенберга, как это видно из его работ, основная задача заключается в том, чтобы найти и подсчитать основные аргументы сторонников как политической экономии в узком смысле слова, так и политической экономии в широком смысле, затем опровергнуть аргументы первых и найти несоответствие между аргументами вторых и соответствующими высказываниями основоположников марксизма, и наконец в качестве вывода утвердить в правах гражданства всем известное положение Энгельса о политической экономии в широком смысле слова.

Не говоря уже о том, что эта задача весьма плохо выполнена, т. Розенбергу должно ведь быть понятно, что голой борьбой против аргументов и при этом также только при помощи аргументов, действительных аргументов не опровергнешь, по существу не преодолешь их основы, их методологии. Надо было дать себе труд покопаться глубже, найти смысл спора, т. е. добраться до методологических основ той и другой стороны. Этого, к сожалению, т. Розенберг не сделал.

Тов. Розенберг нашел три основных аргумента у сторонников политической экономии в узком смысле слова:

Первый ведущий тезис «... товарно-капиталистическая система является своеобразной исторически обусловленной системой, имеющей специфические характерные признаки, поэтому и наука, которая ее изучает, тоже является специфической, является характерной, отличающейся от других наук».

Второй по степени доказательства тезис «...вся известная нам политическая экономия, та политическая экономия, которая была создана классиками, потом переработана Марксом, строится на стоимости, т. е. основой политической экономии является стоимость. Другой политической экономии, которую можно было бы строить без стоимости, мы не знаем».

Наконец, третий тезис: «... только в капиталистическом хозяйстве сущность явлений не совпадает с видимостью. В других системах сущность и видимость, якобы, совпадают. Поэтому другие системы, как те, которые предшествовали капитализму, так и те, которые после-

³ Цитирую по стенограмме доклада, все эти аргументы приведены в статье, только в иной последовательности. См. с. 139-40 журнала „Проблемы экономики“ № 6.

дуют за капитализмом, не могут быть объектом теоретической науки, они могут быть только описаны»³.

Действительно такие аргументы выставлялись этой стороной. Но был выставлен еще один аргумент, конечно не прямо и не просто, но, как нам кажется, самый главный и вскрывающий методологические корни этой концепции. Тов. Розенберг его не приводит и поэтому совершенно неслучайно, что в отношении последнего тезиса, поскольку речь идет о т. Бухарине, который был главным оппонентом т. Степанова-Скворцова, у т. Розенберга вкралась «маленькая неточность» или «передержка». Тов. Бухарин вовсе не утверждал, что другие общественные формации не могут быть предметом теоретического изучения. Он только утверждал, что другие экономические формации имеют другую, отличную от капитализма структуру элементов и поэтому логическая структура науки о последних будет иной и отличной от логической структуры теоретической экономики капитализма. И вместе с этим т. Бухарин странным образом твердо стоит на своих позициях, что политическая экономия есть наука только о капиталистическом хозяйстве. Тут явное противоречие и нелепость. Но тут содер-жится методологический грех т. Бухарина, который надо было вскрыть.

В статье т. Розенберг несколько «поправился». Он пишет: «Отсюда (из первого тезиса — А. Б.) делается вывод, что разные экономические формации не могут изучаться одной и той же наукой, разным объектам исследования должны соответствовать разные науки»⁴. Эта «поправка» свидетельствует о том, что т. Розенберг кой-что учел из критики его доклада, но мы ее (поправку) берем в кавычки, ибо она чисто формальная поправка, по следующим причинам. Во-первых, потому, что из этой своей поправки т. Розенберг не сделал для себя необходимых выводов, т. е. исходя из нее не вскрыл методологических корней противоречивых утверждений т. Бухарина о том, что все экономические формации могут быть объектом теоретического изучения и несмотря на это политическая экономия может быть наукой только о капиталистической формации, и что следовательно науки, изучающие некапиталистические формации, не могут составить вместе с теоретической экономией капитализма единой науки. Во-вторых «поправляясь» таким образом, т. Розенберг должен был показать отличия разных политических экономий в узком смысле слова (разных наук — А. Б.), изучающих разные формации (ибо т. Розенберг ведь стоит на той точке зрения, что разные экономические формации изучаются разными политическими экономиями в узком смысле), от тех разных наук, одни из которых, по мнению т. Бухарина, изучают некапиталистические общества, а другие или вернее одна из них — только формацию капиталистическую.

Без этого концепция т. Розенберга этой своей стороной сближается с концепцией т. Бухарина. Без этой критики весь вопрос переносится в плоскость того, можно ли все эти разные науки объединить (а у т. Розенберга именно вопрос и состоит в объединении разных наук в единую и только) в единую науку, или этого делать нельзя. Тов. Розенберг стоит на той точке зрения, что это вполне возможное дело. Нетрудно догадаться почему у него такая точка зрения, ибо для него достаточно одного формального сходства, чтобы объединение было обосновано. Он до этого в своем докладе договорился, ког-

⁴ См. „Проблемы экономики“ № 6, с. 139.

да утверждал, что все его политические экономии в узком смысле слова «совпадают в единую науку потому, что все они являются экономическими науками». Странно только, почему т. Розенберг не включает в свою единую науку помимо своих разных политических экономий в узком смысле (которых, кстати сказать, еще нет на свете, помимо одной) и такие науки, как экономика промышленности, сельского хозяйства и им подобные. Ведь последние тоже экономические науки, ведь формальный признак налицо.

Чрезвычайно важно уяснить, почему т. Бухарин считает невозможным объединить свои разные науки о разных экономических формациях в единую науку. Но прежде чем к этому перейти, посмотрим каким образом т. Розенберг опровергает найденные и подсчитанные им аргументы сторонников направления о том, что политическая экономия может изучать только капиталистический экономический строй.

Первый тезис опровергается следующим образом: «Бесспорным является то, что товарно-капиталистическое производство есть особое производство, есть определенный, исторически данный и исторически обусловленный способ производства»⁶. И после этого подтверждения т. Розенберг опровергает: «Но следует ли из всех этих бесспорных положений, что политическая экономия, как теоретическая наука может изучать только капиталистическое производство. Нет, не следует...»⁷. И в доказательство этого «нет, не следует» приводится тот факт, что сейчас политическая экономия уже изучает не только капитализм, но и советское хозяйство. И это все. Не ясно ли, что это не опровержение и что этим ничего не доказано. Вскрыта ли тут ошибка т. Бухарина? Конечно не вскрыта, хотя утверждение т. Розенберга о том, что сейчас политическая экономия изучает советское хозяйство — неоспоримое утверждение. Как видно контраргумент т. Розенберга весьма слаб, ибо с точки зрения бухаринской концепции можно с таким же правом утверждать, что изучение советского хозяйства *вовсе не есть* политико-экономическое изучение, что теория советского хозяйства *вовсе не есть* политическая экономия, а другая наука, которая не может составить вместе с действительной политэкономией, с политэкономией капитализма, единой политической экономии в широком смысле. Что тогда т. Розенберг должен будет сделать? Он, совершенно очевидно, должен будет обратиться к анализу бухаринского понимания политико-экономического изучения, к бухаринскому пониманию объекта политической экономии и тогда он сможет действительно опровергнуть бухаринскую концепцию. Но этого-то т. Розенберг и не сделал, а это главное и основное.

Второй тезис опровергается тем же способом: «А все таки, как построить политическую экономию без стоимости, т. е. как построить ее для натуральных систем хозяйства? Ведь по уверению т. Бухарина, нельзя найти «хотя бы пять штук проблем, увязанных между собою, в которых не оперировали бы категориями ценности, заработной платы, прибыли»⁸. И опровержение: «На это можем ответить словами Ленина: «Даже в чистом коммунизме хотя бы отношение I к II с. и накопление?» Конечно указанное отношение и накопление при коммунизме будут иными — не только по форме, но и по содержанию,

⁶ „Проблемы экономики“ № 6, с. 140.

⁷ Там же, с. 141.

⁸ Там же с. 142.

⁹ Там же.

однако они будут, следовательно они и будут объектом теоретического изучения»⁴. В докладе т. Розенберг более рельефен, поэтому мы приведем оттуда соответствующее место. «Конечно экономическая теория, изучающая капиталистическое хозяйство, строится на стоимости», и опровержение: но «ведь нужно еще доказать, что нельзя строить экономической теории других систем, экономического учения без стоимости». Как видно контраргумент т. Розенберга весьма слаб, ибо с точки зрения бухаринской концепции можно с таким же правом утверждать, что это изучение коммунизма вовсе не есть политико-экономическое изучение, что теория коммунизма вовсе не есть политическая экономия, а другая наука, которая не может составить вместе с действительной политической экономией, с политической экономией капитализма, единую политическую экономию в широком смысле.

Тем более это можно утверждать потому, что сам т. Розенберг говорит, что коммунизм будет объектом «теоретического изучения», и не подчеркивает, что изучение будет политико-экономическим. Но что тогда т. Розенберг должен будет сделать? Мы уже сказали. Он должен будет обратиться к анализу бухаринского понимания политико-экономического изучения, к бухаринскому пониманию объекта политической экономии и тогда он сможет действительно опровергнуть бухаринскую концепцию. Но этого-то т. Розенберг и не сделал, а это главное и основное.

Контраргумент т. Розенберга слаб еще, между прочим, потому, что легко и без всякого труда укрывшись за Лениным, т. Розенберг не потрудился даже удовлетворить требование т. Бухарина на те «хотя бы пять штук проблем, увязанные между собой, в которых не оперировали бы категориями ценности, заработной платы, прибыли». Ведь т. Бухарин требует и вполне серьезно требует «найти хотя бы пять штук проблем», а т. Розенберг позаимствовал у Ленина только проблему соотношения двух подразделений общественного производства и накопления.

И, наконец, третий тезис или третий аргумент, критикуемой концепции, просто отвергается. В своем докладе т. Розенберг говорит: «Наконец, совершенно никуда негодным является третий тезис, а именно, будто бы сущность явлений и их видимость не совпадают только в товарно-капиталистической системе, что при всякой иной системе все это прозрачно, все это видно». И опровержение, вернее отрицание: «Я думаю, что форма и сущность (почему форма и сущность, а не форма проявления и сущность, ибо ведь экономически форма и есть та сущность), которую изучает политическая экономия, везде и всюду не совпадают». В статье дается примерно, такое же опровержение: «В этом силлогизме, выражаясь языком формальной логики, не только не доказана, но прямо таки неверна средняя посылка, неверно, что в некапиталистических системах хозяйства форма и сущность явлений совпадают».

И это все. Что это не опровержение и что этим ничего не доказано, видно каждому. Правда дальше т. Розенберг в доказательство своего отрицания устанавливает, что при феодализме отношения выступают более открыто, чем при капитализме, но что и эти более открытые, а значит более ясные, отношения требуется исследовать, а не просто описывать. То же в коммунистическом обществе. Эти добавления ничего по существу не прибавляют, ибо надо было хотя бы указать на

различия несовпадения «формы проявления и сущности вещей» в различных обществах.

Тов. Розенберг должен был показать какое-нибудь иное выражение, в отличие от товарного фетишизма, общественного характера труда в каком-нибудь некапиталистическом обществе. Тогда было бы немного доказательнее. Но т. Розенберг этого не сделал, ибо он не вскрыл, почему критикуемые им авторы делают такое утверждение, что в некапиталистическом обществе «форма проявления и сущность вещей» совпадают.

Выше было упомянуто, что решающего аргумента бухаринской концепции т. Розенберг не привел. Но т. Розенберг и не мог его привести, проанализировать и раскритиковать, ибо он почему-то считает, что т. Бухарина уже два года критикуют и что его уже раскритиковали, что следовательно критиковать его методологию уже не надо. На опыте т. Розенберга доказано прямо противоположное.

Каковы же методологические корни ошибок т. Бухарина? Откуда у т. Бухарина появилось представление о том, что политическая экономия может быть экономической теорией только капиталистического общества? Для выяснения этого вопроса (а он является более существенным, чем тот или иной аргумент) нам поможет разбор его концепции в дискуссии с т. Степановым.

Обращаясь к т. Степанову, т. Бухарин говорит: «Я скажу вам, что и натуральный строй (т. е. любой некапиталистический строй — А. Б.) может быть объектом теоретического изучения, но не объектом теоретической экономики»⁹. Этот аргумент вовсе не похож на найденный т. Розенбергом у сторонников политической экономии в узком смысле третий тезис о совпадении явления и сущности в некапиталистических обществах, вследствие чего последние не могут быть предметом теоретического изучения. У некоторых сторонников этого направления мы действительно находим такой тезис, но его основа т. Розенбергом, как мы уже сказали, вовсе не вскрыта.

Чем же обосновывает т. Бухарин это свое положение. Обоснование следующее: «...тут (в любой системе натурального хозяйства — А. Б.) будет отсутствовать специфическая, логическая структура элементов капитализма и товарного хозяйства, тут будет налицо совершенно другой переплет»¹⁰. Этот «совершенно другой переплет элементов» в некапиталистических обществах надо подчеркнуть, ибо существенно важно выяснить, как т. Бухарин понимает этот «другой переплет элементов». И на основании всего этого т. Бухарин делает следующий вывод: «В этом логическое основание для выделения этих элементов в особую научную дисциплину, в особый теоретический объект в отличие от политической экономии»¹¹. Каково будет, по т. Бухарину, это теоретическое изучение, чем будет эта наука и что явится ее объектом — об этом ниже.

В этом все дело: «Другой переплет элементов» в некапиталистических обществах не ликвидирует последних в качестве объектов теоретического изучения и теоретического исследования, но их ликвидирует в качестве объектов теоретико-экономического исследования. Наука, которая будет изучать эти общества, хотя и будет теоретической, но не экономической теорией, т. е. не политической экономией.

⁹ «Вестник Комкадемии» № 11, 1925, с. 297.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Но каким образом при помощи фразы о «другом переплете элементов» т. Бухарин может ликвидировать все некапиталистические общества в качестве объектов политической экономии? Следовательно, с какой позиции мы должны критиковать концепцию т. Бухарина?

Известно, что политическая экономия изучает закономерности общественно-экономической жизни людей в их историческом развитии. Энгельс говорит, что: «Предметом ее (политической экономии — А. Б.) изучения является — историческая, т. е. постоянно меняющаяся материя»¹², т. е. постоянно меняющаяся экономика общества. И если т. Бухарин говорит, что некапиталистические общества не могут быть объектами политической экономии в силу «другого переплета элементов» в этих обществах, то он этим самым утверждает, что не экономические отношения будут законами материального процесса производства в последних, что следовательно как таковые, как объективные, материальные законы они (экономические отношения) в этих обществах будут отсутствовать. Мы увидим сейчас, что по т. Бухарину они действительно отсутствуют. Но тогда спрашивается, какие же будут там законы, управляющие материальным процессом производства. Ведь недаром т. Бухарин начинает свою «Теорию исторического материализма» с категории закономерности.

На этот вопрос т. Бухарин дает следующий ответ в том же выступлении на дискуссии с т. Степановым: «Анализируя систему натурального хозяйства, — говорит т. Бухарин, — вы будете говорить о зависимости процесса производства продуктов от колебаний (от каких и от чего колебаний? Видно, от взаимодействия общества с природой — А. Б.), от распределения наличных производительных сил, от носительности сил развития этого общества, его идеологии и пр.»¹³.

Вот в чем оказывается дело. Общественный процесс материального производства в некапиталистических обществах протекает не на основе имманентных каждой из них, как и товарно-капиталистическое производство, объективных экономических закономерностей, а на основе других закономерностей, как например: закономерностей колебаний производства продуктов, от отношений общества с природой, закономерностей свободного творчества сил общества, т. е. его «свободно» устанавливаемых распределительных отношений, идеологии и т. д.

Таким образом т. Бухарин аннулировал существование в некапиталистических обществах объективных, материальных, экономических закономерностей как базы всего их исторического развития, выдвигнув вместо них закономерности, связанные с отношениями общества с природой, что вполне гармонирует с его механистической теорией равновесия, и закономерностей отношений общественной надстройки. Но позволительно спросить, почему т. Бухарин это сделал? Ответ на это дает его эклектическое, состоящее из смеси механицизма и идеализма, понимание сущности экономической и вообще общественной закономерности.

Пока же подчеркнем, что из всей этой концепции т. Бухарину совсем нетрудно сделать тот вывод, что политическая экономия — наука только о капиталистическом обществе. В самом деле. Раз политическая экономия изучает экономические закономерности, управляющие общественным процессом производства, и раз этих закономерностей

¹² „Анти-Дюринг“.

¹³ „Вестник Комкадемии“ № 11, 1925, с. 297.

э этом их качестве нет в некапиталистических обществах, раз там общественное производство управляется другими закономерностями («другой переплет элементов» — А. Б.), — они (эти общества) хотя и могут быть объектом теоретического изучения, но не политико-экономического. Отсюда объектом политико-экономического изучения может быть только товарно-капиталистическое общество, в котором имеется «такая специфическая логическая структура элементов, которая отличается от «других переплетов элементов». т. е. других обществ именно тем, что она содержит в себе экономические закономерности».

Каким образом т. Бухарин уничтожает действие объективных экономических закономерностей и, следовательно, самые эти закономерности в некапиталистических обществах, мы уже сказали. Он это делает благодаря своему немарксистскому пониманию сущности экономической закономерности.

Если исходить только из утверждения т. Бухарина о том, что объектом политической экономии может быть только капиталистическая экономия, то ответ на поставленный вопрос сам собою напрашивается: сущность экономической закономерности заключается в стихийности. Ведь политическая экономия капитализма имеет дело со стихийными закономерностями и если политическая экономия должна иметь дело только с капитализмом, то это, повидимому, потому, что других экономических закономерностей не существует и что, следовательно, самая сущность последней сводится к стихийности.

Вот почему всю суть капитализма т. Бухарин видит в стихии, рынке, ценах, всю специфику капитализма он видит в «неорганизованности» и т. п., а не в специфических экономических закономерностях товарно-капиталистического способа производства, проявляющихся в стихии, рынке, ценах и т. д., хотя иначе эти закономерности и не могут проявляться.

В этом смешении или вернее отождествлении формы проявления и сущности экономических явлений (отношений) капиталистического способа производства мы находим ответ на то, почему многие сторонники т. Бухарина утверждали, что в некапиталистических обществах формы проявления и сущность вещей (экономических) совпадают, а потому там не может быть и речи о политической экономии по крайней мере и даже не может быть речи о теоретической науке вообще.

В самом деле, раз за сущность экономических отношений капитализма принимается их стихийная форма проявления и раз этой формы нет в некапиталистических обществах, то следовательно в них нет никакой объективной экономической сущности. Но если там нет никакой объективно-экономической сущности, потому что нет стихийной формы ее проявления, то спрашивается, что там может не совпадать? Там все совпадает, потому что там экономическое, действительно марксово экономическое, отсутствует, а там, где явление отсутствует, там сущность этого явления и ее форма проявления должны совпадать, ибо там, где все отсутствует, там все совпадает. Мы видели сейчас, что по т. Бухарину экономика, действительная в марксовом понимании, отсутствует в некапиталистических обществах и материальный процесс производства в этих обществах управляется не объективно экономическими законами, а другими законами: частью объективными, т. е. стихийными по т. Бухарину, частью субъективными.

Тов. Бухарин механистически трактует сущность экономической закономерности, отождествляя ее со стихийностью, механически отожд-

дествляет сущность экономической закономерности с той формой проявления закономерностей вообще, которая имеет место в природе и капиталистическом обществе. Но почему т. Бухарин в таком случае не утверждает, что всем обществам свойственны стихийные экономические закономерности, управляющие материальным процессом производства, как и в капиталистическом обществе. Ведь такое утверждение было бы более последовательным. Это объясняется двумя обстоятельствами, вытекающими из методологии механистической теории равновесия т. Бухарина.

Во-первых, т. Бухарин исходит из того, что для объяснения процесса экономического развития обществ вовсе не необходимо исходить из их внутренних закономерностей движения, а более надежным методом является постулат равновесия системы и среды. Поэтому для некапиталистических обществ вовсе не нужны стихийные экономические закономерности (тем более, что против факта не попрешь), в гораздо лучшей степени пригодятся закономерности, вытекающие из отношений стихии среды (природы) и «организованного» сознания системы (организованных обществ, с всеобщей организационной точки зрения).

Во-вторых, т. Бухарин знает, что были общества, которые не знали стихийной общественно-экономической жизни, и что при социализме и коммунизме тем более не будет стихийности, и чтобы не быть грешным перед этими обществами (особенно перед последним) он ограничивает наличие и действие стихийных экономических закономерностей рамками только товарно-капиталистического общества. В этом последнем отношении т. Бухарин вовсе не ошибается. Но ошибка его в том, что он не видит, т. е. он не понимает сущности экономической закономерности в отличие от ее частной, исторически преходящей стихийной формы.

Отсюда тоже легко сделать вывод о том, что политическая экономия должна быть наукой о товарно-капиталистическом обществе. Ведь она изучает и может изучать только стихийную хозяйственную жизнь, а там где нет стихийно общественного хозяйствования, там нечего делать политической экономии. Там может пригодиться другая теоретическая (!?) наука, но отнюдь не политическая экономия.

В связи с этим любопытны два момента.

Первый момент: в политике т. Бухарина оказался гораздо последовательнее, нежели в теории политической экономии. Мы видели, что политическая экономия не может изучать некапиталистические формации в силу отсутствия в них стихийности, ибо этим последние отличаются от капитализма, и поэтому-то он один может быть объектом политической экономии. Но мы также видели и знаем, как в отношении такого некапиталистического общества, как например советского, т. Бухарин распространил действие стихийных закономерностей, стоя на позициях самотека в социалистическом строительстве самоврастания кулака в социализм и т. п.

Второй момент—это то, что механистическое понимание экономической закономерности у т. Бухарина перемеживается с идеалистическим пониманием общественной закономерности вообще. В самом деле, мы видели, что в некапиталистических обществах общественной базой не является экономика с ее экономическими закономерностями, а основанием их движения, развития и гибели, являются закономерность отношения с природой, идеологические закономерности и т. д.,

во всяком случае не экономические закономерности. Но это есть не что иное, как эклектика, т. е. механицизм в смеси с идеализмом.

Что действительно так понимает т. Бухарин природу экономической закономерности, можно в частности убедиться на способе его критики штамлеровской телеологической социологии. Тов. Бухарин, критикуя Штамлера, приходит к следующему выводу:

«Что лежит здесь в основе ошибки?» и отвечает: «Штамлер переоценивает «регулирование» и недооценивает стихийный ход развития, и потому все его построения просто-напросто висят в воздухе»¹⁴.

Что тут спутал т. Бухарин? Тов. Бухарин спутал ни больше, ни меньше как объективность со стихийностью. Ему кажется, что объективность, независимость от субъекта, материальность — это есть стихийность и не существует без стихийности. Вот каково представление т. Бухарина об экономической закономерности. И вот где лежат корни в данном случае его ошибочной концепции предмета и задач политической экономии.

Тов. Бухарин, борясь против буржуазно-социологического отрыва общества от природы, сам разорвал общество на две части: на общество, где существуют свойственные природе объективные закономерности, но сущность которых есть стихийность, и на общество, где нет объективных закономерностей, так как там нет стихийных закономерностей.

Тут прямое родство с той же буржуазной штамлеровской социологией, которая ликвидирует объективные экономические закономерности для всего общества, поскольку она не признает за основу движения общества, его экономическое движение. Таким образом Бухарин «преододел» Штамлера в отношении капиталистического общества, но он попал в плен к нему в отношении понимания некапиталистических обществ.

В этой связи, между прочим, становится ясным родство теории организованного капитализма Бухарина с его концепцией политической экономии. В самом деле, раз возникают монополии и государственно-монополистические организации, которые держат в своих руках всю хозяйственную жизнь страны, стихия как бы исчезает, и какие задачи тогда ставятся? Задачи организационные. Объективные закономерности исчезают и все категории, их выражающие, улечиваются. Отсюда проблемы рынка, цен и т. д. переносятся в область международную, где непосредственно видна и осязательна стихия, а потому существуют эти категории как выражение объективных закономерностей. Внутри стран они уже не существуют, хотя странным образом остался капиталистический способ производства без категорий его выражающих. Следовательно известная логическая связь между трактовкой Бухариным политической экономии и его теорией организованного капитализма нашупывается тогда, когда мы вскрываем его механистическую и эклектическую методологию.

Вывод следующий. Для того, чтобы расчистить путь к пониманию предмета и задач политэкономии критикой сторонников политической экономии в узком смысле, надо прежде всего разделаться с ошибочной методологией т. Бухарина. Этого, к сожалению, не было сделано т. Розенбергом и поэтому он сам дает неверное определение политэкономии в широком смысле слова.

¹⁴ „Теория исторического материализма“, с. 27.

Так обстоит дело с критикой концепции сторонников политической экономии в узком смысле.

Теперь перейдем к другой концепции. Так как т. Розенберг совершает грубую ошибку в своей критике т. Степанова, находящегося в определенной связи с его неправильной трактовкой политической экономии в широком смысле слова, мы и остановимся только на критике концепции т. Степанова.

Тов. Розенберг правильно указывает, что гг. Богданова и Степанова надо критиковать главным образом с методологической стороны. Тов. Розенберг указывает, что т. Степанову представляется дело таким образом, что абстрактный капитализм не отражает действительного капитализма, а служит только орудием его познания. Это вполне верно. Для т. Степанова абстрактное не есть нечто объективное, а есть логический прием познания объективной или конкретной действительности. Тов. Степанов действительно говорит, что абстрактный капитализм лишь познавательный ключ к действительности, ключ, который как бы открывает действительность.

Между тем как соотношение между абстрактным и конкретным таково, что абстрактное содержится в конкретном, конкретное содержит абстрактное, абстрактное отражает объективную конкретную действительность.

Для т. Степанова, который в основном принимает богдановскую механистическую трактовку экономических категорий, существует только исторически сменяющееся многообразие, и в силу того, что ни одна экономическая категория в чистом виде до сих пор не проявлялась, то категории в чистом виде как таковые не содержатся в этом многообразии, а они только логический прием исследований многообразия. Поэтому он зовет к конкретному изучению действительности, не понимая того, что действительность есть единство внутреннего и внешнего, сущности и явления, что одно внешнее не дает еще действительность полно, по ее сущности и в связи с ней. Ратуя за историзм, т. Степанов скатывается к эмпиризму, не только в отношении капитализма, но и в отношении других и некапиталистических обществ, ибо он не понимает, что внешнее многообразие имеет свою основу во внутреннем однообразии. И это-то внутреннее однообразие внешнего многообразия и есть основа, есть сущность экономической действительности.

В этом отношении т. Розенберг как будто «правильно» критикует т. Степанова. Но сугубо неправильным является вывод, который делает т. Розенберг, что изучая капитализм мы ничего не познаем о других способах производства, ничего теоретического, т. е. научного, о них не узнаем, ибо в этом изучении «мы теоретически не выходим за рамки капитализма»¹⁵. Тов. Розенберг пишет: «Конечно в конкретном капитализме есть много остатков разных других формаций, но они, остатки эти, подчинены закономерностям капитализма. Изучая их, мы изучаем тот же капитализм, воздействие его на остатки предшествовавших ему хозяйственных укладов. Также изучая капитализм в его возникновении, развитии и исчезновении (надо полагать гибели и исчезновении—А. Б.), мы теоретически не выходим за рамки капитализма». Это утверждение еще более рельефно выражено в

¹⁵ Подчеркнуто т. Розенбергом, „Проблемы экономики“ № 6, с. 146.

¹⁶ „Проблемы экономики“ № 6, с. 145-146.

его докладе, где он говорил: «Все разговоры о том, что изучая капитализм мы этим самым выходим за рамки капитализма, совершенно неверны, ни на чем не основаны, это просто свидетельство неправильного понимания методологии Маркса»¹⁶.

Тут ошибка существенная, которая наложила отпечаток на формалистическое понимание т. Розенбергом всей проблемы политической экономии. Поэтому этой ошибкой надо заняться.

Не подлежит сомнению, что в условиях развитого капитализма все существующие в нем остатки докапиталистических форм подчинены закономерностям капитализма и их изучение есть в значительной степени изучение того, как капитализм на них воздействует. Но в меньшей степени это изучение есть также изучение того, как эти остатки докапиталистических форм воздействуют на закономерности капитализма. Это последнее обстоятельство забывает т. Розенберг, между тем как без этого нет конкретного, действительного, существующего капитализма. В этом уже содержится ошибка, ибо т. Розенберг, видя только одну сторону процесса, не видит другой, не менее важной стороны, особенно, если принять во внимание то воздействие, которое оказывают на современное развитие капитализма послекапиталистические формы, формы советского переходного строя. Точно так же имеет громадное значение то воздействие, которое оказывают в эпоху империализма докапиталистические формы колониальных стран на современное развитие капитализма.

Вообще в этом утверждении т. Розенберга много схоластицизма, ибо капитализм в готовом и чистом виде не рождается и всегда существует во взаимозависимости и связи с докапиталистическими формациями, а теперь и в послекапиталистической и советской, и что изучение этой конкретной зависимости весьма ценно и проливает много света на темноту прошлой истории и раскрывает нам конкретные пути современного развития капитализма, что имеет исключительное значение для практики революционной борьбы, чего отрицать т. Розенберг не станет. Но может быть это изучение не будет политико-экономическим? Тов. Розенберг конечно ответит положительно: оно не будет политико-экономическим, ибо «политическая экономия,— утверждает он в 1931 г.,— абстрактная наука». Что тут понимает т. Розенберг под этим «абстрактным», неизвестно. Но нам известно, что т. Розенберг советует не смущаться этим, ибо «отсюда (из того, что политическая экономия — абстрактная наука — А. Б.) совершенно не следует, что она должна преподаваться абстрактно¹⁷, а повидимому должна преподаваться конкретно.

Замечательный совет: политическую экономию изучать надо абстрактно, ибо она «абстрактная наука», но преподавать надо конкретно. Интересно, как Маркс делает. Он изучает и абстрактно и конкретно и излагает абстрактно и конкретно. Поэтому надо думать, что правильнее следовать Марксу, нежели Розенбергу, когда он своим советом усыпляет свое беспокойство по поводу того, что «политическая экономия — абстрактная наука».

Тов. Степанов, ратуя за изучение конкретного капитализма, конечно неправ, когда он думает, что если Маркс изучает доденежные формы стоимости или докапиталистические формы ренты, то он этим самым исчерпывает все отношения докапиталистических способов производ-

¹⁷ Р. Люксембург, Введение в политическую экономию, предисловие т. Розенберга к изданию 5 1931 г.

ства. Но из этой неправоты т. Степанова нельзя делать другого правильного, сугубо ошибочного вывода, что, рассматривая эти формы, мы научно ничего не познаем в докапиталистических формациях, ибо, по уверению т. Розенберга, мы «теоретически не выходим за рамки капитализма».

Мы этим словечком «теоретически» еще займемся. Пока же укажем, почему вывод т. Розенберга неправилен и противоречит марксизму-ленинизму.

Поэтому, во-первых, что согласно этому утверждению следует, что при изучении капитализма мы остаемся все время на почве чистого, абстрактного капитализма. Сколько бы т. Розенберг ни ратовал за конкретное преподавание, он своей установкой ничего путного не добьется, ибо нельзя преподавать того, что не входит в предмет изучения. Исходя из установки т. Розенберга, действительного капитализма в его возникновении, развитии (действительном, а не абстрактном) и гибели политическая экономия показать никак не сможет.

Во-вторых, т. Розенберг здесь упустил из виду то положение, что каждый логический момент в теории представляет период, а иногда, как в теории форм стоимости и ренты, очень большой период истории, которая развивается во времени. А потому, если познание той или иной сложной или конкретной категории требует апелляции к абстракции более простых категорий, то, ведь, надо иметь нечто конкретное, откуда эту простую абстракцию можно извлечь. Ведь в условиях капитализма, при самой тончайшей абстракции вы все-таки простую, развернутую и даже всеобщую форму стоимости никак не извлечете. В условиях и рамках капитализма эти формы, которыми мы обязаны оперировать для понимания денежной формы, мы извлечь никак не сможем, ибо они тут не существуют.

Если мы не обратимся к прошлым формациям, к прошлой экономической действительности то наше восхождение от абстрактного к конкретному не будет теоретическим изображением «действительного движения», а представит не только на первый взгляд, но и по существу «априорную конструкцию». Тов Розенберг, видимо, забыл то место из предисловия к 1-му изданию I тома «Капитала», где Маркс, говоря о форме стоимости, пишет, что: «Ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее (форму стоимости — А. Б.) в течение более чем 2 000 лет». Значит форма эта существовала вне и задолго до капитализма и существовала не самостоятельно и изолированно, а в прошлых способах производства, в конкретной экономической действительности прошлых обществ, а не появилась на свет благодаря гению Маркса. Гений Маркса в том и заключается, что он увидел эти формы и связь их с современным обществом и поэтому мог определить роль этих форм в создании капиталистического общества. В этом заключается гениальность Маркса, а не в том, что он выдумал посредством какой-то абстракции эти формы. Гениальность Маркса в том, что он дал связь этих форм с конкретной исторической действительностью. Заслуга Маркса в том и заключается, что он установил эту связь, без которой конечно не понять всех явлений генезиса капитализма и всего его движения.

В-третьих, ведь не кто иной, как Энгельс, писал, что Марксу «мы почти исключительно обязаны тем, что до сих пор установлено теорией относительно докапиталистической экономики»¹⁸. Но где Маркс

¹⁸ „Анти Дюринг“, с. 139.

исследовал докапиталистическую экономику, если не в «Капитале», где он исследует «чистый» капитализм. Отсюда видно, что дело не так просто и что, как дальше это будет видно, «Капитал» представляет собой не только политическую экономию в узком смысле слова, но и в известной степени. в зародыше и политическую экономию в широком смысле слова.

И, наконец, в-четвертых, в чем состоит ленинский этап в развитии марксовой теоретической экономии? В том ли только, что Ленин защитил марксизм и углубил отдельные проблемы «Капитала»? Совсе не только в этом. И не только в том, что он создал на основе марксизма теорию империализма. В его сокровищнице содержится дальнейшее теоретическое изучение докапиталистических обществ, колоний, их связи и борьбы с капитализмом в условиях империализма и т. д. Не означает ли это политико-экономическое изучение «сверх» капитализма? А ленинское наследство в области экономики переходного от капитализма к коммунизму хозяйства, в области светского хозяйственного строя, которое является дальнейшим развитием марксовой политической экономии, тех гениальных положений, которые содержатся в экономических работах Маркса и Энгельса о послекапиталистическом обществе. Пусть т. Розенберг попробует это отрицать и сказать, что Ленин создал принципиально новую политическую экономию, в узком смысле новую науку, а не развил и расширил содержание (рамки) марксовой экономической науки, т. е. не углубил и развил марксову политическую экономию.

Таким образом, если т. Степанов-Скворцов делает ошибку, думая, что внешним изучением капитализма можно познать его сущность и вместе с тем познать все исторические эпохи, поскольку капитализм живет в среде всех прошлых эпох, связан с ними, то т. Розенберг совершает противоположную ошибку, заключающуюся в том, что изучая капитализм, мы ничего не познаем о до- и послекапиталистических способах производства.

Эта ошибка конечно увязывается с определением политической экономии как «абстрактной науки». Надо между прочим сказать, что т. Розенберг не одинок в делении наук на абстрактные и конкретные, хотя Маркс это деление зло высмеял.

Теперь мы займемся подчеркнутым словечком «теоретически». «Теоретически мы не выходим за рамки капитализма», но тогда мы повидимому практически выходим (во время преподавания, что ли?). Но как можно практически выходить за рамки эпохи и вместе с тем теоретически оставаться на одном месте? Если в этой фразе т. Розенберга есть какой-либо смысл, то ее надо понять следующим образом. Тогда, когда Маркс сам изучал доденежные формы стоимости, докапиталистические формы ренты, ростовщический капитал и другие отношения докапиталистической экономии, он практически выходил за рамки капитализма. Когда же он их изложил в «Капитале» и поскольку они его интересовали не как категории докапиталистических эпох, а как зародышевые формы капитализма, он теоретически не выходил из рамок капитализма. Тов. Розенберг так и говорит: «Простая форма стоимости нас интересует не как категория полуменового хозяйства, а как зародышевая форма капиталистического хозяйства».

Это т. Розенберга интересует по видимому теоретически. Ну, а практически, исторически разве простая форма стоимости как действительное отношение полуменового общества не была «зародышевой формой категории капиталистического хозяйства»? Или может быть она ею сделалась потому, что она его так теоретически интересует. А может быть вообще простая форма стоимости — категория капитализма. В таком случае нужно сказать это прямо. Тогда «не было бы» никакого спора.

Абсурдность противопоставления теоретического и практического подхода в научном анализе ясна. Она покоится на грубом формализме и отсутствии диалектики.

Тов. Розенберг нашел у покойного т. Степанова положение о том, что изучая капитализм в его возникновении, развитии и исчезновении, мы вовлекаем в круг изучения и эпохи, предшествовавшие капитализму, и эпохи, следующие за ним. «Значит, — приводит т. Розенберг слова т. Степанова, — расширение поля зрения и в ту и в другую сторону: и вперед и назад, и к социализму, и к феодализму». С этим вполне верным положением т. Розенберг несогласен. Он обвиняет т. Степанова во всех смертных грехах, но во всяком случае не в тех, в которых он действительно повинен. При этом т. Розенберг видимо забыл ту цитату Энгельса, которую он привел несколькими страницами ранее. А именно: «То, что дает нам в настоящее время экономическая наука, ограничивается почти исключительно (почти, что очень важно — А. Б.) генезисом и развитием капиталистического способа производства: она начинает с критики остатков феодальных форм производства и обмена... Затем развивает законы капиталистического способа производства и соответствующие ему формы обмена и положительной стороны.., и заканчивает социалистической критикой капиталистического способа производства¹⁹...

Не ясно ли, что этой цитатой т. Розенберг бьет себя самого, а не т. Степанова, ибо как можно критиковать остатки феодальных форм производства, не зная феодализма, и как можно социалистически критиковать капитализм, не зная социализма, хотя бы в той мере, в какой необходимо было во времена Маркса для критики капитализма. Значит Марксу понадобилось и «практически» и «теоретически» заглянуть и назад, и вперед, ибо иначе не было бы критики прошлого капитализма, а тем более его самого.

Мы уже сказали, что т. Розенберг недоволен тем, что Маркс вышел за рамки капитализма, изучил кое-что, что относится к прошлым и будущим способам производства. Поэтому он старательно держит при себе такую например цитату того же Энгельса, из того же «Анти-Дюринга», что Марксу «мы почти исключительно обязаны тем, что до сих пор установлено теорией (заметьте, т. Розенберг, теорией) относительно докапиталистической экономики» и что Марксу это надо было установить, ибо для «законченной критики буржуазной экономики недостаточно было знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения. Предшествующие ей или еще существующие в менее развитых странах формы должны были быть также, по крайней мере в главных чертах, исследованы и подвергнуты сравнению».

¹⁹ „Анти-Дюринг“, с. 138-139.

Далее, говоря о том, что сейчас политическая экономия изучает не только капитализм, но еще и советское хозяйство, т. Розенберг забывает подчеркнуть, что это изучение ведется Лениным и его партией на основе гениальных замечаний Маркса и Энгельса о переходной экономике, социализме, коммунизме. Повидимому все эти места в трудах основоположников марксизма являются только утопическими догадками²⁰, а не научными.

Общий вывод сводится к тому, что т. Розенберг, во-первых, не вскрыл методологических корней бухаринской концепции и, во-вторых, совершил крупную ошибку при критике Степанова. Все это случилось с т. Розенбергом вследствие схоластичности построения его критики. И это привело его к формалистическому толкованию проблемы политической экономии в широком смысле. Но мы положительной частью работы т. Розенберга займемся после выяснения еще одной его ошибки, его ошибочного понимания проблемы политической экономии в узком смысле слова.

III. К пониманию предмета политической экономии в узком смысле

У нас господствует представление, что политическая экономия в узком смысле слова есть политическая экономия, или экономическая теория, которая изучает о д и н к а к о й-л и б о общественный способ производства. Тов. Розенберг делает отсюда умозаключение, что несколько таких политических экономий в своей совокупности и составляют политическую экономию в широком смысле. Это представление сейчас господствует в качестве такой же неумолимой догмы, в какой господствовала догма о том, что политическая экономия не может изучать некапиталистические общества. Не чувствуется ли здесь реакции одной догмы на другую, вместо разбора по существу. Однако, разберемся в этом вопросе.

На чем покоится эта догма? На формалистически извращенном толковании следующего места из «Анти-Дюринга»: «То, что мы теперь знаем из экономической науки, ограничивается почти исключительно происхождением и развитием капиталистического способа производства». Это положение неправильно комментируется в двояком отношении. Как мы уже видели, т. Розенберг делает отсюда вывод, что марксова политическая экономия или политическая экономия в узком смысле слова не выходит за рамки капитализма, совершенно игнорируя то, что Энгельсом написано на следующей странице о том, что для «законченной критики буржуазной экономии недостаточно было знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения. Предшествующие ей или еще существующие в менее развитых странах формы должны были быть также, по крайней мере в главных чертах, исследованы и подвергнуты сравнению», что Марксом и сделано.

Но нас интересует сейчас другое. Это же положение Энгельса понимается и комментируется шиворот на выворот. Из него делается утверждение такого рода. Раз политическая экономия изучает о д и н к а к о й-л и б о способ производства, значит, это политическая экономия в узком смысле. Но где так говорит Энгельс? Или быть мо-

²⁰ Тов. Розенберг почти так думает. См. его предисловие к 5-му изданию „Введения в политическую экономию“ Р. Люксембург.

жет где-нибудь так говорили Маркс и Ленин? Ничего подобного нет, и лишь только грубый формализм, не желающий вникнуть в суть дела, может так рассуждать.

Энгельс утверждает, что в его время политическая экономия развилась до той ступени, когда она могла дать революционную критику капитализма, и что для этого ей необходимо было, хотя бы в основных чертах, исследовать и подвергнуть сравнению докапиталистические способы производства. Более того, можно даже дополнить Энгельса, что основоположникам марксизма понадобилось для своей политической экономии разработать основные, самые общие закономерности послекapиталистического способа производства — социалистического и экономики переходного периода от капитализма к социализму. Вряд ли станет т. Розенберг это отрицать. Но тогда к чему то определенное, которое гласит, что политическая экономия в узком смысле есть политическая экономия, изучающая один какой-либо способ производства и не выходящая из рамок последнего. Ведь Энгельс говорит, что та политическая экономия, которая изучила капиталистический способ производства и которая только в основных чертах исследовала докапиталистические способы производства, а также послекapиталистические, является политической экономией в узком или, как он выражается, в тесном смысле. Уже исходя из этого совершенно очевидно, что та политическая экономия, которая исследует не в общих чертах, а полностью и исчерпывающим образом, как она исследовала в лице Маркса и Ленина капитализм, все докапиталистические и развивающийся после капиталистического социалистический способ производства, будет политической экономией в широком смысле. Но тогда ведь исчезнет политическая экономия в узком смысле, именно та политическая экономия в узком смысле, о которой говорил Энгельс. Но тогда не потребуются те неизвестные еще политические экономии в узком смысле, которые выдуманы Розенбергом и др. и которые поэтому составляют неизвестную никому механистическую и формальную совокупность. Но вернемся к вопросу.

Итак, политическая экономия, которая создана Марксом, является политической экономией в узком смысле, потому что она исследовала преимущественно капиталистический способ производства и в основных чертах другие до-и послекapиталистические общества. Она иной и не могла быть. Она, в условиях капитализма, не могла стать той политической экономией в широком смысле, политической экономией в том широком объеме, о котором говорил Энгельс.

О политической экономии в условиях первобытного коммунизма и речи не могло быть по той причине, что в те времена, по вполне понятным причинам, не было никакого научного знания. Дальнейшее развитие пошло по линии внеэкономического закрепощения общественно-экономических отношений. Таковы условия рабского строя, феодализма. Экономические отношения проявлялись в форме внеэкономического господства меньшинства над большинством, над непосредственными производителями. Поэтому в этих обществах также не могло быть экономической теоретической науки. Имевшиеся в древней Греции во времена римской истории и средневекового феодализма экономические исследования (Женсфонт, Платон, Аристотель, Катон,

Фома Аквийский и др.) могли содержать в себе отдельные гениальные догадки о существующих экономических отношениях, но ни одним из них не была дана какая-либо научная экономическая теория, хотя в других областях наука находилась на довольно высоком уровне, как например в древней Греции.

Экономические исследования всего этого периода были преимущественно исследованиями нормативного порядка, но отнюдь не научно-объективного характера. Связанность экономической мысли соответствовала и вытекала из внеэкономической связанности экономических отношений. Капитализм, который сменил феодализм (Европа) и рабский строй (Америка), освободил труд от рабства и феодализма, которые прямо и непосредственно господствовали над производителем и продуктом его труда, экономически их закрепостил и создал общество «свободного или наемного рабства». И этот строй обязан был создать экономическую теорию или политическую экономию по двум причинам. Во-первых, потому, что он развил до такого уровня производительные силы, когда быстрым темпом пошло вверх все научное развитие, и, во-вторых, экономические отношения после господства торгового капитала с его государственной экономической регламентацией праздновали свою особую специфическую свободу — свободу капиталистической конкуренции и предпринимательства. Вначале эти отношения (физиократы, классики) рассматривались как вечные и естественные отношения, а потому наука не могла справиться с противоречиями капитализма и была сама полна противоречий. Но когда наступил момент исторической критики капитализма (революции 1848 и 1871 гг.), которая не могла не быть социалистической революционной критикой, пришел Маркс со своей пролетарской критикой, для которой уже понадобилось исследование не только капиталистического способа производства, но и в общих чертах и других, существовавших до капитализма, а также того, который должен сменить капитализм.

Такова в самых сжатых чертах основная линия развития всей истории экономической мысли до Маркса включительно, исключая вульгарную экономию периода Маркса и все позднейшее развитие. Эта история показывает, почему политическая экономия возникла в эпоху капитализма и почему она не могла быть научной экономической теорией при любом из существовавших способов производства до капитализма. Но важно еще указать на те причины, благодаря которым капитализм создал только политическую экономию в узком смысле, и следовательно он не мог создать политической экономии в широком смысле. Это весьма важно как для понимания исторической природы политической экономии в узком смысле, так и политической экономии в широком, условий ее создания, путей развития и т. д.

Классики, которые основали и разработали научную буржуазную политическую экономию, рассматривали буржуазные отношения как вечно существовавшие неизменные отношения, соответствующие естественной природе «человека». Вульгарная буржуазная экономия сознательно извращала капиталистическую действительность для того, чтобы ее всемерно укреплять. Но должна же была так или иначе заниматься буржуазная наука некапиталистическими способами производства, ибо ведь капитализм связывался в своих экономических отношениях с некапиталистической средой. Но капитализму для «перделки» т. е. для эксплуатации некапиталистических обществ, вовсе не надо научно изучать экономические структуры последних, ибо

там, где эти общества сопротивляются проникновению в их экономику действия законов капитализма, там и без научного обоснования действуют методы прямого насилия, грабежа и принуждения. Вся колониальная история — яркий образец этой «цивилизаторско-реформаторской» деятельности капитализма в отсталых аграрных странах мира.

Но капитализм создал не только буржуазную, научную и вульгарную политическую экономию, но и научную, пролетарскую, марксистскую политическую экономию. Почему тогда последняя не создала политической экономии в широком смысле, если это дело было не по плечу буржуазной экономии? И тут есть свои определенные исторические причины. Исторической миссией пролетариата в условиях капитализма является свержение последнего и установление своей диктатуры. Дальнейшее развитие общества есть развитие в условиях не капиталистических, а переходного периода, в условиях строящегося коммунизма. Какова задача науки пролетариата в условиях капитализма? Ее задача соответствует исторической миссии пролетариата в этих условиях, точно так же, как задача буржуазной экономии соответствует социальному заказу буржуазии. Задача заключается в том, чтобы свалить, свергнуть капитализм. Наука, следовательно, должна открыть закон движения капитализма и его неминуемой гибели, что и выполнено марксовой политической экономией. Для этого надо только в общих чертах изучить и другие способы производства, что также сделано Марксом. В условиях капитализма на этом заканчивается история развития политической экономии.

Теперь вернемся к предмету статьи и поставим т. Розенбергу следующие вопросы.

Потому ли существует политическая экономия в узком смысле слова, что она изучает один какой-либо способ производства вообще, или потому, что она такой родилась и в условиях капитализма не могла развиваться до того полного объема, о котором говорил Энгельс, определяя предмет политической экономии в широком смысле?

Далее. Будет ли существовать *n*-ное количество политических экономий в узком смысле, соответственно количеству прошлых и будущих общественных способов производства, или быть может существовавшая и пока еще существующая одна единственная политическая экономия в узком смысле со смертью капитализма и торжеством пролетарской диктатуры во всем мире умрет раз и навсегда, т. е. будет развита до энгельсовского объема политической экономии в широком смысле слова?

И наконец — что будет с розенберговской совокупностью политических экономий в узком смысле тогда, когда единственная существующая политэкономия и та умрет вместе с капитализмом и в связи со строительством коммунизма? Что будет тогда выражать эта совокупность?

Ответ на этот вопрос даст разбор понимания т. Розенбергом проблемы политической экономии в широком смысле.

IV. О политической экономии в широком смысле

Вся концепция т. Розенберга, все его понимание проблемы политической экономии в широком смысле в отличие от политической

экономии в узком смысле, сводятся к следующим по крайней мере пяти положениям:

Первое — из всех аргументов тт. Бухарина, Преображенского, Р. Люксембург и др. «не следует», «не вытекает», «не доказывается» и т. д., что политическая экономия может и должна изучать только капиталистический способ производства.

Второе — вопреки этим аргументам утверждается т. Розенбергом аргумент, что все способы производства могут быть изучаемы политической экономией.

Третье — наука, изучающая один какой-либо способ производства, является политической экономией в узком смысле слова и эпитет «узкая» относится не только к политической экономии капитализма. (А к каким еще существующим политическим экономиям? К будущим, что ли?).

Четвертое — каждая такая наука, каждая политическая экономия в узком смысле слова «теоретически не выходит» за свои рамки, т. е. научно ничего не познает о других способах производства.

Пятое — совокупность всех этих отдельных политических экономий в узком смысле слова, изучающих разные экономические формации, не выходя каждая из своих рамок, и составляет политическую экономию в широком смысле.

Каким образом «опровергается» первое положение и каким образом доказывается второе и четвертое положение, нам уже известно. Остаются только третье и пятое положение его концепции.

По поводу этих своих положений т. Розенберг пишет следующее: «Следовательно разным экономическим формациям соответствуют разные экономические теории — «политические экономии в узком смысле». И далее «...под ней (политической экономией в широком смысле слова — А. Б.) понимается лишь совокупность последних (т. е. разных политических экономий в узком смысле слова — А. Б.), поскольку все они исходят, как мы уже сказали, из материального производства и исследуется ими общественно обусловленное производство индивидов»²¹.

К чему сводятся эти приведенные определения? Они сводятся к следующим «глубокомысленным» результатам: политическая экономия, изучающая один какой-либо способ производства, есть политическая экономия в узком смысле слова; политическая экономия в широком смысле есть совокупность всех этих политических экономий в узком смысле. Было бы оригинально если бы т. Розенберг, после своего декларирования о совокупности политических экономий в узком смысле, показал бы нам эту совокупность, и как из нее он построил бы политическую экономию в широком смысле.

Но предположим, что такая совокупность существует. Тогда встают следующие вопросы: что объединяет все отдельные политические экономии в узком смысле слова, что делает их единой наукой — политической экономией в широком смысле? Далее — в каком отношении находятся между собой отдельные политические экономии в широком смысле? Тов. Розенберг должен ответить на эти вопросы, ибо иначе его совокупность останется висеть в воздухе, укрепленная поверхностно и лишенная какого-либо содержания.

На первый вопрос т. Розенберг дает ответ. На второй — не дает и не может дать. Остановимся на ответе на первый поставленный во-

²¹ „Проблемы экономики“ № 6, с. 146.

прос и постараемся показать, почему т. Розенберг на второй вопрос ответа дать не может.

Ответ на первый вопрос гласит так: «Исходное, общее у них, т. е. у политических экономий в узком смысле слова, как я уже сказал, отправной пункт — материальное производство». В статье эта мысль, как мы видели, продолжена следующими словами: «...и исследуется ими» «общественно-обусловленное производство индивидов». Как будто ортодоксия на все 100%. Но позволительно спросить — против кого направлен этот ответ? Кто из критикуемых т. Розенбергом авторов или направлений отрицает, что во всех обществах имеется материальное производство, которое различно в каждом обществе обусловлено, чтобы необходимо было аргументировать фактом наличия материального производства во всех, без исключения, обществах.

Ни Бухарин, ни Преображенский, ни др. — никто этого не утверждал, их также нельзя обвинить в том, что они не понимали различную обусловленность производства в различных обществах. Их можно обвинить в том, что они не понимают объективно-экономический характер этой обусловленности.

Так в чем же дело? А дело в том, что т. Розенберг совершенно не разобрался в корнях ошибочной концепции т. Бухарина и его сторонников, ибо не вскрыл механистических и вместе с тем буржуазно-социологических корней их экономической методологии. Т.св. Розенбергом не была вскрыта бухаринская ошибка в понимании экономической закономерности, состоящая в смешении объективности со стихийностью, из которой совершенно последовательно явствует, что политэкономия должна быть наукой только капиталистического хозяйства, где закономерности являются стихийными закономерностями. Таким образом дело вовсе не в том, что кто-то отрицает наличие материального производства во всех формациях. Дело заключается в том, что политическая экономия изучает объективные экономические закономерности, управляющие материальным производством каждой в отдельности общественной системы производства, независимо от того, проявляются ли эти закономерности в стихийной или не в стихийной форме. Тот факт, что в основе человеческого общества лежат объективные экономические закономерности, т. е. экономические отношения, являющиеся законами развития общества, этот факт и дает основания для существования политической экономии в широком смысле слова.

Ленин говорит, что «политическая экономия занимается вовсе не «производством», а общественными отношениями по производству, «общественным строем производства», являющимся, экономическим законом производства. Именно тот факт, что во всех обществах существуют объективные экономические законы, служит основанием для их политико-экономического изучения, а следовательно для распространения политэкономии на все общества. Это и делает возможной такую политэкономия, которая изучала бы не только капитализм, но и все другие общества, т. е. политическую экономия в широком смысле. Что ее делает необходимым, об этом позже.

И если мы будем бить в эту точку, то ясно, что мы будем бить по теории энергетического баланса, по теории равновесия, т. е. по тем теориям, которые являются основанием для отрицания политэкономии в широком смысле, а если мы только утверждаем, что во всех обществах есть материальное производство, то мы собственно говоря никого не критикуем и ничего не доказываем. Ведь когда Маркс на-

чинает свое «Введение» с того, что предмет исследования — материальное производство, то что он говорит дальше? Дальше он говорит об экономической обусловленности производства, т. е. о производстве, где не властвует свободная воля индивидов, а где действуют объективные экономические законы. Тов. Бухарин, Преображенский и др. полагают, что объективные экономические законы имеются только там, где эти законы господствуют над людьми, т. е. там, где они являются стихийными, и поэтому-то только там есть объект для политэкономии. Где этого нет, там нет экономических закономерностей и там, следовательно, нечего делать политической экономии.

На второй поставленный вопрос о внутренней связи и отношении между отдельными разными политэкономиями в узком смысле внутри политэкономии в широком смысле, т. Розенберг как в своем докладе, так и в статье не ответил. Он и не мог его даже поставить, ибо, как выше показано, т. Розенберг делает крупную ошибку в определении задач каждой политической экономии в узком смысле. Критикуя т. Степанова, т. Розенберг считает, что политэкономия капитализма при исследовании всех своих категорий «не выходит за рамки капитализма, и совершенно неверны обратные положения, ибо они ни на чем не основаны и свидетельствуют о неправильном понимании метода Маркса».

Но если политэкономия капитализма не выходит за свои рамки, поскольку обратное противоречит методу Маркса, то не будет противоречием марксову методу, если мы скажем, что политические экономии других формаций тоже не должны выходить каждая из своих рамок. Тогда мы получим сведенные в ряд отдельные политические экономии отдельных и разных обществ, каждая из которых не выходит из своих рамок, и, следовательно, между собой ни в каком отношении не связанные, за исключением, правда, только одного указания т. Розенберга, что все они имеют дело с материальным производством, имеющимся во всех обществах. И именно в таком виде представляет себе дело т. Розенберг, когда он определяет политическую экономию в широком смысле как «совокупность разных экономических теорий, изучающих отдельные экономические формации». Совершенно ясно, что такое определение — формалистическое и не только не отражает предмета, но его извращает.

Теория невыхода из рамок абсурдна потому, что объект теоретической экономии всегда выходит из своих рамок и причудливо переплетается в ходе общественно-экономического развития. Уже с того самого момента, когда разложился первобытный коммунизм, все общественные способы производства, проистекая один из другого, всегда жили и развивались один подле другого и вместе с другим, взаимно проникая друг в друга. Поэтому весьма вредна ошибка т. Розенберга, которая наложила свой отпечаток на его определение политической экономии в широком смысле слова, потому что в исторически-революционном действии пришлось бы орудовать с общественно-экономическими формациями, в их чистом виде, с чисто абстрактными категориями, их отражающими. Между тем, как действительно революционное действие орудует богатой конкретностью отношений, как они даны в жизни. Политическая экономия в этом случае не была бы наукой пролетариата, и труды Маркса, Энгельса и Ленина были бы полны только одними, пусть будет даже объективными и очень гениальными, абстракциями, но только абстракциями.

Но т. Розенберга это не смущает, ибо ведь стоит же он на той точке зрения, что «политическая экономия — наука абстрактная».

Итак, точка зрения т. Розенберга или его формулировка определения политэкономии в широком смысле не верна, потому что она формальна и не отражает жизни своего предмета.

Какова же должна быть правильная трактовка проблемы политической экономии в широком смысле? Она должна быть такой, какая указала бы историческую необходимость и обусловленность этой науки, пути разработки и построения науки, ее практическую и теоретическую базу. Это основные и коренные вопросы, и только в этом разрезе постановка проблемы соответствует современным задачам развития марксистско-ленинской политической экономии, в отличие от формалистической, схоластической игры в «совокупность». Одним словом, постановка проблемы политической экономии в широком смысле должна быть такой же, как Маркс, Энгельс, Ленин понимали и разрешали проблему политической экономии в узком смысле слова, т. е. политическую экономию капитализма.

Маркс видел основную задачу своего экономического учения в том, чтобы раскрыть законы капиталистического способа производства, его возникновения, развития и гибели, т. е. революционный переход в способ производства переходного периода от капитализма к коммунизму. Ленин следовал этой задаче марксовой политической экономии, когда он исследовал последнюю стадию капитализма — империализм. Наиболее яркое определение сущности марксовой политической экономии дано Энгельсом в том месте «Анти-Дюринга», где говорится об основном содержании всего исторического развития политической экономии. Энгельс пишет, что политическая экономия в тесном или узком смысле слова «заканчивает социалистической критикой капиталистического способа производства... доказательством, что этот способ производства в силу собственного развития, приближается к тому пункту, где он сам делает свое дальнейшее существование невозможным. Критика эта доказывает, что капиталистические формы производства и обмена становятся все более и более невыносимой помехой для самого производства... наконец, форма эта еще рассказывает, что взрожденные капиталистическим способом производства массовые производительные силы вышли уже из-под опеки этого производства и ждут только овладения ими посредством организованного для планомерной совместной деятельности общества, чтобы обеспечить всем членам общества средства к существованию и к свободному развитию их способностей и при том во все возрастающей степени»²².

Вот почему при решении проблемы политической экономии в широком смысле нам надо исходить из этих конкретных, наполненных живым содержанием исторического смысла определений, которые даются Марксом, Энгельсом и Лениным для политической экономии в узком смысле. Если исходить отсюда, а отсюда только и надо исходить, то определение Энгельса «политическая экономия как наука об условиях и формах, в которых различные человеческие общества производили и обменивались и соразмерно этому распределяли продукты» — такая политическая экономия, в таком объеме еще однако должна быть создана. Политическая экономия в широком смысле слова, в том объеме, о котором говорит Энгельс, сей-

²² „Анти-Дюринг“, с. 139.

час начинается с того, что показывает, как практически происходит историческое отрицание капитализма, как на основе этого отрицания происходит развитие социалистического общества, как последнее отрицает вместе с капитализмом все докапиталистические способы производства и как вместе с самим собою социалистический способ производства переделывает все отсталые докапиталистические формы (мелкотоварные формы оставшихся диких племен и т. д.) в коммунистическое общество. Дальнейшее развитие науки идет уже согласно потребностям коммунистического способа производства, изучает закономерности развития последнего.

Нас могут спросить: ведь вы же указали только на пути развития или на задачи развития политической экономии, а не дали «определения» политической экономии в широком смысле. Это, во-первых, а во-вторых, где же будет изучение докапиталистических способов производства и какое место в политической экономии в широком смысле займет экономическая теория капитализма. Или вернее, в приведенном определении ведь дан только предмет экономической теории переходного периода и т. д. Такие и тому подобные вопросы могут свидетельствовать о полном непонимании сути марксизма и только.

Почему? Потому, что наука вне истории такая же бессмыслица, как история человечества вне людей ее творящих, ибо наука делается людьми, которые всегда являются людьми определенной ступени исторического развития — историческими людьми. Человек вне истории давно уже находится в историческом архиве науки, поэтому и науке вне истории там и место. Отсюда ближайшим образом вытекает, что задачи науки всегда являются историческими задачами, как бы она ни была универсальна и как бы она ни говорила о вещах далекого прошлого и далекого будущего. Всегда в развитии науки на каждом ее историческом этапе мы находим глубокие следы истории, иначе нельзя было бы понять ее историческое развитие и ее самое. Все это относится на все сто процентов к истории развития политической экономии, которая рассказывает нам и объясняет, почему до сих пор эта наука не стала тем, чем она должна была бы быть по мнению Маркса, Энгельса и Ленина, с одной стороны, с другой — при каких условиях и по каким путям будет развиваться политическая наука для того, чтобы стать тем, чем она должна быть, т. е. политической экономией в широком смысле слова.

Развиваясь именно таким образом, т. е. соответственно развитию своего объекта, современному общественно-экономическому развитию и, следовательно, соответственно революционным задачам пролетариата периода империализма и переходной эпохи к коммунизму, марксо-ленинская политическая экономия станет политической экономией в широком смысле. Она изучит закономерности всех прошлых способов производства, закономерности гибели капитализма, строительства социализма и переделки всех прошлых обществ в коммунистическое общество. Почему? Потому, что в этом периоде происходит практическое отрицание капитализма не только в передовых странах, но и в странах, где капитализм живет среди докапиталистических общественных форм, потому что в этом периоде совершается практическая переделка всех докапиталистических общественных форм в коммунистическую, ибо заверченный коммунизм есть диалектический синтез всей прошлой истории и в отличие от капитализма составляет однородную общественную формацию, не суще-

ствуя рядом, в связи и зависимости с некомунистическими формами. Для своего осуществления коммунизм требует знания всех прошлых ступеней развития в их сущности, в законах их развития и перехода друг в друга.

Отсюда и следуют пути научной разработки этой науки — политической экономии в широком смысле слова. Движение науки должно соответствовать действительному экономическому и социальному движению. Тогда наука не превратится в догму. Поэтому развивать экономическую теорию мы должны в связи с борьбой пролетариата за его диктатуру на всем земном шаре. Это означает — изучать империалистическую стадию развития капитализма, изучать докапиталистические формы, борющиеся с империализмом. Это означает далее, необходимость изучать развитие нового способа производства, где пролетариат уже одержал победу.

Одним словом, подчинение развития теоретической экономической мысли задачам мировой пролетарской революции и построения социализма раздвигает наши горизонты настолько, что мы вполне сможем познать всю прошлую историю и конкретно понять ее ближайшее социалистическое и коммунистическое будущее, ибо без этого мы не сможем успешно бороться с капитализмом, социалистически переделывать докапиталистические формы, без этого мы не сможем успешно строить новый социалистический способ производства.

Таким образом, если Марксу для социалистической критики буржуазной экономики необходимо было по крайней мере в главных чертах исследовать докапиталистические экономические формы и подвергнуть их сравнению с капиталистическими (Энгельс), то сейчас, когда происходит исторически-практическое революционное отрицание капитализма и всей прошлой истории социализмом, достигнутый уровень развития науки становится недостаточным. Современный революционный марксизм-ленинизм уже далеко двинул науку вперед. Партии Ленина, последователям его необходимо дальше развивать ленинизм, охватить своим изучением все способы производства. Тогда политическая экономия в широком смысле предстанет перед нами в качестве науки о законах всех имевших место в историческом экономическом процессе общественных способов производства в их возникновении, самостоятельно исторически-преходящем бытии и переходе друг в друга на всех ступенях своего развития вплоть до коммунистического общества и о развитии самого коммунизма.

Вот какой мы себе представляем политическую экономию в широком смысле. Теоретической основой такого развития политической экономии должен быть марксизм-ленинизм; в первую очередь «Капитал», «Развитие капитализма в России», документы Коминтерна и партии о революционной борьбе и строительстве социализма. Отсюда надо исходить и изучать все общественные формы, ибо только в этой связи, где происходят действительное столкновение и действительная самокритика всех эпох человеческой истории, они (эти эпохи) и могут быть действительно научно познаны.

В заключение коротко остановимся еще на следующих двух вопросах. Что будет с политической экономией в узком смысле, как самостоятельно существующей наукой, по мере разработки и построения политической экономии в широком смысле? И второй во-

прос — какой смысл усматривает т. Розенберг в переходе от политической экономии Маркса к политической экономии в широком смысле или иначе, какой смысл имеет для т. Розенберга деление на политическую экономию в узком и широком смысле и для чего ему нужны многочисленные политические экономии в узком смысле, каждая из которых не выходит из своих рамок, изучает одну какую-либо общественную формацию?

Ответим раньше на второй вопрос. Тов. Розенберг пишет: «Деление политической экономии на «широкую» и «узкую» является принцициальным (подчеркнуто т. Розенбергом). Поэтому он начинает с того, что недостаточно. мол. одного деления политической экономии на эти термины. Надо, мол, подвести под ними (терминами) теоретический фундамент, надо разобраться в самих, не совсем еще ясных, понятиях широкой и узкой политической экономии и т. д. и т. п.

Разве можно возражать против всех этих поставленных вопросов. Конечно нельзя, но при том условии, если мы все эти вопросы поставим наголову, т. е. если мы вместо схоластического умствования о понятиях и формальном их делении поставим вопросы задач современного развития марксо-ленинской политической экономии, путей и методов этого развития и попробуем вдуматься: не выйдет ли из этого развития политическая экономия в широком смысле, в том широком объеме, о котором говорил Энгельс и о котором говорит Ленин в рецензии на курс политической экономии Богданова. Однако т. Розенберг решил пойти другим путем, и мы видели, к чему он пришел.

Он пришел к тому, что весь теоретический фундамент его принципиального деления политической экономии сводится к тому, что «отдельные экономические формации (вернее все — А. Б.) не могут быть охвачены одной и той же теорией, прежде всего именно потому, что они различные формации, т. е. имеют особые, только им присущие закономерности»²³. Но тогда спрашивается, к чему была вся борьба т. Розенберга против т. Бухарина? Ни к чему. Ведь т. Бухарин, как мы видели, не приемлет объединения всех наук о различных формациях, «прежде всего именно потому, что они различные формации, т. е. имеют особые, только им присущие закономерности», в одну единую теорию. Ведь т. Бухарин говорит, что все формации могут быть теоретически изучаемы, но в силу различия «переплета элементов» во всех некапиталистических формациях в отличие от капиталистической, т. е. в связи с различием закономерностей этих обществ нужны различные теории.

Конечно кое-какое различие между т. Розенбергом и т. Бухариным имеется, и оно заключается в том, что если т. Бухарин считает, что науки, изучающие некапиталистические общества, не могут быть названы политическими экономиями (что определенным образом продиктовано всей методологией т. Бухарина), то т. Розенберг считает, что эти науки можно назвать политическими экономиями в узком смысле. Второе отличие заключается в том, что если т. Бухарин, исходя из своей концепции, вполне последовательно утверждает, что все эти различные науки нельзя объединить в одну единую науку, то т. Розенберг весьма непоследовательно, т. е. весьма последовательно с формалистической, механистически-количественной точки

²³ Проблемы экономики“ № 6, с. 146.

зрения, объединяет эти неизвестные политические экономии в узком смысле в одну науку посредством словечка «совокупность». Но очевидно, что эта «совокупность» никак не может создать единой науки, поэтому т. Розенберг не опроверг т. Бухарина, тем более, что он мыслит себе каждую из узких политических экономий, в качестве наук, не выходящих каждая из своих рамок. Поэтому совершенно неслучайно в определении т. Розенберга политической экономии в широком смысле нет ни одного слова об изучении переходных эпох от одной формации к другой, а тем более нет ни одного слова вообще о закономерностях, связи, взаимодействии и взаимопереходах одних способов производства в другие на всем периоде их исторического развития.

Ленин достаточно ясно указал, в чем сущность политической экономии в широком смысле. Он говорит, что эта наука должна «изучать общественные отношения производства и распределения в их развитии и... дать основные понятия о различных системах общественнаго хозяйства и о коренных чертах каждой системы... и чтобы изучающий понял, что с вопросами экономической науки связаны важнейшие вопросы общественной жизни». Спрашивается, нужны ли Ленину отдельные, самостоятельные политические экономии в узком смысле и их совокупность, чтобы построить политическую экономию в широком смысле, или ему нужна такая единая наука, которая отвечала бы указанным им требованиям и была бы теснейшим образом связана с важнейшими вопросами современной жизни». Тов. Розенберг полагает, что если кто-нибудь состряпает экономическую теорию когда-то имевшего место рабского строя, феодализма, первобытного коммунизма по каким-либо архивно-историческим документам, и если он все эти труды вместе с «Капиталом» озаглавит: политическая экономия рабского строя в узком смысле, феодализма в узком смысле и т. д. и соответственно разложит эти узкие политические экономии по томам и частям, то он получит политическую экономию в широком смысле слова. А ведь это именно и означает его «совокупность политических экономий в узком смысле слова».

Но для существования своих отдельных и разных узких политических экономий, наряду с политической экономией в широком смысле, т. Розенберг имеет еще одно объяснение. Ему это нужно потому, что «в делении политической экономии на «широкую» и «узкую» как раз и подчеркивается как единство, так и различие разных способов производства, соответствующих разным ступеням в развитии производительных сил»²⁴.

Борясь против богдановско-степановского смещения разных способов производства, против универсализации ими категорий капиталистического способа производства, т. Розенберг ничем не может опровергнуть их ошибки как только подчеркиванием деления политической экономии на широкую и узкую. Тов. Розенберг видимо забыл, что диалектико-материалистический взгляд на исторический процесс Маркс и Энгельс выработали задолго до того, как Энгельс употребил термины «политическая экономия в тесном смысле и в широком объеме». Также забыл т. Розенберг, что Маркс дал диалектико-материалистическую критику всей буржуазной политической экономии, которая не видела различия в разных способах производства, не прибегая и

²⁴ „Проблемы экономики“ № 6, с. 147.

не употребляя эти термины. То же самое, кстати сказать, делал Ленин на фронте экономической теории, также без этих терминов, ибо терминами ничего не доказывается.

Тов. Розенберг между прочим ведет борьбу против взглядов, высказанных автором в своем выступлении по его докладу о том, что политическая экономия в широком смысле представляет собой дальнейшее развитие марксо-ленинской политической экономии в узком смысле, которая в силу определенных исторических условий могла только исследовать преимущественно капиталистический способ производства и только в основных чертах докапиталистические формы. После приведенной цитаты т. Розенберг продолжает: «Этим мы отмежевываемся и от тех, которые в указанном делении видят лишь указание на разные ступени развития политической экономии как науки. «Узкая» политическая экономия означает мол только неразвитость ее, «узкость ее кругозора, младенчество ее, когда она ограничивалась изучением только капиталистического способа производства. А «широкая» политическая экономия означает дальнейшее ее развитие, «расширение» ее охвата, зрелость ее и переход к изучению и других, кроме капитализма, способов производства».

Здесь, в этой цитате, правильные взгляды автора переданы вместе с неправильным их комментированием со стороны т. Розенберга.

Во-первых, напрасно т. Розенберг полагает, что если какое-нибудь учение дальше развивается, углубляется и т. д., то это означает, что это учение было неразвитым, узким или находилось в младенчестве. Так например, если ленинизм есть дальнейшее развитие и углубление марксизма, то это вовсе не означает, как думает т. Розенберг, что учение Маркса и Энгельса узко, неразвито и является младенцем, между тем как ленинизм есть современная ступень развития марксизма, и различие между первым и вторым именно и лежит в различных ступенях развития одного и того же марксизма. Отсюда совершенно ясно следует, что марксистско-ленинская политическая экономия в широком смысле есть дальнейшая ступень развития марксистско-ленинской политической экономии, соответственно общественно-экономическому развитию и революционным задачам эпохи переходной от капитализма к коммунизму. Так что различие между политической экономией в широком смысле и узком именно и лежит в различных исторических ступенях развития марксистско-ленинского экономического учения, и первая есть современная ступень развития второй.

Во-вторых, напрасно т. Розенберг берет слово расширение в кавычки там, где речь идет о том, что политическая экономия в широком смысле расширяет свой охват, объект своего исследования, включает в последний не только капитализм, но и все другие существовавшие и существующие способы производства. Тов. Розенберг думает, что этим расширением объекта своего изучения полит. экономия в широком смысле станет богдановско-степановской полит. экономией и гарантируют нас от этой опасности. «Такая трактовка,— пишет он,— деления политической экономии на «широкую» и «узкую» сводит, во-первых, это деление на-нет, всякая наука развивается от младенческого состояния к зрелому». Во-вторых, игнорируется, как и Степановым, своеобразие разных способов производства и, следовательно, своеобразие экономических теорий, воспроизводящих эти способы производства. Деление политической экономии на «широкую» и «узкую», заканчивает т. Розенберг, является п р и н ц и п а л ь н ы м.

Но эта «принципиальность» т. Розенберга показывает, что мы вовсе не ошиблись в том, что в делении политической экономии на узкую и широкую т. Розенберг не видит исторической обусловленности и классового смысла, не видит новой, современной ступени развития марксизма-ленинизма для целей революционной борьбы пролетариата и построения социализма, а находит в этом делении формальную разницу в количествах обществ, изучаемых «узкими» и широкой политической экономией.

Закончим разбором еще одного из поставленных т. Розенбергом вопросов. Для т. Розенберга политическая экономия в узком смысле конечно не умрет. Наоборот теперь лишь настало время этим политическим экономиям в узком смысле плодиться, и этим-то своим размножением они составят посредством совокупности политическую экономию в широком смысле слова. Поэтому он рьяно нападает на всех тех, кто говорит о смерти политической экономии как самостоятельной науки, и грозит, что если это так, то все науки, возникшие в эпоху капитализма, должны умереть, погибнуть. И он приводит пример наук химии, физики, которые возникли в эпоху капитализма и которые вовсе не умрут вместе со смертью капитализма.

Впечатление от этих аргументов такое, что т. Розенберг, обжегшись на молоке, дует на воду. В самом деле, что изучают химия, физика, возникшие в эпоху капитализма: капитализм или физические и химические явления? А что изучает политическая экономия в узком смысле: химические, физические явления или капитализм? Тов. Розенберг не понимает или не хочет понять азбучной вещи, что со смертью капитализма физические и химические явления остаются и остаются общественные условия и потребности их изучения, а потому эти науки останутся и будут развиваться соответственно развитию послекапиталистического общества. Точно так же т. Розенберг не понимает, что со смертью капитализма исчезнет объект для политической экономии в узком смысле слова в качестве самостоятельной науки, исторически возникшей из общественных потребностей изучения этого объекта. Он не понимает, что еще до окончательного уничтожения капитализма и его остатков будет разработана и построена политическая экономия в широком смысле, одной из составных частей которой будет марксова политическая экономия в узком смысле.

Всего этого т. Розенберг понять и не мог, ибо он к проблеме подошел не по существу, формально и схоластически.

В. В. ИСАКОВ

СТАРОЕ В НОВОМ

(По поводу «новых» течений в области организации управления)

В период, когда партия и ширские слои рабочих масс объявляют борьбу за технику, в нашей периодической прессе появляются ново-рожденные органы печати, которые совершенно обратно и своеобразно понимают этот основной лозунг партии. Я имею в виду недавно вышедший журнал «Организация управления», орган Института техники управления (ИТУ), который является ярким выразителем подобного рода течений.

За одной крайностью, которая имела в старом направлении журнала (возглавляемом прежним руководством ИТУ), издававшегося под названием «Техника управления», который действительно держал курс на узкий техницизм, слишком увлекаясь делопроизводственной и счетной техникой и структурными построениями аппарата управления, оторванными от общих политических задач и производства,— последовала другая крайность.

Прежнее руководство ИТУ рассматривало управление как особый вид производства, выдвигая так называемый «метод производственной трактовки учреждения», сущность которого сводилась к тому, что авторы этого метода предлагали рассматривать работу аппарата управления «как сложную машину или систему машин», проводя полную аналогию работы «аппарата-учреждения» с тем, что имеется в промышленном предприятии. Таким образом работа аппарата управления превращалась во что-то самодовлеющее, обособленное, не вытекающее из процесса общественного производства.

Учреждение рассматривало как производство само по себе, где предметом обработки служил «людовой материал», «документы, ведомости, таблицы». В качестве примера проводилась работа по приему новобранцев, где материалом являются новобранцы, школьники в период обучения, и т. д. По мнению авторов этого метода обслуживаемую учреждением массу можно было рассматривать наряду с прочими материальными элементами учрежденческого «производственного процесса». Прежнее руководство ИТУ стремилось к созданию такого учреждения — «машины-автомата», где на первом этапе реорганизации управленческого аппарата становилось достижение «тейлоризации производства», а на втором этапе его «фордизации», т. е. достижение такой «конструктивной модели» аппарата учреждения, где весь процесс управленческой работы превращается в непрерывный поток, который ставится как самоцель или «как конечная цель», где «волевой труд заменяется машиной» (А. К. Гастев) и где «управляют уже не люди, а машины» (Е. Ф. Розмирович).

Прежнее руководство ИТУ развивало эту идею и ставило ее своей генеральной линией работы в течение ряда лет, начиная с 1923 г., и наконец в 1930 г. теоретически сформулировало свои «принципы

методологии», взятые ими не критически из арсенала тейлоризма и фордизма, провозгласив лозунги: «К тейлоризму как к методу организационного анализа, к фордовскому конвейеру с его стальной системой как конечной цели конструктивной модели каждого управленческого процесса»¹.

Такова линия развития вопроса. Здесь очевидно, что с этими «конструктивными моделями» тесно связан и вытекает из него так наз. «метод производственной трактовки учреждения», авторы которого открыто об этом заявляют, призывая к тейлоризму и фордизму «как конечной цели каждого управленческого процесса». Такая механистическая постановка вопроса в перенесении методов капиталистической рационализации неизбежно приводила авторов к неверным положениям в отношении методологическом и недопустимым политическим выводам. На самом деле, можно ли принципиально было допускать такую трактовку учреждения, если быть последовательным учению Маркса, Энгельса и Ленина. Конечно нет. Нельзя забывать основного, что функция руководства вытекает «из самой природы общественного процесса труда»² и что «труд верховного надзора и руководства необходимо возникает всюду, где непосредственный процесс производства имеет форму общественно комбинированного процесса, а не форму разъединенного труда самостоятельных производителей»³.

Только в капиталистических условиях общественного производства, где труд по управлению, как и всякий труд в капиталистическом обществе, имеет двойственный характер и антагонистическую форму, основанную на эксплуатации труда рабочего капиталистом и в котором заложено противоречие между умственным и физическим трудом, возможно доведение бюрократической управленческой «машины» до степени действия автомата-машины, а в наших условиях, где массы сами участвуют в управлении и где сама функция управления, сбросив с себя антагонистическую форму, становится непосредственно функцией общественности, мы с каждым днем приближаемся к тому, что большие и большие слои рабочих вовлекаются непосредственно в работу по управлению. У нас недопустимо даже «академически» вести работу, рассчитанную на «конечную цель» построения управленческого аппарата, основанного на постоянном разделении труда, которое по меткому определению Маркса характеризуется тем, «что оно порождает специальности, специалистов, а вместе с тем и свойственный им профессиональный идиотизм»⁴.

Признавая высшим авторитетом методы тейлоризма и фордизма, старое руководство ИТУ стремилось к созданию такого «управления-машины», которое могло бы поистине стать шедевром бюрократического творчества, какое только знала история. Авторы «метода производственной трактовки учреждения» особенно подчеркивают материальную сущность процесса работы в учреждении, тем самым как бы желая подчеркнуть свое материалистическое мировоззрение. Но имеет ли это что-нибудь общее с диалектическим материализмом? Конечно нет. В этой теории они целиком и полностью скатились к философии бюрократии, которая, как писал Маркс,

¹ Е. Ф. Розмирович, Методология и практика техники управления, изд. 1930 г. с. 205, 302.

² Маркс, Капитал, т. I, изд. 1920 г., с. 321.

³ Там же, т. III, ч. I, изд. 1922 г., с. 370.

⁴ Его же, Соч., т. V, с. 391.

«делает свои «формальные» задачи своим содержанием» и «везде вступает в конфликт с «реальными» задачами». Для бюрократии «государственные задачи превращаются в канцелярские задачи или канцелярские задачи в государственные...» «Реальная сущность вещи рассматривается бюрократией сквозь призму ее бюрократической сущности», сквозь призму ее потусторонней, спиритуалистической сущности», «в ее собственной среде спиритуализм превращается в грубейший материализм, в материализм слепого подчинения, веры в авторитет; этот спиритуализм превращается здесь в механизм строго предписанных формальных действий, твердо установленных принципов, воззрений, и традиций»... «...действительная жизнь материальна для бюрократа, т. е. поскольку она становится объектом его бюрократической деятельности, ибо дух этой жизни ему предписан, ее цель лежит вне ее, ее бытие есть канцелярское бытие...» «...Для бюрократа мир есть лишь объект его деятельности»⁵.

Призывая некритически к тейлоризму и фордизму, авторы «метода производственной трактовки учреждения» забывали вскрыть при этом их классовую сущность, механически перенося эти методы в наши условия, считая их «конечной целью конструктивной модели» своей бюрократической фантазии. Такая установка приводила неизбежно к тому, что забывались основы учения марксизма и ленинизма о государственном управлении, о классовой сущности аппарата управления в период ожесточенной классовой борьбы, предавалась забвению и наша конечная цель, что «при социализме все будут управлять по очереди, и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял»⁶.

Вот это основное забывали авторы, ставя конечной целью «фордский» конвейер в управлении, как будто бы вечно будет существовать это море бумажного потока и вечное разделение труда, как будто бы можно рассматривать каждое учреждение как какую-то фабрику особого вида производства. Делая в основном такую установку, авторы «метода производственной трактовки учреждения» в построении своих «теорий» неизбежно скатывались к отрыву от практики социалистического строительства, не замечая и не желая замечать то новое, что создается и выдвигается этой практикой. Для примера можно хотя бы взять поднимающуюся широкую волну шефства рабочих над госучреждениями, которое дает уже образцы, когда отдельные рабочие, выполняя свою производственную работу, после работы по социалистическому совместительству, выполняют работу по государственному управлению, и свыше четырех тысяч рабочих практически проводят в жизнь в настоящее время ленинскую мысль о том, что при социализме «все будут управлять по очереди». Имеется много примеров, когда рабочие целиком берутся выполнять функции, ранее выполнявшиеся платными работниками⁷.

Новое руководство редакции журнала «Организация управления», пытаясь взять правильный курс на критическое преодоление этого старого течения, не справилось все же с поставленной задачей — впало в другую крайность, увлекаясь главным образом построением системы и методов управления, принижая при этом вопросы техни-

⁵ Маркс и Энгельс, Архив, кн. 3-я, с. 178-179.

⁶ Ленин, т. XIV, ч. 2, изд. 1-е, с. 393.

⁷ См. ст. П. Ильина в № 5 журнала «За темпы, качество, проверку», орган ЦКК РКК.

ки управления. Если раньше держали курс на «узкий техницизм» и «структуризм», то новый курс можно характеризовать как «схематизм». В первой же статье заместителя ответственного редактора журнала М. А. Шульгина уже особенно сказался узкий практицизм. Автор обрушивается на теорию. Он пишет: «Бесплодная затрата сил на создание новых общих «теорий» рационализации и поиски «общих» критериев рациональности, вместо необходимых до-зарезу конкретных разработок методологии и практической рационализации конкретных объектов на основе действительного изучения всего своеобразия рационализации в условиях нашего социалистического строительства и наших социалистических методов». И далее автор так излагает задачи научной работы в области социалистической рационализации, что социалистическая рационализация полностью отождествляется с социалистическим строительством, теория отождествляется с практикой. В постановке Шульгина совершенно отчетливо сказывается непонимание автором значения теории и преклонение только перед практикой, а тем самым выдвигается противопоставление теории практике, что никоим образом несовместимо с марксизмом-ленинизмом. Это особенно подчеркнуто в словах т. Сталина о том, что «теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно также, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией», и что «стремление практиков отмахнуться от теории противоречит всему духу ленинизма и чревато большими опасностями для дела»⁸.

Вышеприведенная же формулировка М. А. Шульгина, хотя и звучит на первый взгляд «ужасно» революционно, на самом же деле граничит с полным непониманием азбучных истин в основном вопросе неразрывной связи теории с практикой и ведущем значении нашей революционной теории марксизма и ленинизма. Автор должен был бы ясно поставить вопрос о том, что буржуазной и мелкобуржуазной теории мы противопоставляем нашу теорию марксизма и ленинизма, которая неразрывно связана с революционной практикой социалистического строительства. Что нужно разрабатывать методологию и изучать рационализацию в наших условиях—это бесспорно. Но на основе чего? Только на основе теории и методологии марксизма и ленинизма. И поэтому нельзя говорить о теории в презрительном тоне и утверждать, что она нам не нужна. Тов. Сталин на конференции аграрников-марксистов особенно заострил этот вопрос и указывал, что «у нас, в нашей общественно-политической жизни, все еще имеют хождение различные буржуазные и мелкобуржуазные теории и теориейки по вопросам нашей экономики» и что мы должны заострить вопрос на разработке нашей теории и популяризации в печати основных положений марксизма и ленинизма, выдвигая это на первый план. Тов. Сталин дал указание, в каком направлении мы должны повести работу:

«Чтобы не отстать от практики, надо заняться теперь же разработкой всех этих проблем с точки зрения новой обстановки. Без этого невозможно преодоление буржуазных теорий, засоряющих головы наших практиков. Без этого невозможно выкорчевывание этих теорий, приобретших прочность предрассудков. Ибо только в борьбе

⁸ „Вопросы ленинизма“, 1930, с. 19.

с буржуазными предрассудками в теории можно добиться укрепления позиций марксизма-ленинизма»⁹.

Автор «передовой» статьи журнала делает политическую ошибку в этом основном для нас вопросе. Надо было бы как раз наоборот сказать, что нам дозарезу нужна разработка марксистско-ленинской теории рационализации, и на это ориентировать нашу рационализаторскую общественность. В этой области уже существует серьезнейший прорыв, в особенности на теоретическом фронте борьба за социалистическую рационализацию, где во многих случаях господствуют различного рода буржуазные и мелкобуржуазные теории, которые необходимо разоблачать и которым необходимо противопоставить нашу марксистско-ленинскую теорию, в основе которой лежит методология материалистической диалектики. На это мобилизовать кадры рационализаторов. Автор же наоборот, допуская в своей формулировке разрыв между теорией и методологией, принижая значение теории, не понимает, что тем самым он неизбежно скатывается к отрицанию революционной теории марксизма и ленинизма. На конференции аграрников т. Сталин говорил: «Разве трудно понять, что без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами?» И вот этого основного не понимают и до сих пор многие авторы журнала «Организация управления», взяв курс на узкий практицизм.

Это полное забвение теории и курса на практицизм — не случайная неудачная формулировка у т. Шульгина. Это его вполне осознаваемая им установка, и не случайно, что автор в своих практических предложениях обошел молчанием вопрос о теории, уделив первое место вопросам о точных оперативных сводках, о точных данных, об организационном и техническом состоянии всех важнейших на данном этапе участков управления, о прорывах, намеченных рационализаторских планах и о достижениях, и т. д.

В частности интересно отметить, что в первых номерах журнала «Организация управления» ничего конкретного, кроме общих рассуждений по этим вопросам, не дано.

Другая руководящая статья ответственного редактора М. П. Фукс «О некоторых боевых вопросах рационализации управления» также односторонне рассматривает вопрос управления. Автор пишет, что: «Основным является не техника, а система и методы управления и подбор людского состава...» Такой схематический разрыв системы и методов, с одной стороны, и техники, с другой, вряд ли чему-нибудь может научить нашего рационализатора. Нельзя противопоставлять систему и методы технике и говорить, что техника — это дело последнее. Автор пишет правильно, что... «увлечение узкой конторской техникой и только ею не может дать нужного эффекта в смысле действительного улучшения работы госаппарата». Это то, что осуждено в лице старого руководства ИТУ как узкий техницизм, но нельзя впадать и в другую крайность. Как можно без правильной постановки техники управления иметь хорошую систему работы, четко и быстро разрешать основные задачи по планированию, проверке исполнения и т. д. Нам кажется, что эта крайность, отводящая технике последнее место, не менее опасна, чем узкий техницизм. Новый журнал «Организация управления», придя на смену журналу «Техника управле-

⁹ „Труды I конференции аграрников-марксистов“, т. I, изд. 2-е, с. 432.

ния», в полемической горячке не усмотрел того рационального, что все же было в работе старого руководства ИГУ.

На самом деле, как это могло получиться, что автор статьи «О некоторых боевых вопросах рационализации управления» совершенно отмахнулся от вопросов техники управления, говоря со всем лишь общим, ни к чему не обязывающие фразы: «что мы не собираемся умалять значения управленческой техники», что «борьба против узкого техницизма не означает похода против техники». еще бы! Нехватало одного, чтобы журнал действительно развернул этот поход! Достаточно будет сказать, что во всех номерах журнала мы все же не видели ни одной хоть сколько-нибудь серьезной статьи о том, какое же значение имеет техника управления и какие стоят перед нами задачи в этой области по существу. Или это «мелочи», о которых было зазорно говорить на страницах журнала?

Здесь уместно будет напомнить о том, что в директивах Ленина по вопросу организации аппарата управления нигде вопросы о системе и методах управления не противопоставлялись управленческой технике. В статье «Лучше меньше, да лучше» он бичует тех, кто, забывая о мелочах, стремится строить широкие планы без учета конкретной действительности. Он писал: «Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы «ужасно» революционны. Но в области чиновничества, соблюдения форм и орядов делопроизводства наша «революционность» сменяется сплоск и рядом самым затхлым рутинерством. Тут не раз можно наблюдать интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями».

«... Эти необычайно смелые теоретические построения приобретали у нас необыкновенно односторонний характер. У нас уживались рядом теоретическая смелость в общих построениях и поразительная робость по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформе»¹⁰.

Ленин всегда рассматривал систему, методы и технику как целое, неразрывное. Это можно видеть из целого ряда его статей и писем, где он говорит об улучшении работы аппарата управления. Например в набросках «К вопросу о задачах рабкрин», их понимании и их исполнении Ленин писал: «Постановка отчетности например есть вещь основная во всех ведомствах и учреждениях самых разнородных. РаКрин должен ее знать, изучить, уметь в кратчайший срок проверять (должной человека на полчаса, на час в соответствующую канцелярию) поставлена ли отчетность, правильно ли поставлена, какие недочеты в ее постановке, как их исправить и т. д...» «В РаКрине должен быть список учреждений, ведомств, губерний, поставивших сносную отчетность: пусть их будет 1 на 100, даже 1 на 1 000, не беда, лишь бы систематично, неуклонно вести упорную и неослабную войну за расширение области применения хорошего образца. В РаКрине должна быть календарная таблица, показывающая ход этой войны, успехи и поражения наши в этой войне»¹¹.

В набросках проекта «постановления о работе заводов» (заместителей председателя СНК и СТО) Ленин, наряду с системой работы, не-

¹⁰ Ленин, т. XXVII, изд. 3-е, с. 414.

¹¹ „VIII Ленинский сборник“, с. 43.

однократно подчеркивает значение техники «приемов работы». Например он пишет: «Приемы работы, способы повышения ее производительности, методы контроля, вырабатываемые в этих немногих, но действительно образцовых учреждениях, должны быть затем постепенно вводимы во всех совучреждениях...»¹².

В другом месте, в письме к Аванесову, Ленин еще сильнее подчеркивает значение рационализации техники управления. Он пишет: «Я считаю, что нормализацию б у м а ж н о й работы мы должны выработать и потом ее применять всюду. Это самое важное»¹³.

Казалось бы после таких указаний Ленина, которых можно было привести значительно больше, уж никак нельзя считать вопросы техники управления чем-то маловажным, второстепенным. Целый ряд указаний Ленина и до сих пор являются для нас настолько актуальными и далеко невыполненными, что на них следовало бы журналу «Организация управления» остановиться особо, но к сожалению авторы журнала, увлекаясь односторонней полемикой с прошлым руководством ИТУ, несмотря на то, что принципиально правильно поставили вопрос о недопустимости «метода производственной тракторки учреждения», впадают в другую крайность. Непонятно, как можно вообще мыслить разрешение всех «боевых вопросов управления» без четкой постановки техники работы аппарата. Вот до чего может доводить полемическая горячка—до самозабвения, до высказывания при этом поразительной робости «по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформы» наряду с «ужасно» революционным фразерством построения «широких планов». Журнал «Организация управления» не сумел понять основной лозунг партии о том, что «техника в реконструктивный период решает все», не сумел претворить этот лозунг в действие в конкретной области — организации управления, не сумел связать задач организации управления производством с техникой и технологией этого производства.

И наряду с тем, что все авторы журнала, как бы сговорившись, особенно подчеркивают, что техника — это дело второстепенное, не столь важное, протаскивается как раз то, что совершенно было неверно в установках прежнего руководства ИТУ. Например М. П. Фукс пишет: «Отклонение метода «производственной тракторки учреждения» не означает исключения методов тейлоризма и фордизма в рационализации управления. Эти методы остаются основными, именно в отношении управленческой техники, но с существенной поправкой о необходимости точнейшего учета продуктивности намечаемых мероприятий».

Какую именно «поправку» имел в виду автор — понять трудно. Но ясно одно, что тейлоризм и фордизм признаются им как «основные методы». Здесь или недоговоренность, неудачная формулировка, или во всяком случае недопустимое смешивание вопроса о методе и технике, а это не одно и то же. Но самое главное, что курс на тейлоризм и фордизм, который, как было показано выше, составлял сущность так называемого «метода производственной тракторки учреждения», и для настоящего руководства ИТУ становится платформой действия. В следующих номерах журнала «Организация управления» мы получаем еще более откровенные приказания, что «рационализа-

¹² VIII Ленинский сборник“, с. 79

¹³ Там же, с. 89.

торское содержание системы Тейлора действительно ново, для ИТУ наиболее важно, но не было им понято и не было применено»¹⁴.

Таким образом новое руководство ИТУ, формально относясь критически к «методу производственной трактовки», по существу сходится с ним в своей принципиальной установке, продолжая курс на тейлоризм и фордизм.

По существу же о технике управления в статье «О боевых вопросах» сказано буквально несколько слов, причем вскользь, ни к чему не обязывающей фразой о том, что необходимо «...Обеспечить быстрое овладение нашим аппаратом рациональной управленческой техникой», и т. д. О том, что необходимо обеспечить — это всем ясно, а вот как и что именно в первую очередь мы должны вводить в области улучшения техники управления, ничего, кроме общих фраз и смутно определяемого взятого ими курса на тейлоризм и фордизм, ничего конкретно не сказано ни в одной из статей журнала. Не случайно, что центральные проблемы, как-то: вопросы социалистического учета, социалистического соревнования и ударничества, встречный промфинплан, вопросы правильного проведения хозяйственного расчета, вопросы нормирования и т. д. были совершенно упущены из поля зрения журнала, тогда как в практической работе учреждений и предприятий эти вопросы являются центральными. И даже в тех случаях, когда ИТУ предлагает образцы своих достижений, он вместе с тем иллюстрирует свою оторванность от производственной жизни. Ярким примером этого является одна работа бригады ИТУ по Электрозаводу, которая кстати сказать является лучшим достижением бюрократического творчества. Авторы проекта «схемы построения органов изобретательства» умудрились построить такую сложную «оперограмму прохождения рабочего предложения», что даже хорошо грамотному рабочему вряд ли будет понятно это «творчество». Так например каждое рабочее предложение должно пройти 9 различных инстанций, 42 различных операции и при этом предлагается 10 формулярных документов (контрольные карточки, извещения и т. д.). Когда смотришь на эту схему, то невольно поражаешься, насколько авторы этой работы далеки от той конкретной заводской жизни. Нам кажется, что эта работа, проведенная под новым руководством ИТУ, превосходит своей бюрократической фантазией все те разработки, которые давал ИТУ за все время своего существования. Все это говорит об одном, что новое руководство механически продолжает идти по той же старой дорожке.

В статье Г. А. Нефедова «Система ответственных исполнителей» автор также умозрительно строит свою систему, отрываясь от конкретной действительности; например формулируя «неотъемлемые права» ответственного исполнителя, он пишет, что ему необходимо предоставить право «... возражать против решений и указаний руководителя, если эти указания, по мнению исполнителя, незаконны или политически неверны, вредны для дела или нецелесообразны». Нам кажется, во всех этих случаях уже никак нельзя ограничиваться только возражением. Право и обязанность каждого гражданина СССР не только «возражать», но и бороться против беззакония и вредительства — элементарно. Автор, особо подчеркивая «право возражения» и вводя его в качестве «обязанности» исполнителя, очевидно имел в виду что-то другое, нечто вроде таксой системы работы ответственных ис-

¹⁴ Статья А. III. в № 2-3 журнала „Организация управления“.

полнителей, где роль руководителя сводится к пассивному заслушиванию возражений со стороны подведомственного ему персонала.

Автор не попытался даже этот вопрос хоть в какой-либо степени увязать с принципом единоначалия и, даже больше того, принцип единоначалия в этой статье совершенно обойден молчанием, а этот принцип имеет некоторое отношение к данной теме. Автору следует напомнить слова т. Сталина, сказанные им на XVI съезде, где он, приводя целый ряд фактов, подчеркивал, что рабочие жалуются— «нет хозяина на заводе», «нет порядка в работе». «Нельзя дальше терпеть, чтобы наши предприятия превращались из производственных организмов в парламенты. Нужно наконец понять нашим партийным и профсоюзным организациям, что без обеспечения единоначалия и установления строгой ответственности за ход работы мы не можем разрешить задач реконструкции промышленности»¹⁵.

Попытка со стороны Г. А. Нефедова построить систему ответственных исполнителей без анализа той конкретной действительности неизбежно приводит к тому положению, что в предлагаемой им системе ответственных исполнителей трудно в конце концов разобрать, кто же отвечает за работу— руководитель или исполнитель. Автор пишет: что «... руководители несут те же самые обязанности, что и ответственные исполнители, но наряду с этим на них возлагаются обязанности планирования, руководства и контроля работ, подчиненных им ответственных исполнителей». Непонятно, как руководитель может нести ответственность за выполняемую кем-то работу, если ответственный исполнитель имеет «...право непосредственного доклада именно тому органу или лицу, для которого производилась работа». Автор утверждает, что этим самым он наносит «сокрушительный удар бюрократическому принципу иерархической субординации». Но нам кажется, что вместе с тем в его проекте имеется столько неясностей по основным принципиальным вопросам, что в результате может получиться еще больший произвол, который может вызвать еще большую бюрократическую чехарду.

Допустим, что инспектор или заведующий отделом какого-либо учреждения производит работу по заданию вышестоящих организаций, например бюро обкома ВКП(б) или облисполкома, — здесь, нам кажется, уже недостаточным будет непосредственный доклад лишь одного лица. Этот вопрос связан с ответственностью учреждения, производившего эту работу, и в первую очередь его руководящей головки, следовательно вопрос об ответственных исполнителях недостаточно ставить как вопрос вообще. Задача ИТУ — разработать эту систему в конкретных условиях работы отдельного предприятия или учреждения, которую можно было бы в качестве образцовой постановки дела переносить как опыт в практику работы других предприятий и учреждений. Принцип единоначалия, который в настоящее время является одним из руководящих принципов управления, должен быть тесно связан с вопросом функционального разделения работы между ответственными исполнителями, причем «право возражения» со стороны исполнителя одновременно надо створить и ответственностью перед руководителем, сказав об этом не в форме общих положений, а по существу.

В статье К. Корницкого «К вопросу о проектировании управления новых заводов» автор при проектировании системы управления ста-

¹⁵ Сталин, Политотчет на XVI съезде.

вит вопрос «о разграничении между управлением и организацией производства», но чувствуя, что впадает в противоречие, автор делает оговорку о том, что «управление, рассматриваемое не со своей директивной стороны (задание, контроль и проч.), а как обслуживание производства, является составной частью производственной организации. Однако стыки и переименования мы имеем лишь в пограничной зоне. Как только мы отдаляемся от нее, разграничение моментов управления и моментов организации производства можно уже установить со значительно большей уверенностью...»

Таким образом получается, что управление выделяется как какая-то специфическая по природе функция, которую можно рассматривать оторванно от организации производственного процесса. Автор проекта делает это исходным при структурном построении аппарата.

Это же самое мы видим в другой статье у другого автора, Т. И. Толоконникова, который пишет, что «...существует ряд учреждений (например социально-культурных), которые вовсе не являются аппаратами управления. Наконец в пределах управленческого аппарата есть звенья, выполняющие подсобные обслуживающие работы, например: размножение документов, подсчет, переводы и т. п., которые никак нельзя назвать управленческими...»

Из этих формулировок можно видеть, что оба автора своеобразно понимают вопрос о том, что такое управление. Здесь определенно сказывается еще отрывок непереваженного до конца файолизма, который давал классический пример разрыва системы управления от производственного процесса.

Ошибочность этих взглядов настолько очевидна, что вряд ли неофайолисты встретят сочувствие в среде нашей рационализаторской общественности.

Журнал «Организация управления» претендует на руководство рационализаторским движением по Союзу. Это правильная установка, но посмотрим, какое качество этого руководства. В статье проф. Бак «Рационализация рационализаторской работы в потребкооперации и госторговле» (журнал № 2-3 печатается без всякого примечания от редакции) автор пишет, что рационализацию техники обмена и распределения осуществляют «опытные станции наркомторгов в Москве и Харькове». На них лежит и забота о развитии «торгового изобретательства» (разрядка моя — В. И.) Новое слово «торговое изобретательство» обогатило наш рационализаторский словарь. Жаль, что автор не попытался объяснить нам, что это слово означает. Нам кажется, если проф. Бак как экономист имеет некоторое представление о том, что такое торговля, то он очевидно поймет неточность своей терминологии. Но не в этом дело. Это уж не столь важно по сравнению с тем, что он пишет далее. Оказывается, что «работа по рационализации техники управления и оборудования может и должна быть сосредоточена в специальных конторах... от этой работы рационализаторские бюро кооперативных организаций должны быть освобождены». И в своих предложениях он еще раз подчеркивает эту мысль, что «функции по рационализации управления и оборудования от рационализаторских бюро предприятий и учреждений должны отойти». Такая установка совершенно неправильна. Нельзя отрывать от конкретной действительности и предполагать, что на сегодняшний день эти специальные конторы смогут обеспечить запросы на местах в отношении постановки делопроизводства, стандартного оборудования и т. д. Нельзя ослаблять внимания местных работников

к этому вопросу и убаюкиваться иллюзиями о том, что когда-то будут организованы специальные конторы, и поэтому рациобюро в предприятиях и учреждениях не должны заниматься этим делом. Такая установка оппортунистична, она демобилизует рационализаторов на местах. Кроме того она не вяжется с нашими общими политическими установками, поскольку эти установки отодвигают вопросы рационализации техники управления и оборудования из поля зрения работников, непосредственно работающих в предприятиях и учреждениях.

И в заключение необходимо несколько слов сказать об отделе «за границей». Д. Хлебников в статье «Оперативные показатели и обмен организационным опытом» полупяризует опыт широкого распространения «разного рода индексов, характеризующих конъюнктуру в разных отраслях народного хозяйства», широко распространенных в заграничной практике, особенно в САСШ. Автор совершенно умалчивает о том, что все эти методы по существу своему требуют самого критического к ним отношения, так как их главная цель — затушевать и прикрасить истинное положение вещей. Д. Хлебников считает, что «даже в рамках капитализма показатели, характеризующие работу предприятия, являются чрезвычайно ценными». Их ценность можно иллюстрировать на тех же цифровых показателях, даваемых Берлинским институтом по изучению торговли, которыми восторгается автор. Из них мы узнаем, что «в универсальной розничной торговле»... торговые накладки крупных фирм в 1927—1928 гг. составляли около 33%, чистая прибыль — 1,7% в 1927 г. и 1,5% в 1928 г. (В накладные расходы включены также расходы на руководство — «предпринимательская прибыль» в размере 1,2% — и арендная плата даже для тех предприятий, которые размещены в собственных домах. Если это учесть, то фактически прибыль выше 4,5% у крупных и 3% от оборота у меньших предприятий). Автор, запутавшись в этих машинах капиталистической бухгалтерии, далее утверждает, что «увеличение прибыли в большей мере достигается снижением накладных расходов, чем увеличением наценок и т. п.». Надо сказать, что автор не делает откровений. С точки зрения буржуазного экономиста Зомбарта прибыль тоже «образуется из разницы между продажной ценой и издержками»¹⁶.

Но элементарного знания политической экономии достаточно, чтобы понять природу прибыли и причину ее увеличения. Автор не только не понимает, что «прибыль есть форма проявления прибавочной стоимости, причем последнюю лишь посредством анализа удается вычлупить из первой»¹⁷, но больше того, он становится глашатаем буржуазного благополучия в период мирового кризиса. Ну кто поверит, что «чистая прибыль» в 1927—1928 гг. составляла 1,7 и 1,5%? Ну кто поверит (хотя бы об этом сообщал и Берлинский институт), что оборот за январь 1930 г. в процентах к обороту за январь 1929 г. по торговым расходам за январь 1930 г. в процентах к торговым расходам за январь 1929 г. составляет 104,9%?»

Если принять во внимание, что в январе 1930 г. был как раз самый разгар мирового кризиса, то казалось бы обязанностью автора или во всяком случае редакции, сообщая об этом, было показать истинную сущность «чрезвычайно ценного» организационного опыта. Не-

¹⁶ Зомбарт, Современный капитализм, т. I, первый полутом, с. 321.

¹⁷ К. Маркс, Капитал, т. II, изд. 1922 г., с. 22.

обходимо было бы сказать о том, что все эти индексы, характеризующие конъюнктуру в угоду требованиям, предъявляемым буржуазными воротилами, направлены к тому, чтобы затушевать положение действительности.

Нам кажется неуместным на страницах журнала «Организация управления», редакция которого думает, что они проводят доподлинный марксизм и ленинизм, писать подобные вещи.

И даже больше того: автор рекомендует проводить это у нас, утверждая, что... «несомненна громадная польза, какую могут принести нам месячные (для примера) данные о движении показателей по личному составу и оперативной работе учреждения разных типов».

Лучше было бы журналу «Организация управления» вместо призыва к копированию подобного рода опыта заняться вплотную вопросами разработки социалистического учета, тем более, что директивы партийных организаций по этому вопросу имеются совершенно определенные — надо их выполнять.

Давая общую характеристику журнала в целом, можно сказать, что все вышеприведенные «мысли и дела» редакции и ее сотрудников, на первых порах идут в полном разброде. Здесь нет системы, нет серьезного, глубокого подхода к выдвигаемым проблемам. Общая погоня за фразой подменяет живое дело по созданию действительно социалистического аппарата управления. Жизнь выдвигает со всей стротой вопросы о хозрасчете, о планировании, о встречном плане, а об этом основном «Организация управления» в первых своих номерах ничего, кроме общих фраз, не сказала. Недостаточно одностороннее увлечение лишь полемикой с прошлым руководством. Критика необходима, но она должна сопровождаться творческой работой и следовать основным лозунгам партии. Не поворот лицом от техники на 180°, а неуклонная борьба за овладение техникой и на этой основе борьба с «методом производственной практики учреждения». Здесь шаткость и неуверенность ведут влево или вправо от генеральной линии партии. Ленин в статье «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» дал классическое определение левого и правого доктринерства. Эти слова в заключение уместно напомнить: «...Правое доктринерство уперлось на признании одних только старых форм и обанкротилось до конца, не заметив нового содержания. Левое доктринерство упирается на безусловном отрицании определенных старых форм, не видя, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы, что наша обязанность как коммунистов всеми формами овладеть, научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму другой, заменять одну другой, приспособлять свою тактику ко всякой такой смене, вызываемой не нашим классом или не нашими усилиями».

Вот эти слова можно пожелать хорошенько продумать редакции журнала «Организация управления», чтобы на первых шагах свернуть на правильный путь.

И. МАРКОВ

С. Д. Слуцкина — Основные закономерности развития империализма (Закон неравномерного развития и загнивание капитализма). Огиз, 1931. Тираж 10 000 экземпляров, 200 с. Цена 1 р. 50 к.

До самого последнего времени вопросы империализма, как и теоретические проблемы советского хозяйства, не были в большом фаворе у наших ученых марксистов. И даже после исторического выступления т. Сталина на конференции

аграрников-марксистов с призывом к советским молодым ученым более близко заняться изучением вопросов советской экономики и мирового империализма, мы не имеем еще ни одной крупной работы по вопросам монополистического капитализма. Несмотря на то, что ряд проблем, связанных с высшим этапом в развитии капитализма, буквально стучит во все двери. И заслугой т. Слуцкиной, несомненно, является тот факт, что она прорвала фронт.

В своей работе т. Слуцкина поставила ряд решающих для эпохи империализма проблем: вопрос о монопольной цене и связи монопольных цен со стоимостью, вопрос о «решающей силе» закона неравномерности развития при империализме, вопрос о соотношении между структурными и конъюнктурными противоречиями при капитализме и особенно в послевоенном капитализме, вопросы: об «организованном капитализме», о всеобщем кризисе капитализма и др.

В предисловии к книге т. Слуцкиной совершенно верно указано, что «не все выдвинутые проблемы разработаны т. Слуцкиной в равной мере, в частности следовало бы уделить больше внимания исследованию процесса концентрации в послевоенном капитализме» (с. 3). Однако не только указанная проблема не разработана т. Слуцкиной достаточно полно, но и ряд других проблем. Несомненно, теория монополий и ряд других вопросов изложены т. Слуцкиной слишком сжато и конспективно. Всеобщий кризис капитализма мог бы также быть развернут шире и глубже. Следовало бы также дать добавочную главу о противоречиях между городом и деревней в колониях и т. д. Тем не менее и те проблемы, которые освещены т. Слуцкиной, дают толчок к тому, что по-настоящему и во весь рост теперь поставить на обсуждение широкого коллектива мирозжигиков все «жгучие проблемы» мирового империализма.

Что нового дает книга т. Слуцкиной? Во-первых, т. Слуцкина впервые в нашей литературе на основе работ Ленина — Сталина попыталась показать, что закон неравномерного развития действительно является «решающей силой», законом всепроникающим и всеопределяющим в эпоху империализма. В какой мере это удалось т. Слуцкиной и какие ею были допущены ошибки, мы в дальнейшем покажем, но здесь мы лишь подчеркиваем, что самая попытка углубленной и развернутой постановки этой проблемы т. Слуцкиной заслуживает серьезного внимания.

Во-вторых, следует также отметить, что т. Слуцкина тесно увязала проблему неравномерности развития с вопросом о загнивании капитализма. Красной нитью через все главы книги (начиная с третьей) проходит эта мысль автора, что при империализме усиление неравномерности развития и рост элементов загнивания — процесс непрерывный и все нарастающий, могущий закончиться лишь победой пролетариата и уничтожением капитализма.

Некоторые новые моменты в трактовке вопроса даны т. Слуцкиной и по другим проблемам, например по вопросу об аграрных кризисах, по вопросу о модификации цикла в эпоху империализма и т. д.

Тов. Слуцкина правильно ставит вопрос, когда пишет, что «сельское хозяйство под углом зрения теории кризисов нужно рассматривать не изолированно, а как часть... капиталистической системы» (с. 22), что аграрный «кризис должен рассматриваться по линии системы производственных отношений, а не по линии технических сфер производства (с. 23), что противоречие между городом и деревней, как и специфичность аграрных кризисов «является результатом особенностей развития сельского хозяйства в связи со специфическими условиями ренты» (с. 28). В связи с этим т. Слуцкина правильно ставит вопрос о периодичности кризисов в сельском хозяйстве, о причинах их несовпадения с промышленными и о причинах большей длительности аграрных кризисов по сравнению с промышленными.

Мы считаем также интересным и третий раздел второй главы «о модификации кризиса в эпоху империализма». Автор выдвигает там ряд очень важных и новых

моментов, среди которых следует особенно отметить следующее место: «Крах капитализма характеризуется тем, что общие противоречия империализма доведены войной до чрезвычайной напряженности, что неравномерность развития доведена до крайнего обострения, что эта неравномерность получила дальнейшее развитие на основе раскола мирового хозяйства и развертывания колониальной революции. На основе обостряющейся неравномерности развития, решающей характеристикой мировых конъюнктурных подъемов в эпоху послевоенного кризиса капитализма является отсутствие в ее общности капиталистического подъема» (с. 39). И в последующем своем изложении вопроса о модификации кризиса в эпоху империализма т. Слуцкина (правда, не называя имен) ведет борьбу как с теми, которые стоят на точке зрения «бесподъемного цикла», так и с теми, которые стоят на точке зрения «всеобщности подъема» перед нынешним мировым кризисом. «Своеобразие монополистического цикла и особенно цикла в эпоху послевоенного краха капитализма заключается в том, что кризису не предшествует нормальный всеобщий подъем» (с. 39, разрядка моя — И. М.) — таков ответ т. Слуцкиной.

В других главах книги можно также найти ряд интересных моментов в освещении того или иного вопроса (например вопрос о «догоне и перегоне», о «борьбе систем» и др.), но мы вовсе не задаемся целью все эти пункты выявлять и приводить здесь. Необходимо также отметить, что плюсом в книге т. Слуцкиной является подбор и систематизация обильного конкретного материала, который представляет несомненный интерес для работающих над вопросами мирового хозяйства. Таковы данные, приведенные в главах и разделах: о «загнивании» капитализма, о противоречиях между городом и деревней, о третьем периоде послевоенного краха капитализма и др.

Наряду с перечисленными достоинствами работы т. Слуцкиной необходимо также отметить и ряд недостатков, которые могут быть сведены к следующим двум основным группам:

1. Ошибки и ошибочные формулировки, допущенные автором в рецензируемой работе.

2. Недостатки, связанные со структурой построения книги и общего расположения материалов в ней.

Конечно не является недостатком наличие спорных проблем, по поводу которых среди коммунистов-мировиков еще не существует общепринятого мнения.

В работе т. Слуцкиной имеется ряд неразвернутых и недостаточно конкретизированных положений. Автор часто высказывает известное положение, имея в виду противопоставить свою линию теоретическим положениям других авторов, как например Рубина, Гильфердинга, Бухарина и т. д., но это не подтверждается в дальнейшем изложении добавочных материалов, более конкретной критикой этих авторов. В результате получаются известный схематизм, значительная абстрактность в изложении вопросов и т. д. Так например на с. 16 т. Слуцкина пишет:

«Отрицание высокой конъюнктуры кризисом и обратно — отрицание кризиса оживлением содержат внутри себя определение первого отрицаемого положения, обусловленное самим процессом развития данного конкретного, т. е. «отрицаемого явления». Высокая конъюнктура противоречива, так как она сама из себя развивает те элементы, которые превращают ее в свою собственную противоположность. Кризис же противоречив в том смысле, что он сам из себя развивает те элементы, которые превратят его в свою противоположность. Противоречие является здесь и внутренним и объективным. Разрешение же этих противоречий сопровождается выявлением и обострением классово-борьбы. Противоречия, ведущие конъюнктуру вверх, не исчезают, они снимаются, отрицаются силами, ведущими конъюнктуру вниз, но сохраняются и возвышаются для следующего подъема вверх, и это значит, что в следующем подъеме вверх противоречивые силы развернутся

в большем масштабе с большей интенсивностью». Надо сказать, что совсем удачно, вследствие абстрактности изложения, т. Слуцкина противопоставляет свое диалектическое понимание движения имманентных противоречий капиталистического цикла механистическому пониманию движения конъюнктуры у Панекука и Гильфердинга. Если вспомнить метафизическую постановку вопроса у Панекука, то будет ясно, что вопрос получил бы другое освещение, если бы он был более конкретизирован в работе т. Слуцкиной.

Значительным недостатком работы является неразвернутость критики ошибочных и враждебных нам теорий. Так например во втором разделе второй главы в изложении теории аграрных кризисов т. Слуцкина ведет борьбу как с рентной теорией аграрных кризисов т. Пикус, так и с грубо механистической теорией Спектатра по утверждению которого «кризис в сельском хозяйстве есть только отражение общего кризиса». Но нигде т. Слуцкина не дает развернутой критики неправильных теорий обоих авторов.

Точно так же это имеет место в ряде других пунктов. На с. 11 т. Слуцкина излагает вопрос о соотношении между равновесием и движением Тов. Слуцкина не дает сколько-нибудь развернутой критики «теории равновесия» т. Бухарина, весь абзац получается сугубо абстрактным и для многих читателей неясным. И вот с этой точки зрения мы считаем, что большим недостатком рецензируемой работы является отсутствие развернутой критики антимарксистских и антиленинских теорий по затронутым в книге вопросам.

Вторым большим недостатком в работе т. Слуцкиной является некритическое использование некоторых цитат из «Финансового капитала» Гильфердинга. Тов. Слуцкина пользуется некоторыми цитатами из Гильфердинга, неверными по существу, вместо того, чтобы самым решительным образом раскритиковать их, это является вне сомнения крупным недостатком ее работы.

Так например на с. 8 т. Слуцкина цитирует следующее место из Гильфердинга: «Картелирование знаменует в первую очередь изменение нормы прибыли. Это изменение совершается за счет нормы прибыли в других капиталистических областях промышленности. Нивелирование этих норм прибыли к равному уровню не может осуществиться посредством перемещения капитала. В самом деле, картелирование как раз означает, что конкуренция капитала из-за сфер применения затруднена».

В этой цитате неверно, что «нивелирование нормы прибыли... не может осуществиться посредством перемещения капитала». Это совершенно неверное положение, ибо закон средней нормы прибыли остается в силе и при монополистическом капитализме. Но дело в том, что неверное утверждение Гильфердинга также не соответствует и даже противоречит положению т. Слуцкиной, у которой основной установкой является положение, что «закономерности промышленного капитализма не отменяются в эпоху монополистического капитализма и модификация этих закономерностей может быть изучена и понята на анализе общих закономерностей капитализма» (с. 7). В ряде мест т. Слуцкина подчеркивает этот факт осуществления средней нормы прибыли при капитализме на основе миграции капитала.

В другом месте т. Слуцкина также неудачно цитирует такое место из Гильфердинга: «Анархия производства не уничтожается количественным уменьшением отдельных элементов при одновременном усилении их деятельности и интенсивности последней; она вообще не уничтожается по частям или в известной постепенности. Урегулированное и анархическое производство это не количественные противоположности, так что, внося по частицам все более «регулирования», мы бы от анархии могли перейти к сознательной организации. Нет... Этот поворот произойдет и может произойти сразу, посредством подчинения всего производства сознательному контролю. Кто осуществляет этот контроль и кому принадлежит производство — это вопрос власти». (с. 38).

Под углом зрения теперешнего Гильфердинга, который всю проблему об уничтожении анархии производства и установлении сознательного контроля свел к вопросу о власти, а в современной его трактовке такой властью является нынешнее капиталистическое государство — эта цитата имеет определенный смысл. Пользование этой цитатой показывает, что т. Слуцкина совершенно некритически отнеслась к ней, совершенно не поняла сокровенного смысла этой цитаты, который был раскрыт «историческим развитием» Гильфердинга его современными позициями — хозяйственной демократии, организованного капитализма и т. д. Но она не учла, что под этой марксистской фразеологией кроется лазейка для обоснования его современных теорий с «врастанием» капитализма в социализм. Некритическим использованием т. Слуцкиной цитат из Гильфердинга может быть дан повод к обвинению ее в скатывании на точку зрения самого Гильфердинга.

Далее мы хотели бы отметить еще и следующий недостаток в работе. Известно, что закон неравномерного развития существовал также в эпоху промышленного капитализма, и у Маркса можно найти много мест в «Капитале» и др. его трудах, подтверждающих это положение. Точно также хорошо известно, после доказательств т. Сталина на XV партконференции и на VII пленуме ИККИ, что именно Ленину принадлежит та величайшая заслуга, что он впервые доказал и обосновал, что закон неравномерного развития в эпоху империализма является «решающей силой». А «решающей силой» закон неравномерного развития в эпоху империализма стал потому, что он развивается в период монополистического капитализма, когда «некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность» и «экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями»¹. Все это нашло отражение в тексте книги и в тех пунктах, где автор касается действия закона неравномерного развития в эпоху империализма, там это увязывается с монополией (см. напр. с. 52—56, 134—136 и др.). Но поскольку автор отдельно не объясняет или, если можно так выразиться, формально не проводит разницы между неравномерностью развития до и во время империализма, то это может дать повод к обвинению его в «сплошной» трактовке закона неравномерного развития, другими словами — к обвинению «в смазывании» разницы между неравномерностью развития в период промышленного капитализма и в эпоху империализма.

Аналогичное положение создается и в отношении разграничения между довоенными и послевоенными аграрными кризисами. Тов. Слуцкина убедительно доказывает (с. 43), что послевоенный аграрный кризис является затяжным и хроническим и входит составной частью в кризис системы в противовес довоенным аграрным кризисам. Но особо это разграничение не проводится, этот момент недостаточно развернут и пояснен, что также является недостатком работы т. Слуцкиной.

Кроме перечисленных недостатков следует также отметить ряд других ошибочных и неясных формулировок, допущенных т. Слуцкиной в ее работе.

На с. 12 т. Слуцкина пишет: «Конечным и единым основанием кризиса является противоречие между общественным производством и частным присвоением... противоречие это проявляется в противопоставлении плановой организации каждого отдельного предприятия анархии производства в обществе в целом». Несмотря на то, что т. Слуцкина в этом случае может сослаться на известное противопоставление, которое проводится Энгельсом в «Анти-Дюринге» между плановой организацией внутри отдельного капиталистического предприятия и анархией капиталистического производства в целом, мы все же не можем согласиться с формулировкой т. Слуцкиной, которая у нее встречается несколько раз в работе. В современных условиях «борьбы капиталистов за план» такое «голое» сопоставление смазывает тот факт, что анархия капиталистического производства в целом неизбежно срывает самые лучшие планы, проводимые капиталистами в своих предприятиях, по-

¹ Ленин, Империализм, изд. 1931 г., с. 87.

скольку они все же не могут не считаться с фактами «узости рынков сбыта» и т. д. Лучшим подтверждением может служить современный кризис, который обуславливает закрытие ряда предприятий, где налажен очень строгий контроль и учет (капиталисты предпочитают называть это планом) работы внутри самого предприятия.

При объяснении причин кризиса т. Слуцкина допускает ряд неряшливых и неверных формулировок. Так например она пишет: «Но положение меняется с развитием функций денег как платежного средства и в особенности с развитием оборотного кредита» (с. 13). Здесь неверно, что «положение меняется», ибо развитие функции денег как платежного средства является лишь расширением количества возможностей кризиса, и, во-вторых, «оборотный кредит» здесь притянут за волосы, не говоря уже о том, что это вообще неверная формулировка, ибо «оборотный кредит» — категория, надуманная Гильфердингом. В другом месте т. Слуцкина пишет: «Из противоречия между частным и конкретным трудом, с одной стороны, и абстрактным и общественным трудом, с другой, вытекает противоположное, противоречивое направление в движении промышленного и ссудного капитала» (с. 14). Это тоже ошибочная формулировка и может только дать повод обвинить автора в кредитной теории кризисов. Точно так же необходимо считать ошибочной и следующую формулу т. Слуцкиной, которая ей дается при изложении движения отдельных фаз цикла: «период обращения сокращается иногда до нуля» (с. 16).

В дальнейшем нам необходимо разобрать неправильные формулировки, которые т. Слуцкиной допущены при изложении противоречий между городом и деревней. Так например, т. Слуцкина в одном месте пишет: «Неравномерность развития города и деревни обусловлена различиями органических составов капитала» (с. 26). Это неверно, ибо неравномерность развития между городом и деревней выражается в различиях органического состава капитала, а не обуславливается им.

Совершенно неправильным является и нижеследующее утверждение т. Слуцкиной: «Неравномерное развитие финансового капитала, на основе которого в промышленности в основном устанавливается система монопольного ценообразования, а в сельском хозяйстве остается в основном система свободного ценообразования» (с. 42).

Также неясным является нижеследующее место, где т. Слуцкина говорит об усилении противоречий в капиталистическом сельском хозяйстве. Она пишет: «Именно потому, что темп концентрационных процессов замедлен в сельском хозяйстве, и мелкое сельское хозяйство сосуществует рядом с крупным монополизированным... борьба монополии и конкуренции является более обостренной, чем в промышленности» (с. 86). Вопрос здесь вовсе не идет о конкуренции, а об усилении противоречий, о массовидности обострения борьбы в сельском хозяйстве, благодаря более глубокой борьбе между крупным и мелким сельскохозяйственным производством, которое в сельском хозяйстве имеет ряд отличных от промышленности особенностей.

Наряду с допущенными т. Слуцкиной ошибками и ошибочными формулировками, она ставит ряд проблем, которые в данное время вообще еще являются спорными, как например монопольная цена и закон стоимости. Тов. Слуцкина дает определенную формулировку, что: 1) монопольная цена ограничивает закон стоимости (с. 8), 2) что «борьба за перелив капиталов, за установление средней нормы прибыли встречает границы монопольных цен и монопольных прибылей» (с. 9). В противоположность существующим теориям: 1) что монопольная цена отменяет или отрицает закон стоимости и 2) что монопольная цена никаких изменений не вносит в закон стоимости, т. Слуцкина выдвигает свою точку зрения, что «чем глубже идет процесс картелирования, процесс установления монопольных цен, тем больше ограничивается закон стоимости и закон средней нормы прибыли».

Мы считаем, что позиция т. Слуцкиной в этом вопросе, при всей неразрешенности его, неверна, мы считаем, что монополярная цена является видоизмененной, модифицированной формой закона стоимости в эпоху монополистического капитализма. Соответственно этому мы придерживаемся того мнения, что борьба за перелив капиталов не «встречает границы монополярных цен», вопреки совершенно противоположным утверждениям автора. Кроме того ниже следующее положение мы также считаем неправильным: «В эпоху монополистического капитализма совокупный капитал при посредстве средней нормы прибыли, а последняя при посредстве закона стоимости, ограничивается в своем господстве над отдельным капиталом» (с. 8). Мы считаем, что положения, защищаемые т. Слуцкиной в этом вопросе, являются неверными.

Равным образом спорным является также и следующий вопрос, выдвинутый т. Слуцкиной: «Структурная неравномерность сопровождается конъюнктурной неравномерностью, которая происходит на основе общих законов конкуренции, цен производства и средней нормы прибыли, и в свою очередь «конъюнктурная неравномерность воздействует на структурную» (с. 9). Некоторые экономисты утверждают, что это деление на структурные и конъюнктурные противоречия искусственное. Но в данном случае мы не согласны с приведенной точкой зрения, а согласны с автором. Разумеется структурные и конъюнктурные факторы развиваются на основе «общих законов конкуренции», они друг друга обуславливают, взаимопроникают и обостряют, и все же отрицать это различие, по нашему мнению, совершенно неправильно.

Кроме перечисленных ошибок и недостатков мы делаем т. Слуцкиной и следующий упрек. Стараясь изложить свои мысли возможно короче, она сильно усложнила изложение первых глав книги, вследствие чего они чрезвычайно трудно преодолеваются читателем. Не всякий читатель даже способен сразу схватить содержание ряда слишком сжато сформулированных положений. Напряженность и лапидарность изложения делают первые две главы для многих «нечитабельными». Наряду с этим стремления автора вдолбить читателю основные свои положения приводят к некоторым повторениям. Так например утверждение т. Слуцкиной, что «закон средней нормы прибыли, являясь фактором, нивелирующим отдельные уровни капитализма, перекрывается тенденциями, отрицающими нивелирование» (с. 6), повторяется автором три раза на протяжении двух страниц и даже два раза в одном абзаце. Это также затрудняет чтение книги. С этой точки зрения первые две главы подлежат коренной переработке под углом зрения более легкой читабельности.

Далее общая структура книги, будучи оригинальной и интересной в том смысле, что все главы пронизываются единой идеей автора показать проявление закона неравномерного развития и загнивания в различных условиях и в различных стадиях капитализма, все же страдает некоторыми недостатками. Так например глава IV о «теории организованного капитализма» не должна была быть выделена отдельно, а должна была представлять составную часть первых двух теоретических глав. Тогда бы не получилось такого положения, что конкретный материал о законе неравномерного развития сосредоточен в одном месте, а установка дана в других главах. Точно так же конкретный материал V и VI глав из «теории периода послевоенного краха капитализма» должен был быть тесно связан с разделом о «модификации кризиса в эпоху империализма», и это спасло бы автора от двойного упрека в том, что освещение проблемы модификации кризиса автором дано слишком абстрактно, а вопрос о борьбе систем не составляет органической части книги и т. д.

Мы попытались совершенно объективно вскрыть все ошибочные положения и формулировки, которые допущены т. Слуцкиной в ее книге: «Основные закономерности развития империализма». Но при этом не следует забывать, что нами не все ошибки и ошибочные формулировки выявлены. В такой большой работе, охваты-

вающей ряд весьма сложных проблем, трудно избежать тех или других ляпсусов или ошибок даже при критике.

Все это должно быть исправлено коллективной товарищеской критикой. Своей рецензией мы хотели бы дать свои указания для того, чтобы автору облегчить переработку книги, исправление ошибок при подготовке следующего издания.

Несмотря на имеющиеся недостатки и ошибки, рецензируемую книгу т. Слуцкиной нужно признать ценной; она должна дать толчок к дальнейшей творческой разработке тех проблем, которые автором недостаточно полно или ошибочно разработаны. Выдвинутые в книге т. Слуцкиной проблемы являются не вообще интересными теоретическими проблемами, а боевыми вопросами современной экономики империализма. Общими усилиями молодых теоретических сил марксистов-ленинцев надо разрабатывать все вопросы, поднятые в книге. И с этой точки зрения необходимо признать издание книги своевременным.

Л. ГАТОВСКИЙ

«О ХАРАКТЕРЕ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»¹.

Данный доклад отнюдь не претендует на выдвижение какой-либо системы конкретных предложений по улучшению нашей торговой практики.

Цель доклада — поставить несколько проблем (разумеется далеко не все проблемы) советского товарооборота для того, чтобы осмыслить некоторые явления, имевшие место в этой области за последнее время, а также осветить некоторые моменты по линии общих перспектив развития обмена и распределения. Основная цель доклада и последующих прений — дать известный толчок к теоретической разработке этих вопросов.

Теоретическую разработку проблем советской торговли нельзя разумеется отрывать от анализа всех основных проблем развития советской экономики, как это часто имеет у нас место. Бесспорно, что и для советской экономики сохраняется примат производства над обменом, распределением и потреблением. Следовательно трактовка проблем советской торговли должна опираться на изучение самого способа производства, характера общественного труда. Необходимо далее теснейшим образом связывать проблемы обмена и распределения с состоянием производительных сил в целом, с уровнем производительных сил.

Поскольку производственные отношения являются формой движения производительных сил, несомненно, что при анализе характера хозяйственных связей никак нельзя абстрагироваться от состояния, от уровня производительных сил.

На примере советской торговли (об этом ниже) эта диалектическая связь обмена и распределения с уровнем производительных сил проявляется достаточно четко. Разумеется, когда речь идет об уровне производительных сил, имеются в виду при этом определенный общественный способ производства, определенная классовая структура, определенные производственные отношения.

Таким образом развитие способа производства, развитие классовых отношений, взаимоотношения города и деревни и в частности процесс уничтожения противоположности между городом и деревней — все это имеет непосредственное отношение к развитию обмена и распределения, к развитию советской торговли.

Проблемы советской торговли немислимо изучать в отрыве от проблем распределения народного дохода, планирования, учета и контроля. Система распределения народного дохода, система учета и контроля, система планирования — все это представляет собой моменты того диалектического единства, одним из моментов которого является также и советская торговля. Поэтому в докладе и затронут в той или иной степени круг этих вопросов.

¹ Переработанная стенограмма доклада Л. М. Гатовского в Институте экономики Комкадемии.

Доклад печатается в сокращенном виде, в частности без последних двух разделов, „Извращения принципов советской торговли в практике потребкооперации“ и „Обращение ЦК и СНК о потребкооперации как выражение принципов советской торговли на современном этапе“.

Оба эти раздела в основном воспроизведены в статье автора в „Большевике“ № 11 за 1931 г.

Развертывание хозрасчета, планового «контроля рублем», органическое сочетание соцсоревнования с хозрасчетом, развертывание сдельной оплаты, развертывание советской торговли, новых форм кредитования, укрепление рубля — все эти задачи, теснейшим образом между собой связаны, направлены на выкорчевывание бюрократизма, обезлички, бесхозяйственности, уравниловки. Эти вопросы, представляя огромный практический интерес как весьма существенные моменты экономической политики современного этапа, тем самым имеют и весьма значительный теоретический интерес, поскольку они связаны с основными закономерностями начального периода социализма. То, что партии удалось не только нащупать, но и четко, конкретно, развернутым образом поставить и практически осуществлять эти задачи, представляет не только огромный успех для практики построения социализма, но и огромный вклад в теорию советского хозяйства, в политическую экономию социализма, в опыт мирового пролетарского движения. Процесс построения социализма сейчас в огромной степени конкретизирован. Закономерности начального периода социализма, в частности сложнейшие проблемы обмена и распределения, сейчас в огромной степени уяснены, уточнены, стали достоянием миллионов, вошли в практику миллионов.

Этих успехов партия добилась в упорной борьбе на два фронта, путем решительного преодоления теории и практики правого оппортунизма, этой главной опасности на современном этапе, и «левого» оппортунизма, активизировавшегося по всем этим вопросам (хозрасчет, оплата труда, советская торговля, кредит, денежное обращение). Разумеется борьба с правым и «левым» оппортунизмом и в частности борьба по данным вопросам отнюдь не снимается, а будет продолжаться на путях построения социалистического общества. Попытки тянуть партию назад, с одной стороны, и попытки толкать ее на «перескакивание» через необходимое звено, через очередной этап, с другой стороны, будут иметь место и далее, в частности по вопросам обмена и распределения. Прежде чем перейти к анализу извращений, имевших место в практике советской торговли, и к анализу обращения ЦК о потребкооперации остановимся предварительно на характеристике этапов развития советской торговли, в особенности современного, на характеристике некоторых антиленинских установок в вопросах торговли в СССР, на характеристике прямого социалистического распределения, на характеристике товарной формы в СССР, особенно по линии использования ее социалистическим сектором, и наконец, на характеристике путей перехода в будущем к прямому продуктообмену и прямому распределению.

1. Об этапах развития советской торговли

Советскую торговлю как форму обмена и распределения в условиях переходного периода от капитализма к завершённому социализму необходимо отграничить и от капиталистического товарооборота, с одной стороны, и от прямого, безденежного, социалистического распределения, с другой. Разумеется советская торговля на одних этапах переходного периода резко отличается от советской торговли на других этапах. С началом социалистической революции капиталистический товарооборот не может сразу быть преобразован в прямое социалистическое безденежное распределение. На ряд лет сохраняются товарооборот, торговля, деньги. На протяжении переходного периода происходят изменения в сфере обмена в сторону все большего усиления планового начала пролетарской диктатуры. В общем чем ближе советская торговля подходит к прямому безденежному социалистическому распределению, тем меньше сохраняется элементов свободы торговли, свободы товарооборота. Разумеется уже в торговле восстановительного периода не было той свободы торговли, которая имеет место

в условиях капитализма. Ленин неоднократно подчеркивал, что неограниченная свобода торговли в условиях СССР означает свободу реставрации капитализма. Поэтому уже в восстановительный период торговля носила своеобразный двойственный характер, заключающийся в том, что элементы свободы торговли существовали наряду с элементами плановости. В восстановительный период ряд существенных средств производства уже не мог быть объектом товарооборота. Сюда относятся государственные предприятия: фабрики, заводы, из оборота была изъята и земля. Чрезвычайно существенно, что рабочая сила государственных предприятий также не являлась и в восстановительный период товаром. Кроме того, в восстановительный период усиливались и закреплялись по линии государственных и кооперативных предприятий планирование цен, планирование распределения товаров по контрагентам, по районам и т. д. «Прибыль» социалистических предприятий разумеется в восстановительный период была принципиально иной, чем прибыль капиталистических предприятий. Товар, производимый в социалистических предприятиях, разумеется не являлся уже и тогда тем товаром, который имеет место в условиях капитализма. Далее уже в восстановительный период имелся ряд ограничений для превращения денег в капитал. Мы имели рост капиталистических элементов, но характер этого роста, характер дифференциации деревни, возможности для частнокапиталистического накопления — все это было принципиально иным, чем в условиях капитализма. Словом уже в восстановительный период товар, деньги, превратились в своеобразное орудие пролетарского планирования.

Еще в ноябре 1921 г. в статье «О золоте» Ленин писал: «Овладеть торговлей, дать ей направление, поставить ее в известные рамки пролетарская государственная власть может».

В 1925 г. на XIV съезде в своем заключительном слове т. Сталин, говоря о деньгах и торговле, подчеркнул: «... Социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, ... они с успехом используют их против капитализма, с успехом используют их для построения социалистического фундамента нашей экономики. Дело в том, стало быть, что благодаря диалектике нашего развития функция, назначение этих инструментов буржуазии меняется принципиально, коренным образом, меняется в пользу социализма и в ущерб капитализму».

Итак путь от советской торговли начального периода нэпа через советскую торговлю последнего этапа нэпа по направлению к прямому безденежному социалистическому распределению, свойственному уже завершеному социалистическому обществу, этот путь означает все большее нарастание роли планирования в области товарооборота. В самом начале нэпа, когда имели место отступления, затем перегруппировка сил, роль планирования товарооборота была еще относительно слаба. Необходимо учесть, что в самом начале нэпа мы имели более быстрый рост частного оборота, мы имели преобладание частного оборота в рознице, мы имели преобладание частного в ряде важнейших участков обмена между городом и деревней, мы имели значительный удельный вес частного в оборотах кооперации. Аппарат госторговли и кооперации был зачастую весьма тесно связан с частником. Мы имели весьма значительный удельный вес частного-оптовика в снабжении государственных предприятий и в реализации их продукции. Мы имели тогда так называемое «разбазаривание» государственными предприятиями своей продукции «вольному рынку», мы имели в самих государственных предприятиях так называемый коммерческий расчет. Разумеется, этот коммерческий расчет, «как небо от земли», отличался от «коммерческого расчета» капиталистических предприятий, но все же этот коммерческий расчет значительно отличался и от того хозяйственного расчета, которые мы имеем, в настоящее время. Это отличие вы-

ражалось между прочим в иной роли частного, в том, что цены вольного рынка играли далеко немаловажную роль в расчетах наших предприятий. Цены госпредприятия строились в значительной мере с учетом цен «вольного рынка».

Чрезвычайно важно, что в то время, в начале нэпа, мы не имели еще твердого рубля, и это весьма затрудняло планирование товарооборота государственных и кооперативных предприятий. Переход от отступления к социалистическому наступлению в восстановительный период означал по линии товарооборота развертывание советской торговли в ущерб частной торговле, процесс оттеснения, быстрого падения удельного веса, свертывания последней. Развертывание советского товарооборота, советской торговли, означает развертывание и усиление планирования товарооборота в целом со стороны аппарата пролетарской диктатуры.

Уже в восстановительный период мы видим, как на базе укрепления рубля (денежная реформа 1922—1924 гг.) развертывается и укрепляется планирование товарооборота. Денежная реформа дала мощный толчок укреплению планирования товарооборота не только тем, что она предоставила в распоряжение пролетарской диктатуры такое орудие планирования, как твердый рубль, но и тем, что в процессе осуществления денежной реформы (особенно в 1924 г.) аппарат пролетарской диктатуры проводил ряд плановых маневров в области товарооборота. Сюда относятся: стабилизация и снижение цен, плановая переброска для этого больших масс товаров, массовая плановая их реализация и т. д. Все эти маневры послужили базой развертывания и укрепления планирования товарооборота. Уже в восстановительный период, особенно после денежной реформы, мы имеем твердое осуществление планового регулирования цен отпускных, оптовых, розничных, заготовительных, мы имеем все более четкое и реальное планирование финансового хозяйства и накопления торговых организаций, все более реальным и прочным становится районное распределение товаров (планы завоза), все более развертывается система плановых заготовок. Объектом планирования становится все в большей степени самый контингент клиентуры государственных, кооперативных торговых организаций, устанавливаются определенные максимальные лимиты отпуска товаров частнику. Объектом планирования становятся самые условия расчета, например процент отпуска товаров в кредит, сроки кредита.

Таким образом планирование в интересах социалистического строительства в целом, в интересах народного хозяйства пролетарской диктатуры все в большей и большей мере подавляло тенденции отдельных предприятий к такому накоплению, которое идет в разрез с этим народнохозяйственным планированием. Плановое снижение цен вместо попытки нажиться на высокой «конъюнктуре». Плановый завоз товаров в отдельные районы, например в интересах хлебозаготовок, вместо попытки быстро обернуть капитал путем сбыта товаров в центре, в районах максимального спроса в ущерб заготовительным районам. Плановое определение условий расчета вместо попытки спекулятивно использовать «конъюнктуру» и «прижать» контрагента. Плановое определение клиентуры и ограничение или полное запрещение сбыта частнику-оптовому вместо попытки расширить сбыт «выгодным» «с коммерческой точки зрения» частным торговым организациям, которые готовы были идти на меньший кредит и предлагали более высокие цены. Одновременно с усилением планирования государственной и кооперативной торговли, в органической связи с этим происходило вытеснение частного. Это вытеснение частного осуществлялось путем сокращения или прекращения отпуска товаров частнику из государственно-кооперативных фондов, путем целого комплекса мер по вытеснению частного из сферы заготовок и с.-х. продуктов и целого комплекса мер по вытеснению частного из сферы снабжения трудящихся. По мере завершения восстановительного периода и перехода к реконструктивному периоду мероприятия по вытеснению частного все усиливались,

причем немалую роль при этом играли мероприятия «административного» порядка.

Борьба с частником усиливалась по мере усиления борьбы с кулаком. Большое значение имеет в этом отношении применение чрезвычайных мер 1928 г. и последующих за ними мер общественного воздействия, переход на прямые задания капиталистическим элементам деревни, применение в некоторых случаях административных мер в отношении спекуляции по линии заготовок с.-х. продуктов, иногда прямое запрещение вывоза частником грузов из определенных районов, предоставление железнодорожных транспортных средств частнику в последнюю очередь или иногда и полный отказ от предоставления транспортных средств. Наконец огромное значение имеет усиление налогового нажима на частную торговлю. Развертывание коллективизации, усиление контрактации, кооперирование кустарей разумеется приводили к тому, что частник лишался все больше и больше тех товарных ресурсов, которые раньше он получал от мелких товаропроизводителей. База для частника в реконструктивный период все больше и больше сокращалась. В настоящее время мы видим, как частная торговля (особенно если брать ее удельный вес в натуральном выражении) быстро идет «ко дну». Разумеется необходимо подчеркнуть, что наличие товарного дефицита и невозможность в связи с этим полностью обслужить трудящихся снабжением гальванизируют частный рынок, имеющий еще до сих пор немалый вес, если учесть его крайне высокие цены в бюджете рабочего и особенно служащего. Поэтому тот перелом в снабжении, который в настоящее время происходит и в 1932 г. должен дать весьма ошутительные результаты, будет могучим фактором дальнейшего сдвига в сторону сокращения вольного рынка, частной торговли. Бесспорно, что в настоящее время мы быстрыми темпами идем к советской торговле не только без частной посреднической торговли, но и вообще без частного рынка.

Итак советский товарооборот, начиная с 1921 г. (не говоря уже о периоде до 1921 г.), пережил ряд этапов. Прежде всего необходимо различить советский товарооборот в восстановительный и реконструктивный периоды. В восстановительный период необходимо выделить тот период, когда вольный рынок развивался быстрее советского товарооборота, в частности необходимо выделить период отступления (от местного товарооборота к регулированию торговли в государственном масштабе).

Далее необходимо различать период, когда советский товарооборот уже развивался быстрее частного рынка, но последний еще абсолютно возрастал. Этот период охватывает годы денежной реформы, 1922 — 1924 гг., и следующие за ней, когда быстро развертывались кооперативная сеть, плановые заготовки, когда развернулось социалистическое наступление в области товарооборота. Далее следует выделить переход к реконструктивному периоду, к производственной смычке как основной, к новым формам смычки, когда началось форсированное наступление на кулака, сюда относится и период чрезвычайных мер и год «великого перелома» — словом этап, предшествовавший вступлению в период социализма. В этот период мы уже имеем не только относительное но и абсолютное сокращение частного рынка (которое фактически началось в конце восстановительного периода). Следующим этапом является нынешний этап, когда советский товарооборот развивается, опираясь уже на преобладание социалистических производственных отношений во всем народном хозяйстве, когда мы имеем еще более форсированное вытеснение частной посреднической торговли, доля которой близка к нулю, когда мы имеем процесс ликвидации кулачества как класса и суженное воспроизводство капиталистических элементов. Следующий этап советского товарооборота будет уже проходить в условиях полного прекращения воспроизводства капиталистических элементов (деньги окончательно перестанут превращаться в капитал), фактического отсутствия не только частной посредниче-

ской торговли, но в дальнейшем вообще вольного рынка. Разумеется, на отдельных участках вольный рынок еще останется, но его роль будет сугубо ограничена. Наконец, за этим этапом вероятно последует еще этап советского товарооборота, развивающегося в условиях быстрого изживания противоположности между городом и деревней, государственными и колхозными предприятиями. Этот этап будет предшествовать такому завершению построения социалистической экономики, когда уже будет отсутствовать товарооборот, когда труд станет полностью непосредственно общественным, станет возможным полностью прямое непосредственное выражение труда, полностью прямой трудовой учет, полностью прямой контроль и прямое безденежное распределение. В пределах второй пятилетки вряд ли последнее может быть достигнуто, и потому весьма вероятно, что для второй пятилетки характерно будет наличие советского товарооборота, денег, финансового плана, планового «контроля рублем» (разумеется соответственно видоизмененных).

Итак развитие советского товарооборота происходит в условиях, во-первых, неуклонного укрепления и роста его планирования, во-вторых, в условиях вытеснения частного товарооборота. Оба эти процесса теснейшим образом связаны. Е самым деле, чем больше был удельный вес частного товарооборота, тем слабее было плановое начало в советском товарообороте. Вспомним о слабости планирования советского товарооборота в период так называемого коммерческого расчета, в период, когда частный посредник играл огромную роль в заготовках и сбыте самих государственных и кооперативных предприятий, вынужденных пользоваться его посредничеством. Одной из существенных предпосылок укрепления планирования советского товарооборота было ослабление, а затем и фактическое прекращение оперативных торговых связей государственных и кооперативных предприятий с частными посредниками, с частным стихийным оборотом, а это и означало в значительной мере ослабление и вытеснение частного.

Процесс развертывания советского товарооборота опирается, во-первых, на рост социалистических элементов в самом производстве, во-вторых, на вытеснение частного оборота путем охвата советским товарооборотом изделий индивидуальных товаропроизводителей. Частный рынок сейчас сокращается под влиянием следующих важнейших факторов: во-первых, сплошной коллективизации сельского хозяйства и коллективизации кустарей, связанных с резким сокращением индивидуального хозяйства как в городе, так и в деревне (колхозное производство, а также производство кооперированных кустарей, как правило, не поступает на частный рынок); во-вторых, охвата плановыми заготовками и контрактацией индивидуального мелкотоварного производства в городе и деревне (при этом огромную роль играет сбытовая кооперация); в-третьих, под влиянием ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации и под влиянием форсированного вытеснения кулака там, где сплошная коллективизация еще не проведена, под влиянием практики твердых индивидуальных заданий кулацким и зажиточным элементам — заданий по сдаче своей продукции государственно-кооперативным заготовителям; в-четвертых, под влиянием комплекса мероприятий по вытеснению частной, посреднической торговли; в-пятых, под влиянием процесса преодоления товарного дефицита и улучшения системы снабжения кооперацией. Это приведет ко все большему высвобождению от необходимости обращаться на вольный рынок, приведет к ослаблению и устранению стимулов к спекуляции, ажиотажу и т. д.

Характер советской торговли в восстановительный период не соответствовал соотношению классовых сил и характеру социалистического наступления того периода. Социалистическое наступление тогда еще не велось по всему фронту, оно непосредственно еще не охватывало самых основ индивидуального сель-

скохозяйственного производства. Задачей того периода по линии сельского хозяйства являлось восстановление сельского хозяйства как базы для развития социалистической индустрии — преимущественно еще на основе мелкотоварного способа производства, на основе индивидуального хозяйства. Разумеется, это развитие деревни осуществлялось при ведущей роли планового начала, при ограничении капиталистических элементов, при отношениях города к мелкотоварному крестьянству принципиально иных, чем при капитализме, при отсутствии такого процесса дифференциации деревни, который свойственен капиталистическим странам и т. д.

Но все же это развитие деревни шло по преимуществу на основе мелкого индивидуального хозяйства. В этот период некоторое время наблюдался даже абсолютный рост капиталистических элементов сельского хозяйства, рост временно допускаявшийся диктатурой пролетариата в определенных, строго ограниченных рамках.

Массовая социалистическая реконструкция сельскохозяйственного производства еще не стояла тогда в порядке дня. Основной формой смычки была тогда торговая смычка. Обмен между городом и деревней проходил в основном с мелкотоварным единоличником. При этом заметную роль в товарообороте играла и верхушка деревни. Значительна была роль частного посредника и базарного торга. В условиях восстановительного периода плановое руководство торговлей осуществлялось значительно слабее, чем в реконструктивный период. В реконструктивный период уже вплотную и практически стал вопрос о несовместимости длительного сосуществования крупной социалистической индустрии и мелкого, раздробленного сельского хозяйства. Социалистическое наступление развернулось по всему фронту. Социалистическая индустрия, пройдя восстановительный период, стала ключом социально-технической реконструкции сельскохозяйственного производства. Эта реконструкция осуществлялась путем быстрого развития и укрепления производственной смычки, превратившейся уже в основную форму смычки.

Основной характерной чертой советского товарооборота между городом и деревней стало обслуживание этой производственной смычки, т. е. обслуживание социально-технической реконструкции деревни.

2. О советской торговле на современном этапе

Вступление в период социализма и процесс завершения построения фундамента социалистической экономики определили собой основные черты нынешней советской торговли.

Она отражает в себе уже абсолютное преобладание социалистических элементов во всем народном хозяйстве, в частности и в сельском хозяйстве; но в ней отражается наличие еще миллионов единоличных хозяйств, наличие еще значительного индивидуального хозяйства колхозников, наличие еще капиталистических элементов в деревне, наличие еще обостренной классовой борьбы с кулаком, наличие еще элементов классовой борьбы в колхозах, наличие еще частнохозяйственных и даже кулацких пережитков в колхозах.

Советская торговля нынешнего этапа отражает в себе тот факт, что мы переживаем начальный период социализма, являющийся одновременно и последним этапом нэпа.

Нынешняя советская торговля отражает гигантские успехи социалистического обществления. В обмене между городом и деревней уже прочно преобладают отношения между социалистическими предприятиями. Снабжение трудящихся предметами потребления производится в своей подавляющей массе продуктами, произведенными в социалистических предприятиях через аппарат государственной и кооперативной торговли.

Доля частнопосреднической торговли в обороте близка к нулю. Быстро сокращается база для всего частного рынка, включая и базарный торг. Наконец абсолютное большинство потребителей не только городского, но и сельского населения, принадлежит уже к трудящимся социалистических предприятий, государственно-кооперативных учреждений (заводы, фабрики, совхозы, госаппараты, кооперативный аппарат, колхозы и т. д.).

Таким образом советский товарооборот нынешнего этапа отличается от советского товарооборота предыдущих этапов тем, что как в городе, так и в деревне преобладает то положение, что уже обоими субъектами менового акта предприятий являются социалистические предприятия, и что советский товарооборот в основном уже обслуживает не только в городе, но и в деревне работников социалистических предприятий и государственно-кооперативных учреждений.

Необходимо отметить еще один момент влияния процессов социалистического обобществления на советскую торговлю — это бурный рост коллективизации быта, в частности общественного питания, обслуживаемого советским товарооборотом.

Высокий уровень социалистического обобществления повлиял на советский товарооборот как по линии перехода на обслуживание преобладающих социалистических элементов во всем народном хозяйстве, по линии всемерной поддержки этого процесса социалистического обобществления, так и в том смысле, что сам советский товарооборот занял во всем товарообороте значительно преобладающую роль.

Гигантские успехи социалистической индустриализации сказались в характере нынешнего советского товарооборота в ряде моментов (помимо приведенных выше показателей влияния социалистического обобществления, неотделимого от нашей индустриализации).

Прежде всего значительно вырос удельный вес средств производства в советском товарообороте. Это ярко проявляется в обмене между городом и деревней, в частности по линии снабжения деревни орудиями производства. Этот момент оказался серьезнейшим фактором перехода на производственную смычку.

Далее, благодаря быстрому росту социалистических производительных сил, значительно выросла масса продуктов, оборачивающихся по линии советского товарооборота.

Советская торговля по-иному разместилась в связи с новым размещением производительных сил, благодаря индустриализации окраин (Урало-Кузбасс, Средняя Азия, Восточная Сибирь и т. д.). Значительно вырос удельный вес индустриальных работников в общем контингенте снабжаемых потребителей.

Влияние успехов социалистической индустриализации сказалось на советском товарообороте как в смысле того, что последний обслуживает этот развернувшийся процесс индустриализации, так и в том смысле, что значительно выросла и индустриализировалась материально-техническая база заготовок и снабжения (холодильное дело, транспорт и т. д.).

Быстрое распространение новых социалистических форм труда, социалистического соревнования и ударничества выявило как в том, что советская торговля одной из важнейших своих задач имеет стимулирование этих форм труда во всем народном хозяйстве, так и в том, что эти социалистические формы труда распространяются и в самом аппарате советской торговли.

Советская торговля разворачивается сейчас в новых условиях для планирования, когда социалистический сектор держит «все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства», это сказывается на характере советской торговли как орудия плана.

Планирование товарооборота значительно усиливается. Социалистический сектор значительно усиливает плановое маневрирование своими ресурсами как в городе, так и в деревне. По линии обмена между городом и деревней рост планирования характеризуется такой новой формой хозяйственной связи, как производственная контрактация, и развертыванием системы заготовительных планов «до колхоза», «до села», «до зажиточного двора», развертыванием системы прямых твердых заданий кулацким и зажиточным элементам деревни.

Чрезвычайно характерно развертывание общественной инициативы села по линии выполнения заготовительных планов, по линии борьбы с кулаком и кулацким влиянием, направленным против выполнения планов.

Советская торговля развертывается сейчас при новых взаимоотношениях города и деревни, новых соотношениях классовых сил, новых формах классовой борьбы.

Советская торговля уже обслуживает производственную смычку как основную форму смычки, когда город и деревня все теснее соединяются «в одно целостное хозяйство». Советская торговля разворачивается сейчас в условиях, когда закрываются и ликвидируются «каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается капитал». Этот процесс выкорчевывания корней капитализма сопровождается обострением классовой борьбы с капиталистическими элементами.

Обострение классовой борьбы сказывается на всей системе снабжения и заготовок (жесткий классовый принцип в снабжении, твердые задания зажиточным элементам по заготовкам, значительное усиление борьбы со спекуляцией, с частным посредником и т. д.).

Усиливаются всякого рода и внеэкономические административные меры борьбы с «вольным рынком»:

Разумеется, когда ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации (а не его вытеснение) является главным лозунгом, разумеется это накладывает свой отпечаток и на форму, методы взаимоотношений с частной торговлей и «вольным рынком». Но отсюда отнюдь не следует, что лозунг ликвидации кулачества как класса переносится сейчас на самую частную торговлю, частный рынок в смысле его немедленной ликвидации.

Тов. Сталин подчеркнул в 1930 г. ошибочность перенесения этого лозунга на частную торговлю. В постановлении VI съезда советов снова идет речь о вытеснении (а не о ликвидации) частного капитала из промышленности, из торговли, о форсировании вытеснения, но не о полном административном запрещении частного рынка. Этого на данном этапе мы не имеем и это не является сейчас нашей задачей.

Форсированное вытеснение частного рынка продолжается. В 1932 г. несомненно мы добьемся резкого сокращения роли «вольного рынка» в обслуживании трудящихся, особенно индустриальных рабочих.

Благодаря специфическим трудностям реконструктивного периода, трудностям классовой борьбы, развертывание советской торговли происходит при наличии целой системы временных мер по нормированию отпуска продуктов.

Рост значения плана пролетарской диктатуры привел к тому, что вся система советской торговли строится на основе плановой дифференциации (в зависимости от классового положения потребителя, от характера его труда, от выполнения им плановых заданий). Разумеется специфические условия нынешних трудностей, трудностей классовой борьбы (товарный дефицит, спекуляция) вынуждают временно сохранять в системе советской торговли известные элементы такого нормирования, которое по мере преодоления этих трудностей будет отпадать.

Таким образом нынешняя советская торговля является мощным классовым орудием в руках партии и пролетариата, орудием помощи непосредственному социалистическому строительству во всем народном хозяйстве. Это называется по линии социалистического обобществления, индустриализации, новых форм труда, роста, значения плана, новых форм взаимоотношения города и деревни, новых форм классовой борьбы.

Наша плановая контрактация как форма заготовок и наша плановая система снабжения предметами личного потребления ярко характеризуют советскую торговлю современного этапа.

Способ обмена изменяется на основе изменения способа производства. Производство и обмен разумеется и в условиях СССР составляют единство, в котором примат принадлежит производству. Классовая борьба в сфере обращения отражает собой борьбу за социалистическое переустройство производства. Развертывание государственно-кооперативных форм товарооборота, развертывание советской торговли, вытеснение частника, успешная борьба с вольным рынком, со скупщиками, со спекулянтами, упрочение планирования товарооборота, развертывание контрактации — все эти успехи классовой борьбы в сфере обращения опираются на успехи социализма в сфере производства, опираются на развитие социалистической индустриализации, на развертывание социалистических форм труда, развитие совхозов, колхозов, МТС и т. д. Вместе с тем эти успехи классовой борьбы в сфере обращения являются мощным орудием, содействующим развертыванию социалистических элементов в сфере производства.

Тов. Сталин в своем докладе на XVI партсъезде отметил, что поворот крестьянства в сторону коллективизации подготовлялся и ходом развития индустрии, борьбы с кулачеством, сетью старых совхозов и колхозов, подготовлялся он «и ходом наших хлебозаготовок в его новых формах за 1928 и 1929 гг., ставящих кулацкое хозяйство под контроль бедняцко-средняцких масс. Подготовлялся он развитием с.-х. кооперации, приучающей индивидуального крестьянина к коллективному ведению дела».

Новые условия классовой борьбы за социалистическое переустройство способа производства требуют новых форм хозяйственной связи, новых форм обмена и распределения. Например новые формы смычки, развернувшиеся в реконструктивный период, в частности контрактация (против которой так восставали правые оппортунисты), являются необходимым условием для развертывания коллективизации. Развертывание производственной контрактации выражает собой единство социалистического переустройства и производства и обмена. Разумеется приматом в этом единстве является социалистическая индустриализация и коллективизация сельского хозяйства. Производственная контрактация представляет собой выражение роста и значения производственной смычки, а последняя требует наличия индустрии, растущей большевистскими темпами, и прежде всего тяжелой индустрии, требует развертывания МТС, колхозного движения и т. д. В свою очередь в условиях перехода на сплошную коллективизацию, выжорчевывания корней капитализма, ожесточенной классовой борьбы, в условиях перехода от мелкого индивидуального крестьянского хозяйства к крупному социалистическому, в условиях внедрения крупной машинной индустрии в сельское хозяйство, в условиях перехода к оперативному планированию сельского хозяйства, — в этих условиях развития производственной смычки разумеется, нельзя было оставаться при прежних формах товарооборота между городом и деревней, при тех формах обмена, которые имелись в восстановительный период. Производственная контрактация как преобладающая форма товарооборота между городом и деревней является необходимым условием успешного осуществления социально-технической перестройки деревни. Она выражает собой

тот факт, что производственная смычка стала основной. Производственную смычку неверно было бы представлять только как изменение в структуре потребления деревней товарной массы, только как увеличение доли потребления средств производства по сравнению с потреблением средств личного потребления. Необходимо подчеркнуть, что это изменение доли средств производства является лишь моментом того основного, что составляет самую суть производственной смычки, именно того, что под руководством пролетарского государства осуществляется перестройка самого способа производства мелко-товарной деревни. Планирование товарооборота подчиняется этой плановой перестройке способа производства, планирование товарооборота становится моментом этой плановой перестройки производства. Товарооборот не исчезает, не растворяется, не поглощается в производстве. Мало того, он развивается, крепнет, разворачивается в форме советской торговли, но он непосредственно подчиняется плановой перестройке производства². Торговая смычка не исчезает, не поглощается производственной смычкой (задача «учиться торговать» не снимается), но торговая смычка подчиняется задачам производственной смычки. Производственная контракция как раз и отражает этот момент. Эта контракция как новая форма товарооборота реконструктивного периода (и не только товарооборота), отражая это изменение в характере торговой смычки, тем самым выражает собой возрастающую роль производственной смычки как основной формы смычки. Наша контракция выражает собой то более непосред-

² В своей статье «О меновых связях на новом этапе», написанной весной 1930 г. и помещенной в сборнике «На новом этапе», правильную мысль о том, что советская торговля на новом этапе более непосредственно, чем в восстановительный период, обслуживает социалистическую перестройку производства, социалистическую индустриализацию, — эту правильную мысль автор довел до неверных выводов о якобы имеющем уже сейчас место процессе «растворения» «поглощения» и т. д. сферы обращения сферой производством.

Это ошибочное в «левацком» духе положение гармонирует с другими дефектами данной статьи. К ним относятся: отсутствие в той статье необходимой установки на развертывание советской торговли, отсутствие развернутого положения о том, что вытеснение частного рынка не исключает, а предполагает развертывание советской торговли, отсутствие необходимой связи в трактовке проблем советской торговли с проблемой хозрасчета, явная недооценка элементов товара во взаимоотношениях социалистических предприятий, отсутствие необходимой борьбы с «левацкими» загибами по линии сверхнормирования, отсутствие постановления о развертывании соревнования между торговыми предприятиями, чрезмерное увлечение транзитом и т. д.

Все эти дефекты автором подвергнуты критике в данном докладе. Автор считает необходимым подчеркнуть особую необходимость этой критики, поскольку и сейчас в середине 1931 г., когда проблемы советской торговли значительно уяснены по сравнению с предыдущим годом, все же сплошь и рядом встречаются у нас эти ошибочные положения. В частности очень распространена у нас и сейчас недооценка элементов товара по линии связей социалистических предприятий на данном этапе.

Упомянутая статья автора содержит ряд совершенно правильных основных положений, обоснованных конкретным материалом, и ведет борьбу с установками правых и «левых» оппортунистов.

Однако, несмотря на эту борьбу с «левыми» установками: например, критика теории расчетных знаков, подчеркивание, даже с упором на это, особенной опасности на данном этапе утверждения о наличии у нас законченного продуктообмена, критика установок, оценивающих деньги, товар, сферу обращения в СССР как «внешнюю форму», подчеркивание наличия элементов стихийности на рынке, положение о наличии у нас чистых издержек обращения, положение о необходимости отмены предельных норм отпуска продуктов для перехода в дальнейшем на прямой продуктообмен и прямое распределение, критика «левацких» методов «преадаминистрирования», — все же несмотря на это, по мнению автора, имеются все основания к тому, чтобы констатировать в упомянутой статье наличие ряда «левацких» ошибок.

венное единство производства и обмена, которое характерно для последнего этапа нэпа.

В нынешней контрактации очень ярко выражается тот факт, что советская торговля обслуживает производственную смычку.

В самом деле, можно ли свести функции контрактации только к торговой функции? Разумеется нет, потому что контрактация является одновременно и формой меновой связи и вместе с тем контрактация является (прежде всего в отношении колхозов) производственным заданием, является формой производственного снабжения, производственного обслуживания.

С системой контрактации связана целая система чрезвычайно важных моментов, характеризующих советскую торговлю на нынешнем этапе, это доведение плана до колхоза, до колхозной бригады, до единоличного села, тем самым контрактация означает огромный поворот в деле планирования самого хозяйства. Контрактация является уже преобладающей формой заготовок не только у колхозов, но и у индивидуальных хозяйств. И это является чрезвычайно существенным моментом для характеристики современной советской торговли.

Контрактация является одним из важнейших орудий планирования сельскохозяйственного производства, орудий организационно-производственного укрепления колхозов, подъема колхозного движения, стимулирования коллективизации.

Метод контрактации, когда крестьянство (сейчас в основном уже ставшее колхозным) превращается в поставщика своих изделий городу, а городская промышленность — в поставщика своих изделий деревне, когда меновые операции совершаются по принципу планового заказа, разумеется на нынешнем этапе является еще методом советского товарооборота. «Почему торговля мелкими партиями, торговля мелочная может называться товарооборотом, а торговля крупными партиями по заранее составленным договорам (контрактация) насчет цен и качества товара не может считаться товарооборотом? Откуда эта несообразность?»³

«Новые массовые формы товарооборота по методу контрактации между городом и деревней возникли именно на основе нэпа... они являются крупнейшим шагом вперед со стороны наших организаций в смысле усиления планового социалистического руководства народным хозяйством»⁴.

Нынешняя система контрактации отражает чрезвычайно характерный момент советской торговли реконструктивного периода, знаменующий собой значительное усиление планирования товарооборота. Этим моментом является взаимная увязка в единый комплекс различных торговых операций — снабжения средствами производства, снабжения средствами потребления, заготовок, политики цен и т. д. Все это увязывается с системой кредита и, что чрезвычайно важно, с производственным планированием, наконец с налогом. При этом товарооборот не поглощается сферой производства, а лишь более непосредственно увязывается с производственными планами. Советский товарооборот в восстановительный период не мог быть непосредственно увязан с оперативным планированием сельского хозяйства, так как такое оперативное планирование вообще отсутствовало по линии колоссально преобладавшего тогда индивидуального крестьянского хозяйства. Речь могла идти лишь о том, чтобы в весьма косвенной форме стимулировать реализацию тех или иных продуктов, а тем самым и их производство.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 500, изд. 1930 г.

⁴ Там же, с. 500-501.

Благодаря развертыванию сплошной коллективизации заготовительная цена сейчас является в основном уже моментом производственной контрактации, следовательно все в большей степени она учитывает планируемую себестоимость; она становится все в большей мере моментом оперативного производственно финансового плана. Заготовительная цена разумеется имеет огромное стимулирующее значение для производства тех или иных продуктов, но это стимулирующее значение сейчас имеет место уже при наличии мощного оперативного плана, моментом которого она и является и выполнение которого она стимулирует.

Это более непосредственное единство производства и обмена выражает собой и другая характерная черта советского товарооборота последнего этапа нэпа, именно дифференцированная система снабжения, ставящая снабжение в зависимость от положения, занимаемого потребителем в процессе производства, от его классового положения.

Система снабжения предметами личного потребления строится в настоящее время так, что при отпуске товаров в весьма значительной степени учитывается не только предъявление определенного количества денег, но и то положение, которое потребитель занимает в выполнении планов социалистической индустрии, в коллективизации сельского хозяйства, в выполнении контрактации и т. д. Снабжение ставится в зависимость от классового положения потребителя, от его профессии, от значения предприятия, в котором он работает, от темпов самой работы, от выполнения взятых им обязательств и т. д. В частности огромное значение имеет премирование снабжением ударников.

Все это означает, что планирование советского товарооборота поднимается на новую ступень по сравнению с планированием товарооборота в восстановительный период, когда распределение предметов личного потребления не могло обеспечить той системы преимущественного снабжения по классово-производственному принципу, которую мы имеем сейчас. Преимущественная система снабжения (речь идет не о «левацких» извращениях в духе сверхнормирования и «сверхбронирования», как раз для правых и «левых» оппортунистов характерно отождествление этих извращений с преимущественной системой снабжения) означает, что советская торговля все больше и больше пропитывается социалистическим принципом оплаты труда, что она все больше и больше развивается по тому пути, который в конечном итоге приведет к прямому социалистическому распределению. Разумеется на этом пути система снабжения освободится от нормировок, которые вытекают из специфических условий современного этапа. Но все больше и больше будет закрепляться социалистический принцип снабжения «по работе». Таким образом на нынешнем последнем этапе нэпа, являющемся начальным этапом социализма, происходит известный сдвиг по линии взаимоотношений производства, обмена и распределения. Взаимоотношение этих сфер ставится по-новому. Единство производства, обмена и распределения становится более тесным, торговля в гораздо большей степени превращается в орудие социально-технической реконструкции производства, в орудие социалистической индустриализации, коллективизации мелкого товарного производства, чем это было до сих пор. Торговля в гораздо более непосредственной форме обслуживает социалистическое производство. Разумеется, повторяю, это отнюдь не означает, что сейчас сфера обращения растворяется, исчезает, поглощается сферой производства и т. д. Подобные рассуждения являются «левацкими», отнюдь не отражающими действительной обстановки и неправильно ориентирующими практику. Из этих рассуждений логически следует вывод о необходимости овертывания советской торговли, а не разветвления. Между тем задачей нынешнего этапа является всемерное укрепление, развертывание, развитие советской торговли, но разумеется такой советской торговли, которая все в большей степени превращается в «цех снабжения». Одно дело — растворение советской торговли и исчез-

новение ее, одно дело — ее свертывание, другое дело — качественное ее изменение в сторону все большего обслуживания социалистического производства, все большего подчинения производственным планам.

В восстановительный период система снабжения потребителя по линии государственно-кооперативной розничной торговли не носила того дифференцированного характера, какой система снабжения имеет на настоящем этапе.

Поэтому государственно-кооперативная розничная торговля не являлась тогда таким плановым рычагом, который бы через дифференциацию в снабжении (например различный объем снабжения по низким ценам при наличии продажи по повышенным ценам и т. д.) действовал бы в сторону известного перераспределения дохода. Разумеется одна и та же сумма денег в руках пролетария, с одной стороны, и нэпмана, с другой (мы берем наиболее разительную противоположность), доставляет различный объем и качество продуктов.

Нынешняя дифференцированная система снабжения дополнительно (сверх системы бюджетно-финансовых изъятий) корректирует то распределение денежных доходов среди населения, которое (распределение) складывается не только под влиянием преобладающего плана, но и под влиянием стихийных тенденций. Это распределение денежных средств и подвергается значительной плановой корректировке через дифференцированную систему снабжения.

Это означает значительную активизацию советской торговли как классового пролетарского орудия социалистической индустриализации. Снабжение является дополнительным способом стимулирования роста производительности труда.

Социалистическое распределение имеет в основе распределение «по работе».

Оплата труда в наших социалистических предприятиях носит социалистический характер, но осуществляется еще через денежно-товарную форму, через денежную зарплату и советскую торговлю.

Вся система снабжения на нынешнем этапе направлена на то, чтобы распределение продуктов максимально соответствовало бы тому положению, которое с точки зрения интересов социалистической индустриализации занимает тот или иной потребитель.

По мере развертывания процесса социалистического обобществления распределение все больше и больше подчиняется принципу «по работе». И вся система распределения последнего этапа нэпа при сравнении с системой распределения первого этапа нэпа этот процесс отражает.

Разумеется нынешняя дифференцированная система снабжения, действующая в условиях трудностей роста, товарного дефицита, наличия спекуляции, обостренной классовой борьбы, содействует этому процессу.

Если бы наша розница сейчас отпускала все товары в любом количестве на основе единственного критерия — предъявления денег, — разумеется делу социалистической индустриализации был бы нанесен тяжелый удар.

Следует помнить, что у нас еще существуют различные классовые типы источников дохода, что распределение денежных доходов не может целиком определяться социалистическим планом и система снабжения вносит свои коррективы в интересах социалистического строительства, в интересах борьбы с капиталистическими элементами, в интересах приближения распределения к принципу «каждому по работе». Разумеется нынешние формы дифференцированного снабжения подвергнутся коренному изменению.

По мере того как будет развертываться дальше процесс социалистического обобществления, как на основе социалистической индустриализации будет быстро расти масса предметов потребления и будет отходить в область прошлого товарный дефицит, по мере того как будет отпадать база для воспроизводства капитала, для частного рынка и т. д., — система снабжения (подчеркиваю, что

речь идет о генеральной линии развития) уже все меньше и меньше должна будет играть перераспределительную роль. Ведь в условиях прямого распределения само распределение трудовых талонов (этих свидетельств о проделанной тем или иным трудящимся работе) будет уже фиксировать ту массу продуктов, которую может этот трудящийся получить. Никакого перераспределения дохода через систему снабжения не потребуется. Задача аппарата снабжения будет заключаться в том, чтобы в максимальной степени удовлетворить потребителя в пределах этой массы продуктов путем детального выявления потребного ему ассортимента и скорейшей доставки этого ассортимента в наиболее экономной и удобной для потребителя форме.

Сейчас распределение денег (даже с учетом финансово-бюджетных корректировок) между населением еще не может само по себе (в конкретных условиях нынешнего этапа с его трудностями роста, классовой борьбой и т. п.) соответствовать полностью тому распределению предметов потребления, которое желательно с точки зрения плана пролетарской диктатуры. Отсюда и ряд тех форм дифференцированного снабжения, которые мы сейчас имеем. Разумеется, если бы вместо этой дифференцированной системы снабжения предметы потребления отпускались бы всем исключительно, исходя из суммы предъявляемых тем или иным потребителем денег, независимо от классового его положения, от его положения в производстве, от качества его работы и т. д., разумеется это не усилило бы, а ослабило элементы социалистического распределения.

Наша классовая дифференцированная система снабжения, являющаяся формой советской торговли, укрепляет, усиливает эти элементы. Классовая дифференцированная система снабжения отнюдь не должна замедлять, «замораживать» товарооборот. Сводить эту систему к тем «сверхбронированиям» и «сверхнормированиям», которые применяли «леваки», значит стать на оппортунистические позиции. Те нормировки отпуска продуктов в одни руки, те ордера и брони, которые сохранились, будут отпадать, по мере того как будут создаваться те условия для их отмены, о которых речь шла выше. Значительное ускорение оборота, ускорение продвижения продуктов к потребителю, искоренение искусственного бестоварья — такова задача аппарата снабжения. Нормы и брони, пока сохраняемые, должны в минимальной мере задерживать оборот. Дифференцированное снабжение должно вестись при максимально быстром удовлетворении спроса, при максимально быстром предъявлении товара там, где предъявляются деньги (разумеется не нарушая при этом дифференцированного характера продвижения товара). Преимущественное снабжение тех или иных видов кооперативов, например, отнюдь не исключает, а предлагает, чтобы были использованы все способы для того, чтобы снабжаемый этим кооперативом контингент потребителей максимально быстро мог бы превратить свои деньги в продукты личного потребления. Это мыслимо конечно не при «левацкой» практике сплошного нормирования отпуска товаров в одни руки.

В настоящее время огромное значение имеет вопрос об изучении способов такой организации снабжения в нынешних закрытых кооперативах, которые позволили бы максимально ускорить оборот. Премирование снабжением при заготовках должно сообразоваться и с наличием тех или иных товарных запасов и с конкретным ходом заготовок на месте и с характером спроса на месте и т. д.

Организация товаропроводящей сети приобретает сейчас исключительное значение.

Сейчас требуется максимальное развертывание магазинной, лавочной, ларьковой сети, которая могла бы быстро пропускать растущее количество продуктов без очередей, заторов, порчи продуктов, без «замораживания».

При организации сети необходимо смелее порывать с теми оппортунистическими пережитками, которые у нас сплошь и рядом встречались на практике. Речь

идет о погоне за гладенькими схемками, так называемой «унификации» торгового аппарата. Эта унификация означает вместо соревнования между торгующими организациями и предприятиями выделение для каждой из них монопольных участков, отгороженных друг от друга. Отсюда элементы бюрократического загнивания у многих торговых предприятий, особенно у кооперативных, отсюда пренебрежительное отношение к потребителю («лопай, что дают!»). Все это пережитки того бюрократического централизма, который топил живую инициативу, заинтересованность в работе торговых оперативных организаций. Необходимо шире развернуть советский товарооборот! Разумеется речь идет о разворачивании советского товарооборота. Положение сейчас коренным образом, как «небо от земли», отличается от того соревнования в торговле, которое было в 1921 г.; тогда госторговля и кооперация делали еще слабые, робкие шаги в соревновании с частным торговцем. Сейчас последний уже идет «кю дну». Сейчас речь идет уже прежде всего о соревновании между торговыми предприятиями государственно-кооперативного сектора. Нужно, чтобы торговые организации на деле высоким качеством работы закрепили бы свою роль в советском товарообороте. Кооперация должна четким выполнением качественных показателей, твердым соблюдением хозрасчета сверху донизу закрепить свое преобладающее положение в розничной торговле по сравнению с госторговлей. Широкое соревнование между торговыми системами, между отдельными предприятиями является сейчас существеннейшим способом действительного овладения школой советской торговли, школой хозрасчета.

Развертывание советской торговли должно проходить при четком осуществлении борьбы на два фронта.

Этому должно помочь решительное разоблачение и выкорчевывание антиленинских установок в вопросах теории советского товарооборота.

3. Об антиленинских установках в вопросах торговли в СССР

Антиленинские установки в вопросах торговли в СССР — установки промановцев-кондратьевцев, установки правых оппортунистов, установки троцкистов имеют не мало общего, несмотря на все их различия.

Это общее сводится к тому, что поскольку все они отрицают ленинскую теорию построения социализма, советская торговля у них трактуется в полном отрыве от ленинского кооперативного плана. Все они отрицают ленинское понимание руководящей роли социалистического сектора в отношении путей развития мелкотоварного сектора. Ввиду этого вместо диалектического единства советской экономики (при ведущей в начале нэпа, а ныне преобладающей роли социалистического сектора) получается механистическая теория «равновесия секторов». Согласно этой теории «равновесия секторов» мелкотоварный сектор в условиях СССР имеет стихийный закон движения.

Эта точка зрения представлена и в концепции троцкистов («два регулятора»), и в концепции правых (план-прогноз, «закон трудовых затрат», «вращение в социализм»), и в концепции промановцев-кондратьевцев (стихийный капиталистический путь развития деревни как основа для подчинения этому пути в дальнейшем и государственного сектора).

Отсюда антиленинская трактовка рынка в условиях СССР. Поскольку игнорируется вся система рычагов пролетарской диктатуры, позволяющая социалистическому сектору осуществлять руководство, и поскольку развитие деревни мыслится как стихийное, — механистическое «равновесие секторов» осуществляется согласно этим антиленинским установкам через «рыночное равновесие», через рынок. Рынок выражает у них стихийную «равнодействующую» взаимоотношения секторов советской экономики. Рынок выражает у них стихийный путь развития

деревни. Двойственная природа рынка в СССР таким образом отпадает. Рынок в СССР трактуется по существу как несколько «трансформированный» капиталистический рынок.

Несмотря на все различия установок, на различие понимания «рыночного равновесия», на различные практические выводы, несмотря на это концепция «рыночного равновесия» имеет место и у кондратьевцев, и у правых, и у троцкистов.

Господство железных законов «рыночного равновесия», противопоставляемых плану, составляло у Громанов, Базаровых, Кондратьевых, Юровских основную канву для их предложений о капитуляции плана перед капиталистической стихией рынка.

«Меновая концепция» правых, сводящаяся к вращению единоличника через свободный рынок в социализм, исходила из ставки на обеспечение во что бы то ни стало абсолютного «рыночного равновесия», требующего равнения на «узкие места» и абсолютно «эквивалентного обмена». Наличие товарного дефицита рассматривалось как нарушение железных пропорций, ведущее к краху.

Концепция «рыночного равновесия» имеет место и у троцкистов, в частности у т. Преображенского⁵. Правда это «рыночное равновесие» в противоположность правым, требовавшим абсолютного «эквивалентного обмена», было иным, здесь речь шла об установлении на рынке равновесия путем такой политики цен, которая означала усиленную «перекачку» средств из деревни в город. Таким путем должен был установиться «рыночный баланс». Политика цен должна была выполнить роль закона стоимости в смысле подъема цен до уровня, полностью соответствующего рыночному спросу, — такова была нехитрая установка троцкистов.

Троцкисты оценивали наше планирование не как метод построения социализма, а как способ монополистического воздействия государственного сектора на частный, направленного на «перекачку», «пожирание» и т. д. Словом на рынке происходит капиталистическими методами борьба госсектора за реализацию своего монопольного положения. Оценка рыночных отношений троцкизмом вытекает из его оценки нэпа как политики, осуществляемой капиталистическими методами. Рынок в СССР — своеобразная капиталистическая форма, используемая городом в целях монополистической эксплуатации деревни.

Рынок согласно установкам троцкистов не что иное, как форма хозяйственной связи двух враждебных секторов (государственного и частного), установившаяся либо до победы частного и уничтожения государственного, либо до победы государственного, которая произойдет вследствие «государственной помощи», победившего на западе пролетариата.

Итак в троцкистской концепции рынок и советская торговля не являются одним из орудий построения социализма, а являются формой сожительства двух секторов: государственного и частного в условиях стихийного пути развития мелкотоварного хозяйства, в условиях «двух регуляторов».

Рынок — стихийная «равнодействующая» двух стихийно сталкивающихся сил — государственного сектора и частного (где в одну «кучу» свалено и мелкое товарное и капиталистическое хозяйство). Через рынок нужно добиваться сохранения соответствующего равновесия с тем, чтобы продержаться до победы мировой революции.

Трактовка рынка и торговли в СССР как капиталистических категорий чрезвычайно характерна для троцкизма и его оппортунистической, социал-демократической сущности. Именно из этих троцкистских истоков возникают всякого рода «лево»-оппортунистические установки, трактующие советскую торговлю и хозра-

⁵ См. „Новая экономика“, статья о воспроизводстве в „Вестнике КА“ и т. д.

счет как капиталистические категории. Отсюда механическое противопоставление торговли и хозрасчета плану, курс на вытеснение планом торговли и хозрасчета, отсюда «лево»-оппортунистический курс на административную ломку рыночных и хозрасчетных отношений.

Если правые оппортунисты нынешнюю советскую торговлю считали несовместимой с нэпом и выступали против ее методов во имя свободной торговли, «левые» оппортунисты также противопоставили нынешнюю систему снабжения нэпу, стараясь выхолостить из нее элементы товарооборота.

«Левые» выступали за бюрократический, авантюристический план, за чисто административный бюрократический централизм, «замораживающий» оборот.

Троцкистское «переадминистрирование» «леваков» нашло свое выражение не только по линии колхозного «головокружения от успехов» (весна 1930 г.), но и по линии перегибов в части нормирования и бронирования на базе «головокружения» наших кооператоров от успеха количественного роста кооперации, занявшей монопольное положение на рынке.

Таким образом и правые и «левые» оппортунисты выступили против принципов советской торговли современного этапа, против ее активизации как орудия борьбы за социализм.

Правые оппортунисты, выступая против социально-технической реконструкции всего народного хозяйства, против развертывания социалистического наступления, естественно должны были выступить и против тех новых форм хозяйственной связи, которые вытекают из этого наступления, они должны были выступить против развертывания производственной смычки, против новых форм смычки. Выступая против большевистских темпов индустриализации и коллективизации, видя в этом нарушение «железных пропорций» и недопустимое разрушение единоличного хозяйства, они естественно должны были выступить и против контракции, разрушающей, по их мнению, необходимый для «нормального» развития частного хозяйства «нормальный» товарооборот, под которым они понимали по существу неограниченную свободу торговли (что означает свободу реставрации капитализма). Торговля при нэпе означает лишь известную свободу оборота. Это упустили правые оппортунисты, сводя торговлю при нэпе исключительно к свободе торговли.

«Сшибка т. Бухарина состоит... в том, что он не видит двухсторонности нэпа; пока есть нэп, должны быть сохранены обе его стороны: и первая сторона, направленная против режима военного коммунизма и имеющая своей целью обеспечение известной свободы торговли, и вторая сторона, направленная против полной свободы торговли и имеющая своей целью обеспечение регулирующей роли государства на рынке. Уничтожьте одну из этих сторон, и у вас не будет нэпа»⁶.

С правооппортунистической трактовкой нэпа как политики, развертывающей рыночную стихию, органически связаны их выступления против новых форм смычки.

Тов. Сталин, критикуя позиции т. Бухарина, считавшего, что новые формы товарооборота выходят за рамки нэпа, отмечает, что т. Бухарин «возмущен и вопит против того, что государство стало поставщиком товаров для крестьянства, а крестьянство становится поставщиком хлеба государства. Он считает это нарушением всех правил нэпа, чуть ли не срывом нэпа... Но разве метод контракции противоречит требованиям нэпа?..»

Курс правых оппортунистов на развертывание свободной торговли, на ослабление плановой организующей роли пролетарской диктатуры в области товарооборота, в области заготовок и снабжения, был теснейшим образом связан с их

⁶ Сталин, Вопросы ленинизма с., 496-497.

установкой на сохранение на долгие годы аграрного характера станы, преобладающей в деревне роли индивидуального хозяйства и укрепление капиталистических элементов сельского хозяйства, сохранение и впрямь торговой смычки как основной.

Таким образом правые оппортунисты отнюдь не рассматривали в реконструктивный период торговую смычку как одно из орудий социально-технической перестройки страны, не рассматривали торговлю, как орудие производственной смычки, не рассматривали торговлю как орудие классовой борьбы пролетариата за социалистическое переустройство производства. Они придавали советской торговле в реконструктивный период самостоятельное от социалистической реконструкции значение, становясь на позиции «меновой концепции», на позиции вставания в социализм через свободный рынок. По их мнению капиталистические элементы через рыночный оборот чисто «экономически» будут втянуты в русло влияния пролетарского государства и подчинены через товарооборот его руководству. В этой связи характерно выступление правых против чрезвычайных мер, которые нанесли мощный удар кулаку. Правые оппортунисты выступили в принципе против применения чрезвычайных мер в отношении кулачества. Как отметил т. Сталин⁷, такое принципиальное отрицание чрезвычайных мер есть «буржуазно-либеральная политика, а не марксистская политика».

Согласно правооппортунистическим установкам мелкотоварное хозяйство будет через товарооборот кооперироваться по линии сбыта и снабжения, пока это кооперирование самостоятельным путем не приведет в отдаленном будущем к коллективизации этих хозяйств. Словом кооперация обращения механически складывалась с индивидуальным хозяйством в результате чего, по мнению правых оппортунистов, и должна была получиться в конечном итоге социалистическая экономика. Таким образом кооперирование торговли в представлении правых являлось столбовой дорогой к социализму. Торговля не являлась у них орудием классовой борьбы за выкорчевывание корней капитализма, не являлась орудием производственной смычки, означающей ожесточенную борьбу с капитализмом за переделку способа производства.

Если у правых торговля, и притом свободная торговля, является сама по себе основным путем к социализму, самотечно приводящим к вставанию в социализм, то партия, исходя из того, что торговля, и притом отнюдь не неограниченная, свободная, а именно советская торговля, торговля, подчиненная плану пролетарской диктатуры, являясь формой осуществления «обмена веществ» в народном хозяйстве, вместе с тем является и одним из мощных классовых орудий, помогающих переделке мелкотоварного способа производства, классовых орудий борьбы с кулачеством. Правые подходили к торговле с «внеклассовых» (а по сути кулацких) позиций. Отсюда и принципиально иной, чем у партии, подход к торговой политике, отсюда боязнь классовой борьбы в сфере обращения, отсюда боязнь новых форм смычки, отсюда боязнь подчинения советской торговли большевистским темпам переделки способов производства, социалистической индустриализации, социалистической организации труда, коллективизации сельского хозяйства. В вопросах планирования товарооборота, как и в других вопросах, правые весьма близко подошли к концепции вредителей Кондратьева, Громана и др., которые, ратуя за свободную торговлю, за укрепление «нормального» товарооборота, боролись за усиление позиций частного капитала, вольного рынка, за укрепление позиций кулака, за аграризацию страны, за срыв планового социалистического строительства, за реставрацию капитализма.

Итак правые оппортунисты отнюдь не рассматривали советскую торговлю как орудие классовой борьбы за социально-техническую перестройку способа произ-

⁷ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 526.

водства. Характерно, что и «левые» оппортунисты по существу пришли к тому же. Ниже мы остановимся на том, что и правые и «левые» оппортунисты фактически выступали против той классовой дифференцированной системы снабжения, которая означает превращение советской торговли в «цех снабжения», обслуживающий социалистическую индустриализацию, социалистическую организацию труда. Это вытекает из методологических установок «левых» оппортунистов. Для того, чтобы система снабжения могла быть орудием социалистической индустриализации и коллективизации, орудием социалистической организации труда, требуется, чтобы способ обмена и распределения соответствовал бы характеру всего процесса воспроизводства. В противном случае будет нанесен удар задачам социалистического переустройства народного хозяйства. Между тем «левые» оппортунисты исходили из антимарксистской теории возможности перехода к системе расчетных знаков, к законченному прямому продуктообмену, при наличии еще далеко незавершенного социалистического обобществления в области производства. Таким образом «левые» оппортунисты мыслили установить систему социалистического распределения без соответствующих предпосылок в области производства: «левый» оппортунизм с другого конца пришел к «меновой концепции», к социализации через обращение.

Ниже мы остановимся более подробно на том, как «левацкая» система сверхбронирования не только не помогла, но препятствовала социалистической перестройке производства, социалистической организации труда. «Меновая концепция», в какой бы форме она ни проявлялась, насквозь оппортунистична, а зачастую и явно контрреволюционна. «Леваки» проявили себя оппортунистами хотя бы уже в том (но не только в этом), что, объявив деньги расчетными знаками, а товарооборот законченным прямым продуктообменом, они выхолостили ту классовую борьбу, которая вытекает из наличия еще необобществленных участков народного хозяйства, из наличия товарооборота. Перепрыгивание через этап нынешней советской торговли означает перепрыгивание через нэп, перепрыгивание через необходимые звенья классовой борьбы. Расчетный знак превратиться в капитал не может. Если производство товаров в социалистическом секторе уже заменено полностью производством «продуктов, идущих в общественное потребление не через рынок», если дело обстоит таким образом, то отсюда следуют выводы, отвлекающие внимание от задач внедрения хозрасчета, а также от той реальной классовой борьбы в области товарооборота, которая фактически имеет место, отвлекающие от задач подчинения товарооборота производственной смычке. «Лево»-оппортунистические попытки перехода на прямое распределение не помогали, а вредили делу социалистической индустриализации, так как они противоречили характеру производства, соотношению классовых сил на нынешнем последнем этапе нэпа, противоречили тем задачам классовой борьбы, которые стоят на данном этапе. И правые и «левые» оппортунисты отрывали советскую торговлю от конкретных задач классовой борьбы, задач построения социалистического способа производства.

Правый и «левый» оппортунизм, бюрократизм нашли широкое распространение в практике торговых органов, занявших, в связи с вытеснением частника, монопольное место на рынке и «почивших на лаврах». Принципы советской торговли подверглись резкому искажению на практике.

Гигантские успехи социалистической индустриализации, сплошной коллективизации, ликвидации на ее основе кулачества как класса не могли не выявить значительных успехов социалистического обобществления и в области товарооборота. Так розничный оборот потребительской кооперации достигнет в 1931 г. 16 млрд. руб. против 1 млрд. в 1924 г. Если в 1924 г. было кооперировано лишь 8% взрослого населения, то сейчас кооперировано свыше 60%. Кооперация охватит в 1931 г. до 80 млн. пайщиков. Удельный вес частника в розничной посреднической тор-

говле составлял в 1921 г. 75%, в 1923/24 г. — 59%, в 1928/29 г. — 16%, в 1929/30 г. — 5,6%, а в 1931 г. составит по плану всего 2,5%.

На основе сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса быстро сокращается частный внутридеревенский оборот. Однако это успешное обобществление товарооборота протекает при наличии значительного отставания качества работы советского торгового аппарата от задач социалистического наступления по всему фронту. Отставание наметилось и по структуре торговых органов и по методам работы.

Партия и правительство сконцентрировали свое внимание на торговле, как на отстающем участке, грозившем превратиться в тормоз выполнения народнохозяйственных планов. Мы являемся в настоящее время свидетелями коренной перестройки системы советской торговли, особенно потребительской кооперации, перестройки, проводимой в упорной борьбе с многочисленными проявлениями правого и «левого» оппортунизма.

Доклад т. Сталина на XVI съезде, заостривший внимание наряду с другими вопросами и на вопросах кооперации и снабжения, решения декабрьского пленума ЦК и ЦКК о снабжении и кооперации, передовая «Правды» от 16 февраля 1931 г. о задачах потребкооперации, решения XV Всероссийского и VI Всесоюзного съезда советов по вопросам кооперации и наконец последнее решение ЦК ВКП(б), СНК и Центросоюза о потребительской кооперации (от 12 мая) представляют собой единую цепь анализа состояния кооперации и решений по ее коренной реорганизации. Решение ЦК, СНК и Центросоюза четко оформляет «поворотный этап в истории потребкооперации», являясь документом, имеющим величайшее значение для партии и страны.

Огромное значение в извращениях практики потребительской кооперации (на которых мы ниже подробно остановимся) имело бюрократическое «перескакивание» к прямому безденежному распределению. Для того, чтобы лучше выявить особенности нынешнего этапа, исключаящие сейчас переход на прямое распределение, остановимся сначала на той характеристике прямого социалистического распределения, которую мы имеем в работах Маркса, Энгельса, Ленина.

4. К характеристике прямого социалистического распределения.

СССР вступил в период социализма. 1931 год является годом завершения построения фундамента социалистической экономики. Социалистические производственные отношения являются уже абсолютно преобладающими и в городе и в деревне. Вместе с тем советский товарооборот не заменяется прямым продуктообменом и прямым распределением. Денежное обращение не заменяется распределением трудовых талонов. Мы имеем развертывание советской торговли, мы имеем укрепление советского рубля, мы имеем укрепление системы планового контроля рублем. Начальный период социализма является одновременно еще последним этапом нэпа. Денежно-товарная форма будет еще существовать ряд лет, захватив не только период нынешней пятилетки. Социалистическое строительство в условиях второй пятилетки будет очевидно проходить также еще при наличии денежно-товарной формы (разумеется значительно измененной). Вместе с тем мы неуклонно идем через советский товарооборот, через советское денежное обращение, в направлении к прямому социалистическому продуктообмену, к прямому социалистическому распределению. И это накладывает отпечаток на всю нынешнюю систему обмена и распределения, на характер советской торговли нынешнего этапа. Именно советская торговля характеризует современный этап обмена, но уже сейчас для понимания характера советской торговли чрезвычайно существенно изучать пути, звенья перехода от советской торговли к системе прямого распределения. Изучение условий этого перехода.

наушение того, как на базе социалистической индустриализации и развития организационно-плановых предпосылок, в частности по линии торгового аппарата, будут крепнуть эти условия,— чрезвычайно важно для понимания современной системы обмена и распределения.

Прямое распределение не сваливается сразу в «готовеньком» виде. Поэтому чрезвычайно важно уже сейчас, когда мы находимся на этапе советской торговли, проследивать зародыши этого будущего прямого распределения и те черты нынешней советской торговли, которые, приближая ее к будущей системе распределения, вместе с тем отличают ее от товарооборота первых лет века.

Вместе с тем чрезвычайно важно сейчас выявить возможно более четко грань между нынешней советской торговлей и прямым безденежным распределением.

Какие же черты свойственны прямому социалистическому (подчеркиваю, что речь идет не о высшей фазе коммунизма, а лишь о законченном социализме) распределению, согласно высказываниям Маркса, Энгельса, Ленина?

Основной предпосылкой перехода на прямое социалистическое распределение является социалистическое обобществление производства в условиях завершенной социалистической экономики, когда:

«работа отдельного лица является частью коллективного труда не косвенно, а непосредственно... всякий производитель лично получает (после сделанных вычетов) в точности то, что он дает обществу... Он получает от общества удостоверение в том, что доставил столько-то и столько-то труда, за вычетом из его труда того, что идет в общественный фонд, и по представлении этого удостоверения получает из общественных магазинов такое количество предметов потребления, которое стоит того же количества труда»⁸.

О прямом распределении по трудовым талонам говорит Ленин⁹, характеризуя завершенное социалистическое общество:

«Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов».

Эти трудовые удостоверения, «сертификаты труда», по выражению Маркса, «столь же мало деньги, как какой-нибудь театральный билет». Эти удостоверения отнюдь не деньги. «Они не обращаются»¹⁰. Они констатируют «только индивидуальное участие производителей в общей работе и их индивидуальное притязание на определенную часть совокупности продукта, предназначенного для потребления»¹¹.

В условиях, когда общественный труд является полностью непосредственно обобществленным, вместо денег функционируют трудовые талоны, «сертификаты труда», которые непосредственно представляют рабочее время труда и служат лишь счетным выражением труда, затраченного на продукты, которые непосредственно и прямо распределяются обществом без использования товарно-денежной формы. Отличие денег от трудовых талонов, следовательно отличие товарооборота от прямого безденежного распределения, сводится к различию в характере труда — труда, производящего товары, и труда, производящего продукты, «идущие в общественное потребление не через рынок» (Ленин).

⁸ Маркс, Критика Готской программы.

⁹ Ленин, Государство и революция, с. 433.

¹⁰ Маркс, Капитал, т. II, с. 332.

¹¹ Энгельс, Анти-Дюринг.

«Вопрос, почему деньги не представляют непосредственно самого рабочего времени... сводится просто к вопросу, почему на базе товарного производства продукты труда должны становиться товаром... таков же вопрос, почему частный труд не может рассматриваться как непосредственно общественный труд (разрядка моя — Л. Г.)... «Рабочие деньги» Оуэна (являвшиеся своеобразными «трудовыми талонами» — Л. Г.) имеют с «деньгами» также мало общего, как, скажем, театральные билеты. Оуэн предполагает непосредственно обобществленный труд (разрядка моя — Л. Г.), т. е. форму производства, диаметрально противоположную товарному производству. Рабочая критика лишь констатирует долю индивидуального участия производителя в общем продукте и долю его индивидуального притязания на потребление общего продукта. Но Оуэну и в голову не приходило оставаться на почве товарного производства и в то же время стремиться к устранению его необходимых условий при помощи денежных фокусов»¹².

Последняя фраза цитированного абзаца бьет по теоретикам «социализации через обращение» и, в частности, по сторонникам введения расчетных знаков при наличии еще значительного необобществленного производства.

В главе «Товарный фетишизм и его тайна»¹³ Маркс, характеризуя «непосредственно обобществленный труд», подчеркивает, что «затраты индивидуальных рабочих сил, измеряемые их продолжительностью, уже с самого начала придают этим работам общественный характер, так как индивидуальные рабочие силы, с одной стороны, функционируют здесь лишь как органы совокупной рабочей силы».

Энгельс так характеризует условия прямого распределения.

«Непосредственное общественное производство, как и прямое распределение, исключает всякий товарный обмен. Коль скоро общество вступает во владение средствами производства, труд каждого отдельного лица, как бы ни был различен его специфически полезный характер, становится сам по себе непосредственно общественным трудом. Для того, чтобы определить в таком случае количество заключающегося в продукте общественного труда, не надо теперь прибегать к косвенному пути. Ему (обществу) не может притти в голову выражать, сколько заключается продуктов в количестве труда в третьем продукте, а не в их естественной продуктивной абсолютной мере — в рабочем времени»¹⁴.

Итак прямое распределение средств производства и труда предполагает наличие трудового учета, свидетельствующего о том, что труд уже полностью превратился в «непосредственно общественный». «Качественные» и количественные показатели производительности труда выписываются тогда с полной ясностью и становятся объектом прямого учета планирования и контроля уже не в форме денежной себестоимости, а непосредственно по каждой конкретной операции и в целом по тому или иному предприятию. Фактическое доведение плана в развернутой форме до «рабочего места» получает таким образом полное осуществление. В связи с этим, а также в связи с ростом социалистической дисциплины, приобретенной на основе школы хозрасчета, отпадает необходимость во внешнем контроле через всеобщий эквивалент. Отдельные конкретные операции поддаются прямому учету и контролю без использования для этого товарно-денежной формы.

Для выполнения определенных плановых заданий предприятия будут получать определенные материальные ресурсы по определенным чекам, ордерам, которые уже не будут являться деньгами, они не будут обращаться. Для получения этих материальных ресурсов предприятия не должны будут прода-

¹² Маркс, Капитал, т. I, с. 49, изд. 1928 г.

¹³ Там же, т. II.

¹⁴ Энгельс, Анти-Дюринг, с. 295.

вать своей продукции по соответствующей цене. Не потребуется специального акта продажи за деньги; не потребуется такого контрольного показателя выполнения плановых заданий и выполнения «качественных показателей», как накопление определенных сумм денег для покрытия произведенных расходов. Предприятия будут проверяться непосредственно по линии того, насколько конкретная затрата трудовых ресурсов для той или иной операции совпала с плановой директивой.

Далее, предприятия разумеется не будут оплачивать своих работников теми чеками и ордерами, по которым предприятия будут получать определенные конкретные средства производства т. е. не будет, как выше было сказано, обращения этих чеков, в частности не будет и обращения чеков между населением и предприятиями.

Прямое социалистическое распределение средств потребления будет производиться на основе следующих принципов: осуществляется точная оплата по труду (на основе трудового учета); чеки, ордера, талоны, получаемые работниками в соответствии с затраченным трудом, не обращаются. Это не исключает того, что работники социалистического общества разумеется могут их сохранять, чтобы использовать в любое время и в любом месте. Предельные нормы отпуска отдельных продуктов должны отпасть. Обеспечивается широкий выбор продуктов, но разумеется вся сумма отпускаемых продуктов находится в строгом соответствии с затратой труда. Это распределение продуктов происходит на значительно более высоком количественном и качественном (по сравнению с начальным периодом социализма) уровне и при систематическом росте удовлетворения потребностей. Значительно выше и уровень техники и качество обслуживания потребителя (техническая база, рационализация, подбор ассортимента, массовый контроль и т. д.).

Таким образом прямое распределение — не пустая внешняя форма. Оно связано с определенным способом производства и с определенным состоянием производительных сил, оно связано далее и с определенной ступенью планирования, учета и контроля. Наконец оно связано и с определенным качеством работы самого распределительного аппарата.

Итак трудовые талоны, получаемые «ассоциированными производителями» завершеного социалистического общества, не обращаются, поскольку никакого стимула к обращению не может возникнуть. Держатель трудталона ведь может получить любые продукты на определенную «сумму труда», поэтому обмен между производителями за трудталоны лишен какого-либо смысла.

Никакой купли-продажи за эти талоны быть не может. Не может быть и «трудталоной инфляции». На определенную сумму трудталона выдается то количество продуктов, которое определено планом в соответствии с трудовыми затратами на их производство. Разумеется также и в чеках, которые будут функционировать между социалистическими предприятиями, не будет уже ни в коей мере отображено товарное обращение (которое тогда исчезнет). Чеки, выдаваемые предприятием на получение определенных материальных ресурсов, в такой мере будут являться знаком плановой директивы, что их движение будет «прикреплено» к плановому движению материальных ресурсов. Никаких стихийных тенденций в их движении, никакого «самостоятельного» от плана движения чеки и трудталоны быть тогда не могут.

Переход к системе прямого социалистического распределения отнюдь не будет означать, что тогда исчезнет необходимость в строжайшем учете и контроле над ресурсами, необходимость распределения их в строгом соответствии с планом. В частности тогда будет строго осуществляться принцип распределения предметов потребления соответственно затратам труда.

При неуклонном росте социалистической дисциплины труда и при все боль-

шем укреплении отношения к труду как «делу чести, делу славы, делу доблести и героизма» еще не будет достигнуто положение, когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет первой потребностью жизни..., когда общество сможет написать на своем знамени: «каждый по способностям, каждому по потребностям»¹⁵.

В условиях завершенной системы прямого социалистического распределения общество еще «не в состоянии... уничтожить... несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)¹⁶. Эта относительная несправедливость связана с различной эффективностью работы, в зависимости от физиологических, от психологических данных, от различных других обстоятельств, когда «три равном труде... один получает на самом деле больше, чем другой»¹⁷.

Итак для социализма как первой фазы коммунизма характерны строжайший учет и контроль ресурсов и материальная заинтересованность в повышении производительности своего труда.

Однако этот строжайший учет и контроль, эта материальная заинтересованность в завершенном социалистическом обществе уже не осуществляются через посредство денежно-товарной формы. Мы будем иметь исключительно непосредственный трудовой учет и непосредственный прямой контроль.

Если материальная заинтересованность путем оплаты «по работе», в форме прямого безденежного социалистического распределения еще является тем самым переходной чертой к прямому коммунистическому распределению, то материальная заинтересованность в наших условиях через «контроль рублем» и через денежную оплату труда является переходной чертой к законченному прямому безденежному социалистическому распределению. И здесь переходная форма и там переходная форма, но между ними огромная разница. Если в первом случае сохраняются еще товароборот, деньги, то во втором случае они уже заменены прямым распределением. Если в первом случае сохраняются еще классы, то во втором — они отсутствуют. Необходимо со всей решительностью подчеркнуть историчность категории нашего хозрасчета, существование которого связано с использованием социалистическим сектором денежно-товарной формы. Этого некоторые товарищи не могут понять (об этом ниже) и переносят нынешнюю категорию хозрасчета и денег в завершенное социалистическое общество со свойственной ему системой прямого безденежного распределения. Из того, что при завершенном социализме не только не ослабевают, но и усиливаются хозяйственный учет и контроль, усиливается четкость хозяйственного планирования, отнюдь не следует, что нынешний хозрасчет, связанный с товарно-денежной формой, с «контролем рублем», переносится в условия завершенного социализма. Эти товарищи выхолащивают из нынешнего хозрасчета его историческое содержание и тем самым дают ошибочную трактовку характеру хозрасчета и задачам по его развертыванию.

Эти товарищи различают либо материальную заинтересованность в производительности труда, а отсюда хозрасчет с использованием денег и советской торговли, либо высшую фазу коммунизма с прямым распределением. Словом законченный социализм, завершенная первая фаза коммунизма у них исчезает. Они относят прямое безденежное распределение только лишь к высшей фазе коммунизма, а не к первой его фазе. Эти товарищи искажают то представление о прямом социалистическом распределении, которое мы находим у Маркса (в частности в «Капитале», в «Критике Готской программы»).

¹⁵ Маркс, Критика Готской программы.

¹⁶ Ленин, Государство и революция.

¹⁷ Маркс, Критика Готской программы.

у Энгельса (в частности в «Анти-Дюринге»), у Ленина (в частности в «Государстве и революции»).

Прямое безденежное социалистическое распределение продуктов свойственно не начальному периоду социализма, а завершеному социалистическому обществу. Переход на систему прямого социалистического распределения означает уже отсутствие нэпа, отсутствие денег, отсутствие товарооборота, отсутствие торговли, отсутствие «контроля рублем».

Прямое безденежное социалистическое распределение выражает собой тот факт, что общественный труд превратился полностью в непосредственно общественный, что социалистическое общество имеет уже возможность полностью непосредственно учитывать этот общественный труд, различные его затраты, непосредственно сводя различные затраты труда к единому трудовому знаменателю, что социалистическое общество сможет непосредственно планировать в трудовых единицах качественные показатели, непосредственно контролировать их выполнение.

Тем самым переход на прямое распределение означает коренную реконструкцию системы планирования, учета и контроля.

В этих условиях постепенно исчезнут товарная форма и ее отстатки, исчезнет момент купли-продажи, исчезнет необходимость во всеобщем эквиваленте движение которого косвенно отражало бы ход производства, ход выполнения качественных и количественных показателей.

Этот экскурс в будущее понадобится для того, чтобы путем противопоставления будущей системе распределения подойти к определению характерных черт обмена и распределения в условиях нэпа, в особенности на современном его этапе. К этому мы и переходим.

Особое внимание я хотел бы уделить анализу вопросов, связанных с использованием социалистическим сектором товарно-денежной формы, так как именно по линии этого круга вопросов мы часто встречаем установки, логически ведущие к перескакиванию через необходимые звенья, к прямому продуктообмену и прямому распределению.

5. К общей характеристике товарной формы в условиях нэпа, особенно на современном этапе

Вопросы характеристики товарооборота в СССР упираются в характеристику закономерностей советской экономики. Переходный период от капитализма к завершённой социалистической системе хозяйства представляет собою период революционного преобразования и способа производства, и способа обмена и распределения. Революционным образом изменяется и характер общественного труда. Если для капитализма характерен абстрактный труд, характерна особая двойственность, особая противоположность конкретного и абстрактного, частного и общественного труда, характерен труд, производящий прибавочную стоимость, если капиталистическая прибыль является движущим мотивом производства, то для завершённой социалистической системы хозяйства полностью характерен труд уже в непосредственно общественной форме. Однако переход к завершённой социалистической системе хозяйства совершается не сразу. Требуется более или менее (в зависимости от типа страны, где произошла пролетарская революция, от условий этой революции и т. д.) продолжительный переходный период. Начало социалистической революции, являющееся началом переходного к социализму периода, ломает, разрушает господство капитала, ломает производственные отношения, где диктатура принадлежала капиталу, и устанавливает новую продолжающую революционно развиваться систему производственных отношений, для которой характерна диктатура пролетариата. Это находит свое выражение в возникновении в ряде решающих «команд-

ных» участков народного хозяйства социалистических производственных отношений. Опираясь на эти командные высоты, пролетариат, руководимый коммунистической партией, постепенно преобразует производственные отношения всего народного хозяйства в социалистическом направлении. Под руководством партии происходит социалистическая переделка мелкотоварного хозяйства и вытеснение, а затем и полная ликвидация капиталистических элементов. Вместе с тем пролетариат под руководством своей партии поднимает социалистические производственные отношения на все более и более высокую ступень. Таким образом для переходного периода характерна особая изменчивость производственных отношений. Весь переходный период представляет собою своеобразный период революционного «большого скачка» от капитализма к завершённому социалистическому хозяйству. Для этого «скачка» характерно планомерное осуществление пролетариатом развернутого процесса все большего социалистического обобществления производства на базе растущей индустриализации и органически связанные с этим вытеснение, а затем и ликвидация капиталистических элементов. Таким образом в течение переходного периода вся система производственных отношений развивается в направлении к полному завершённому социализму, а общественный труд все в большей и большей степени преобразуется в труд в полной мере непосредственно общественный. Разумеется неправильно полагать, что в переходный период происходит «врастание» капиталистических производственных отношений в социализм, что происходит подобная их трансформация. Весь переходный период является периодом революционного скачка, и вместе с тем в пределах этого «большого скачка» со всей четкостью вырисовываются своеобразные скачки. Таким скачком является например начало революции с характерным для него разгромом диктатуры капитала и захватом командных высот. Таким скачком является например вступление СССР в период социализма. Захват командных высот, национализация крупной промышленности и т. д. означают, что наряду с другими способами производства возникает социалистический способ производства. А для социалистического способа производства характерен именно непосредственно общественный труд. Следовательно непосредственно общественный труд возникает в начале переходного периода, в дальнейшем его сфера все расширяется. Переход к сплошной коллективизации сельского хозяйства означает резкий перелом в сторону дальнейшего расширения его сферы. Итак возникновение непосредственно общественного труда еще отнюдь не означает его полного распространения во всем народном хозяйстве и притом в завершённой форме. Необходимо подчеркнуть, что процесс перехода к полному непосредственному обобществлению труда отнюдь не сводится к механическому распространению сферы социалистического сектора. Там, где социалистические производственные отношения уже созданы, они все больше и больше развиваются по пути дальнейшего непосредственного обобществления труда. Там труд не может иметь сразу, полностью непосредственно общественного характера. Между социалистическими предприятиями, функционирующими в переходный период и между социалистическими предприятиями, функционирующими в условиях полностью завершённого социалистического общества, существует известное различие в степени непосредственного обобществления труда. Эта разница проявляется в различном характере планирования. Если для социалистических предприятий в условиях завершённого социалистического общества характерны уже полностью такое прямое планирование, прямой учет, прямой контроль, прямое распределение, когда отпадает необходимость в использовании денежного обращения, товарооборота и «контроля рублем», то для социалистических предприятий в условиях переходного периода, в условиях нэпа, в том числе и последнего этапа нэпа, характерно еще использование планированием денежно-товарной формы, наличие особого финан-

сового плана, наличие денежного учета, контроля рублем, товарно-денежных форм распределения, наличие советского товарооборота, советской торговли. Все это выражает собой тот факт, что на данном этапе труд в социалистических предприятиях еще не полностью является непосредственно обобществленным. Способ производства, характер труда, способ хозяйственных связей и способ планирования в СССР представляют таким образом единство. Для капитализма мы имеем следующий ряд: капиталистический способ производства, абстрактный труд, капиталистический товарооборот, стихийность хозяйственных процессов. Для завершения социалистического общества: завершенная система социалистических производственных отношений, полностью непосредственно обобществленный труд, прямое безденежное распределение, прямое планирование трудового процесса без использования денежно-товарной формы. Для социалистических предприятий переходного периода также уже характерны социалистические производственные отношения и непосредственно обобществленный труд, социалистическое распределение, оперативное планирование, и это является основным и решающим в их характеристике. Но все это имеет место при наличии денежного обращения и товарооборота.

Непосредственно обобществленный труд является планово организованным трудом. По степени плановой организации труда можно судить о степени, которой достигнуто развитие непосредственно обобществленного труда. Переходный период представляет собою период непрерывного изменения характера труда в сторону его непосредственного обобществления. Непосредственно обобществленный характер труда и плановое начало присущи социалистическому способу производства, но социалистические производственные отношения возникают не в готовом виде, а развиваются в течение переходного периода. Изменения в характере труда, в способе производства в СССР являются основой изменения характера товарной формы.

Грубейшей ошибкой является предположение, что товарная форма остается неизменной, независимо от того, в каких классовых условиях она функционирует, какой способ производства она выражает. Между тем одно время имели хождение взгляды о том, что у нас в СССР товарная форма существует в «чистом» неизменном виде, потом сразу отпадает. Словом, либо классическая, капиталистическая товарная форма, либо полное ее отсутствие. Товарная форма в условиях капиталистического общества выражает собой абстрактный труд, выражает стоимостный закон движения, выражает там движение капитала, выражает господство капиталистических производственных отношений. Разумеется и в пределах капиталистического общества следует различать товарную форму докапиталистического характера и капиталистического, а в пределах последнего монополистический тип, но все же следует подчеркнуть и единство их на базе единого закона стоимости. В СССР следует различать товарную форму по линии социалистических предприятий, мелкотоварных и капиталистических. По линии социалистических предприятий необходимо опять-таки различать товарную форму колхозов и товарную форму государственных предприятий. При этом следует строго различать этапы, в частности первый этап нэпа, когда в стране преобладали мелкотоварные отношения, и нынешний этап, когда преобладают социалистические отношения. В товарной форме мелкотоварных предприятий опять-таки следует различать эти этапы. Далее следует строго отграничить меновые связи мелкотоварного сектора с государственно-кооперативными предприятиями от участия мелкотоварных хозяйств в операциях «вольного» рынка. При этом необходимо подчеркнуть, что мелкотоварная форма в условиях диктатуры пролетариата принципиально отличается от мелкотоварной формы в условиях капиталистического общества. Наконец следует различать товарную форму в капиталистическом секторе, опять-таки учитывая своеобразие воспроиз-

водства капиталистических отношений в условиях диктатуры пролетариата, по сравнению с условиями диктатуры капитала, и притом учитывая условия первого этапа нэпа, когда налицо был абсолютный рост капиталистических элементов, имел место допущение и «оживление» элементов капитализма, и последнего этапа нэпа в период ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Итак следует различать товарную форму как выражение закона стоимости, как движение капитала, далее товарную форму как выражение способа воспроизводства мелко-товарных отношений в условиях диктатуры пролетариата и товарную форму, используемую в процессе воспроизводства социалистических производственных отношений, находящихся еще в условиях переходного периода.

Анализ рыночных отношений должен прежде всего исходить из анализа тех отношений классов, которые скрываются за товарооборотом. В частности необходимо прежде всего вскрыть ту обостренную классовую борьбу, которая скрывается за товарооборотом на современном этапе. Советская торговля на современном этапе нэпа отражает эту обостренную классовую борьбу в целом ряде моментов. Сюда относится например обостренная классовая борьба со спекуляцией «вольного рынка», сюда относится классовый принцип снабжения, сюда относится преимущественное обслуживание социалистических предприятий, обслуживание колхозов, совхозов и т. д.

Советская торговля коренным образом отличается от капиталистической.

Капиталистическая торговля ведется частными предпринимателями стихийно, а не по плану, ведется в интересах капиталистической наживы, а не в интересах трудящихся.

Ярким примером того, что является «движущим мотивом» капиталистической торговли, служит спекуляция городского нэпмана и кулака, направленная против плана пролетарского государства, против интересов рабочего класса и всех трудящихся.

Советская же торговля руководится планом пролетарского государства и направлена на обслуживание интересов социалистического строительства, на обслуживание интересов трудящихся, на подъем их материально-культурного уровня.

Следует различать в условиях СССР советский товарооборот, советскую торговлю, с одной стороны, и товарооборот в целом, с другой, поскольку последний включает не только государственно-кооперативную торговлю, но и частный рынок. В советском товарообороте обоими или хотя бы одним из субъектов обмена должно быть государственное или кооперативное предприятие. В советском товарообороте в основном руководящая роль принадлежит плановому началу. К советскому товарообороту относятся, во-первых, меновые отношения между социалистическими предприятиями, во-вторых, продажа социалистическими предприятиями товаров населению, в-третьих, меновые отношения между социалистическими и мелко-товарными предприятиями и, в-четвертых, для первого этапа нэпа характерно было наличие меновых отношений между социалистическими предприятиями и капиталистическими элементами. К частному рынку относятся: 1) меновые отношения между мелко-товарными предприятиями, 2) меновые отношения между капиталистическими предприятиями, 3) меновые отношения между мелко-товарными и капиталистическими предприятиями, 4) продажа товаров населению мелко-товарными предприятиями и 5) продажа товаров населению капиталистическими предприятиями. Для нынешнего этапа характерно, что в советском товарообороте уже преобладают отношения между социалистическими предприятиями, а также между социалистическими предприятиями и населением. Для частного рынка на нынешнем этапе характерно резкое сокращение отношений, в которых участвуют капиталистические элементы, и сравни-

тельно значительный удельный вес отношений, в которых участвуют колхозники, сохранившие еще индивидуальное хозяйство. Поскольку товарооборот в целом характеризуется преобладанием советского товарооборота, а в последнем, в основном руководящую роль играют социалистические предприятия и плановое начало, это накладывает свой отпечаток на товарооборот в целом. Разумеется между советским товарооборотом и частным рынком нет абсолютно непродолимой стены, здесь имеет место ожесточенная борьба между ними. При этом роль советского товарооборота, включенного в мощную систему рычагов диктатуры пролетариата, и ограниченная роль частного рынка, разумеется, далеко не равнозначны. Весь товарооборот характеризуется этой борьбой элементов плана и свободы торговли, причем эта свобода торговли на вольном рынке служит в той или иной степени выражением товарно-капиталистической тенденции. Элементы свободы торговли в советском товарообороте подчинены, как правило, руководящей роли планового начала. Товарооборот в целом подчинен на первом этапе ведущей, а ныне господствующей и преобладающей роли плана диктатуры пролетариата (речь идет об основных тенденциях). Разумеется эта ведущая и господствующая роль планового начала достигается в процессе непрерывной классовой борьбы.

Таким образом за внешне единой товарной формой скрывается различная ее природа в зависимости от того, в каких классовых условиях товарная форма функционирует, какой способ производства она представляет. Чистейшей воды меньшевистской рублиной являются попытки спрятаться за общими абстрактными определениями товарной формы, в которых выхолащивается классовый характер того или иного способа производства, скрывающегося за теми или иными меновыми актами. Это необходимо с особой четкостью отнести к условиям СССР.

Для выявления основных закономерностей развития экономики СССР следует различать три способа производства: социалистический, мелкотоварный и капиталистический, представляющие противоречивое единство в советской экономике как переходной. В условиях завершенной социалистической экономики разумеется останется лишь один из этих способов производства — социалистический способ производства, и вместо многоукладной экономики мы будем иметь одноукладную. Необходимо подчеркнуть, что это единство советской экономики является сугубо противоречивым. Классовая борьба в СССР выражает собою борьбу существующих рядом различных способов производства. Между тем классовая борьба между пролетариатом и капиталистами в условиях капиталистического общества этого не отражает, так как пролетариат и капиталисты в условиях капиталистического общества являются единством противоположностей в пределах одного капиталистического способа производства. Между тем в СССР за 3 классами (пролетариат, капиталистические элементы, мелкотоварное крестьянство) скрываются различные хозяйственные уклады. При этом колхозное крестьянство представляет уже социалистический уклад, индивидуальное середняцкое — мелкотоварный. При капитализме докапиталистический уклад и капиталистический развиваются на основе стихийных стоимостных законов движения. Докапиталистические формы стихийно перерастают в капиталистические. Превращение товаров в деньги и денег в капитал представляет собой единый процесс развития, поскольку и товарное докапиталистическое хозяйство и товарное капиталистическое хозяйство развиваются на основе стихийных стоимостных закономерностей. Иного типа соотношение закономерностей развития мелкотоварного и социалистического хозяйства. Стихийное развитие мелкотоварного хозяйства (не говоря уже о капиталистическом) ведет его не к социализму, а к капитализму. Мелкотоварному хозяйству имманентно присущи лишь товарно-капиталистические тенденции. Социалистические производствен-

ные отношения не вырастают из мелкотоварных, а насаждаются взамен мелко-товарных, путем коренной перестройки последних. Этот момент чрезвычайно важно подчеркнуть именно для того, чтобы провести особенно четкую грань между природой товарной формы, используемой социалистическим предприятием, и природой товара в мелкотоварном предприятии. Мы уже не говорим о различии в отношении товарно-капиталистического предприятия. Итак различие между этими тремя способами производства, между этими тремя укладами отражает собой особую двойственность переходного периода, двойственность борьбы социализма с капитализмом, двойственность, которую Ленин характеризовал как борьбу «социалистической тенденции пролетариата и товарно-капиталистической тенденции крестьянства». Но, подчеркнув наличие особых противоположностей в переходный период (если бы не было этих особых противоположностей, не было бы и переходного к социализму периода), необходимо помнить и об единстве советской экономики, без чего мы неизбежно порываем с ленинской теорией построения социализма в СССР, с теорией ленинского кооперативного плана и становимся на позиции троцкизма и на позиции теории «равновесия» «секторов-ящиков». Вопрос об единстве советской экономики имеет исключительное значение для понимания природы сферы обращения в СССР, поэтому я позволю себе остановиться на нем подробнее.

Можно ли говорить об единстве советской экономики? Ведь мы имеем одновременно такие три типа воспроизводства в СССР, как воспроизводства социализма, мелкотоварного хозяйства и капитализма. Не имеет ли это утверждение об единстве в своей основе попытку найти общие абстрактные закономерности, ватушевывающие особенности классовой борьбы в СССР смазывающие классовые противоположности в СССР.

На это следует дать категорический ответ, что, отрицая это единство (разумеется правильно понятое), мы окончательно отрезаем себе путь к правильному пониманию этих классовых противоположностей, этой классовой борьбы.

В чем же заключается это единство? Каков должен быть подход к его анализу? Суть проблемы единства советской экономики в том, что мы в сложнейшем клубке классовых противоречий, в запутанном лабиринте отдельных хозяйственных актов находим основную линию, основную ось движения, без нахождения которой мы не можем разобраться в закономерности советской экономики, в путях ее развития.

Что является этой основной линией, этой осью?

В своем докладе на VI съезде советов т. Молотов сказал следующее: «Нельзя забывать об элементах двойственности в переходный период, основной и определенной чертой которого является рост социализма» (разрядка моя — Л. Г.).

Процесс построения социализма, социалистическое обобществление производства на базе индустриализации, укрепление и развертывание социалистических производственных отношений, процесс реализации ленинского кооперативного плана и составляют основную ось движения советской экономики. Разумеется это социалистическое обобществление производства не может осуществляться без ожесточенной классовой борьбы. Захват командных высот пролетариатом, а также ограничение и вытеснение капиталистических элементов на первых этапах переходного периода отражают эту роль классовой борьбы.

На нынешнем этапе социалистическое обобществление происходит при наличии уже процесса ликвидации капиталистических элементов в деревне.

Социалистическое обобществление носит различный характер на разных этапах (этапы ленинского кооперативного плана). Так на первом этапе этапа социалистическое обобществление охватило главным образом промышленность (рост социалистической индустрии) и подготавливало базу для перехода мелкотоварно-

го сельского хозяйства в будущем к непосредственному социалистическому обобществлению. Кооперирование товарооборота являлось одним из существенных орудий воздействия пролетариата на мелкотоварную деревню.

В восстановительный период мелкотоварное сельское хозяйство представляло собой сырьевую и продовольственную базу для развертывания социалистического обобществленного производства в городе.

В реконструктивный период социалистическое обобществление охватывает уже непосредственно и сельское хозяйство.

Социалистическое обобществление на базе индустриализации составляет стержень всего экономического развития СССР, всех классовых отношений. Можем ли мы например рассматривать классовую борьбу пролетариата с капиталистическими элементами не в связи с процессом социалистического обобществления как основным процессом развития советской экономики? Можем ли мы понять суть этих отношений с капиталистическими элементами, отрывая их от этого основного процесса? Разумеется классовые отношения пролетариата и капиталистических элементов отнюдь не тождественны с процессом социалистического обобществления, так как кулак не обобществляется, но необходимо помнить, что борьба с кулачеством ведется именно в интересах социалистического обобществления. В еще большей мере мы можем утверждать, что нельзя понять всей сложной гаммы взаимоотношений пролетариата с мелким товаропроизводителем, если мы не будем рассматривать процесс социалистического обобществления как основной процесс развития советской экономики, лежащий в основе и этих взаимоотношений. Эта роль процесса социалистического обобществления означает, что из трех типов воспроизводства в СССР один из них, именно воспроизводство социалистических отношений, является ведущим уже на первых этапах, а ныне является преобладающим, и этот момент накладывает отпечаток на весь ход воспроизводства во всем народном хозяйстве и придает определенные черты единства советской экономике. Это социалистическое обобществление осуществляется плановым образом.

Плановое осуществление социалистического строительства разумеется не представляет собою суммы разрозненных актов, а является единым комплексом, единым процессом. Победа пролетариата обеспечивается именно тем, что он представляет определенное единство с основными массами деревни. Это единство в настоящее время стало неизмеримо прочней благодаря тому, что пролетариат и социалистический сектор «держат в своих руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства»¹⁸.

Итак вне того единства советской экономики нет и процесса построения социализма. Разумеется для троцкизма этой основной линии, основной оси движения не существует. Троцкизм вместо построения социализма в СССР исходит только из борьбы двух сил, борьбы, которая разрешается в пользу одной лишь в зависимости от внешнего толчка (от мировой революции). Таким образом здесь налицо механическое столкновение двух сил, здесь нет диалектического единства, нет основы этого единства, ведущей противоположности («основной и определяющей черты»).

Это единство советской экономики накладывает свой отпечаток на характеристику товарооборота, товарно-денежной формы в СССР. То, что социалистическое обобществление представляет собою основную линию развития, то, что плановое строительство социализма представляет собою единый комплекс, находит свое выражение в советском товарообороте. Именно поэтому советский товарооборот и выражает ведущую на предыдущих этапах, а на нынешнем этапе господствующую, преобладающую роль плана пролетарской диктатуры. За

¹⁸ Сталин, Полит. отчет на XVI съезде

множеством меновых актов скрывается эта основная черта, составляющая сущность этой борьбы противоположностей, которую мы имеем по линии товарооборота.

Необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что, признавая единство советской экономики и выражение этого единства в пределах товарно-денежной формы, признавая, что советский товарооборот выражает собою господство пролетариата в рабоче-крестьянском блоке, мы не должны замазывать коренного различия товарной формы на разных участках экономики СССР.

Разумеется единство товарной формы не является чем-то сплошным, одноцветным. Оно не означает, что план лежит в основе всех хозяйственных актов без исключения и притом в равной степени на всех участках народного хозяйства. Это неверно. Единство товарной формы в СССР отражает лишь ведущую, а ныне преобладающую роль плана.

У нас единый рубль, единая денежная система, вопреки утверждениям тех товарищей, которые исходят из наличия расчетных знаков в социалистическом секторе и «чистых» денег в остальных секторах, вопреки утверждениям тех, кто стоит на позиции двух или трех типов рубля в условиях СССР (по существу на позиции двух или трех кругов воспроизводства). Признавая единство нашего рубля, мы в то же время не отрицаем, что обращение денег между государственными предприятиями, обращение денег между государственными предприятиями и индивидуальным хозяйством и обращение денег на вольном рынке имеют существенные различия. Но обращение денег в целом в качестве своей основной тенденции, основного признака выражает господствующую роль пролетарской диктатуры, разумеется с соответствующим своеобразием на разных этапах.

Борьбу противоположностей в СССР нельзя мыслить путем механического разрыва экономики СССР на такие два полюса, из которых в одном труд является полностью непосредственно обобществленным трудом, а другой — такое товарное хозяйство, где законом движения является закон стоимости, где труд является полностью абстрактным трудом. Это неверно. Мы знаем, что в социалистическом секторе труд еще не полностью непосредственно обобществлен, а в мелкотоварном секторе мы имеем в условиях диктатуры пролетариата принципиально иное положение по сравнению с условиями диктатуры капитала. Руководящая роль пролетариата в союзе с середняком относится ведь не только к области политики, она захватывает и экономику, самый способ производства мелкотоварного хозяйства. Характеризовать мелкотоварный сектор только лишь наличием имманентно присущей ему капиталистической тенденции, значит дать троцкистскую трактовку природе мелкотоварного сектора в СССР. Для мелкотоварного сектора характерна особая двойственность, характерна борьба социалистического влияния с этой капиталистической тенденцией, причем победа оказалась именно на стороне социалистического начала. Ведущая роль пролетариата в отношении деревни сказалась уже с самого начала пролетарской революции. Общественный характер труда в мелкотоварном секторе в условиях СССР коренным образом отличается от общественного характера труда в колхозах, но он отличается коренным образом и от характера труда в мелкотоварном хозяйстве в условиях капитализма, поскольку пролетариат через целую систему рычагов направляет развитие мелкотоварного сектора (ленинский кооперативный план). Поэтому для мелкотоварного сектора в условиях СССР характерен уже не абстрактный труд, какой мы имеем в капиталистическом обществе (а следовательно не победа стихийной капиталистической тенденции), а иной тип труда, сочетающий в себе элементы уже непосредственно обобществленного и элементы абстрактного труда.

Разумеется эти элементы непосредственно обобществленного труда возникают

и развиваются исключительно благодаря руководящему влиянию социалистического сектора, причем эта руководящая роль все более возрастает. Этот новый тип труда мог возникнуть именно благодаря ведущей роли социалистических производственных отношений, которым в отличие от мелкотоварных производственных отношений присущ непосредственно обобществленный характер труда и тем самым присуще плановое начало. Разумеется труд в мелкотоварном хозяйстве сможет превратиться в непосредственно обобществленный в основном труд лишь тогда, когда мелкотоварное хозяйство будет заменено социалистическим. Ведущая роль социалистического сектора в отношении мелкотоварного находит свое выражение в таких моментах, как плановые заготовки, контрактация, плановое снабжение и т. д. Так проявляется диалектическое единство социалистического и мелкотоварного сектора. Эти два сектора представляют собой не «ящички», не секторы, связанные между собой механическим равновесием. И так упускать единство процесса воспроизводства в СССР значит упускать и ведущую, а сейчас преобладающую роль социалистического сектора.

Единство советской экономики выражает собой диктатуру пролетариата в области экономики и политики и означает, что в товарной форме в СССР также имеются элементы диалектического единства. Товарная форма на первом этапе нэпа выражает ведущую роль социалистических производственных отношений при преобладании мелкотоварных, а на последнем выражает уже преобладающую роль социалистических производственных отношений. Однако это преобладание социалистических производственных отношений имеет сейчас место в условиях еще не завершенного процесса социалистического обобществления труда.

Таким образом поскольку на первом этапе нэпа преобладающее мелкотоварное хозяйство развивается при ведущей роли не капитализма, а социализма, а на нынешнем этапе уже преобладают социалистические производственные отношения, за товаром не скрывается в условиях СССР закон стоимости как закон движения народного хозяйства, и общественный труд в СССР не может быть характеризован (речь идет об основной характеристике) как абстрактный труд. Если брать основную тенденцию в экономике СССР, то ведущую, а ныне преобладающую, роль играют элементы непосредственно обобществленного труда. Роль этих элементов различна на разных участках (хотя нигде непосредственное обобществление труда еще не достигло вполне законченной формы). Поэтому в советском товарообороте мы имеем принципиально иное содержание и принципиально иные формы по сравнению с капиталистическим товарооборотом.

В характеристике элементов товарной формы, элементов купли-продажи, которые мы имеем в пределах социалистического сектора, необходимо четко проводить борьбу на два фронта как против тех, кто забывает о наличии этих элементов товара, так и против тех, кто смазывает отличия этих элементов товара в социалистических предприятиях от товарной формы в несоциалистических предприятиях.

Те элементы товара, которые мы имеем в наших социалистических предприятиях, отличаются не только от товара в капиталистическом обществе, но и от товара в единоличном середняцком хозяйстве в СССР. Не следует забывать, что за этими элементами товара скрываются социалистические производственные отношения, правда существующие еще в переходном периоде.

Продукт, производимый в нашем государственном предприятии, обладает особыми специфическими свойствами, проводящими весьма резкую грань, отличающую его от продуктов, производимых в предприятиях мелкотоварных и капиталистических. Труд, производящий продукт социалистического предприятия, является в основном непосредственно обобществленным трудом. Этот про-

дукт производится при отсутствии рынка рабочей силы, при отсутствии эксплуатации, при отсутствии деления труда на необходимый и прибавочный. Он производится при наличии общественной собственности на средства производства, его производство «подчинено не принципам конкуренции и обеспечения капиталистической прибыли, а принципу плахового руководства» (Сталин).

Производство продуктов на отдельных социалистических предприятиях связано между собой общехозяйственным планом, планом социалистического строительства в масштабе народного хозяйства.

Наконец производство этого продукта составляет момент воспроизводства социалистических производственных отношений. Производство продуктов здесь подчинено оперативному социалистическому планированию и это главное.

Необходимо все же иметь в виду, что этот продукт сохраняет в себе элементы товара и что наши социалистические предприятия, в том числе и государственные предприятия, используют в своих взаимоотношениях товарно-денежную форму.

В чем же заключается, в чем выражается наличие элементов товара в наших государственных предприятиях? В том, что продукты труда, производимые на государственных предприятиях, имеют еще денежную форму и обмениваются в порядке купли-продажи, что приобретение за деньги определенных продуктов связано с ходом накопления денег от реализации продукции, что плановый контроль за ходом производства и обмена этими продуктами осуществляется через денежную материальную заинтересованность («контроль рублем»), что качество работы предприятий в значительной мере выражается накоплением «всеобщего эквивалента» — денег.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что разница между типом товарооборота в условиях капиталистического общества и элементами товарооборота в наших государственных предприятиях разумеется совершенно иная, чем разница между этими элементами товарооборота и прямым безденежным социалистическим распределением.

Переход от капиталистического товарооборота к меновым отношениям наших государственных предприятий связан с революционным разгромом диктатуры капитала и заменой капиталистического способа производства своей противоположностью — социалистическим.

Между тем переход от нынешних последовательно социалистических предприятий к тому типу предприятий, который будет в законченном социалистическом обществе, этот второй переход коренным образом отличается от первого перехода. Ведь здесь речь идет не о замене социалистического способа производства другим, здесь речь идет только о переходе к дальнейшей стадии непосредственного обобществления труда. При этом необходимо подчеркнуть, что последовательно социалистические предприятия уже в переходный период обладают в основном признаками социалистического предприятия, законченного социалистического общества. Но разумеется «в основном» еще не означает «полностью».

Социалистические производственные отношения отнюдь не являются чем-то застывшим, метафизическим, они не возникают сразу в законченном виде. Колхозы представляют собой социалистические предприятия, но социалистические производственные отношения в колхозе еще значительно отличаются от социалистических производственных отношений в государственных предприятиях, не говоря уже о том, что в колхозах мы имеем различные ступени обобществления. Характер общественного труда в государственных предприятиях СССР, являющихся последовательно социалистическими, разумеется не остается неизменным. Так например изменение создает факт широкого развертывания социалистического соревнования и ударничества, вносящего принципиально

новое в характер труда. Наконец, как выше было отмечено, социалистические производственные отношения на государственных предприятиях в последний период нэпа разумеется не являются полностью тождественными с социалистическими производственными отношениями, которые будут иметь место в завершённом социалистическом обществе. Уже было указано, что наличие в государственных предприятиях элементов товара — денег, цены, планового «контроля рублем» означает, что там труд еще не представляет собой полностью непосредственно обобществленного труда. Тот факт, что труд оплачивается посредством денег, через денежную зарплату, отнюдь не означает разумеется, что производственные отношения на государственных предприятиях не являются социалистическими, но этот факт несомненно является довольно характерным отличием по сравнению с теми производственными отношениями будущего, когда возникнет безденежное прямое распределение и исчезнут элементы товара. Совершенно неправильно думать, что купля-продажа держится в последовательно социалистических предприятиях чисто механически, фактом существования еще значительного количества индивидуальных хозяйств, что после превращения этих индивидуальных хозяйств в социалистические сразу автоматически само собой отпадает использование товарно-денежной формы в социалистических предприятиях. Дело на самом деле гораздо сложнее, так как переход к прямому безденежному распределению требует дальнейшего изменения характера общественного труда, превращения его в полностью непосредственно обобществленный труд, что выразится в установлении полностью прямого планирования, полностью прямого трудового учета и полностью прямого контроля. Своеобразная автономность государственных предприятий, выражаемая куплей-продажей, денежным накоплением и т. д., означает, что планирование должно еще использовать денежно-товарную форму, этого требует еще характер труда в государственных предприятиях. Еще не пришло время, когда общество может совершенно отбросить косвенное выражение своего труда. Поэтому планирование еще не может носить такой высшей формы, как в условиях прямого безденежного учета, контроля и распределения. Если планирование будет игнорировать эти условия нэпа, произойдет разрыв между характером общественного труда и формой планирования, что и имело место при левачьих перескакиваниях. Перескакивание через этап планирования приводит не к укреплению планирования, а усиливает элементы стихийности в пределах государственных предприятий. Например «лево»-оппортунистические перегибы по линии кредитной реформы и системы снабжения наших фабрик и заводов показали, что за левой фразой по существу скрывается оппортунистическое содержание, ослабляющее планирование и приводящее к развитию элементов стихийности в государственных предприятиях.

Наличие в наших последовательно социалистических предприятиях момента купли-продажи, наличие в них «контроля рублем» разумеется во всех случаях, когда упоминается нынешний «контроль рублем», речь идет о плановом «контроле рублем», о методе управления социалистическими предприятиями), означает, что предприятия получают планово-распределяемые материальные ресурсы в значительной степени лишь при обмене их на определенную сумму своей продукции, выраженную в деньгах, т. е. выполнив соответствующим образом свой финансовый план.

Между тем мы знаем, что финансовый план отнюдь не представляет и не может представлять собой точной копии материального производственного плана. Предприятия и плановые органы не могут еще построить целостной системы производственного контроля на основе непосредственного трудового учета и непосредственного сопоставления конкретных трудовых затрат, непосредственного сопоставления качественных показателей эффективности этих трудовых затрат.

Поэтому необходим всеобщий эквивалент, на основе планового движения которого можно было бы косвенно учитывать эти затраты, эти показатели. Само это движение является внешним, контрольным показателем выполнения планов. Сно поэтому и соответственно учитывается при выдаче предприятию финансовых ресурсов. Всеобщий эквивалент заменяет здесь недостаточность непосредственного планирования отдельных конкретных операций. «Контроль рублем», косвенно вскрывает производственные неполадки и подтягивает хозяйственников. Когда возможно будет в достаточной мере без помощи денежного эквивалента непосредственно контролировать отдельные производственные операции в их трудовом выражении (и разумеется когда будут налицо все предпосылки полной замены денег трудовыми талонами и чеками), контроль через этот всеобщий эквивалент отпадает.

Из выше сказанного следует, что наличие купли-продажи, а не прямого распределения, наличие денежного учета, а не трудового учета, наличие контроля рублем, а не законченного прямого контроля без использования денежной формы,— все это лишь моменты определенного единства. Один момент здесь органически связан с другим.

Одна лишь необходимость денежной оплаты труда вызывает необходимость в едином денежном балансе предприятия, в ведении всех операций в денежной форме, в денежном учете, в «контроле рублем» в купле-продаже.

Необходимость денежной оплаты труда, а следовательно денежного учета и контроля означает, что существует необходимость в советской торговле, в продаже, а не безденежном распределении продуктов.

В свою очередь невозможность введения прямого распределения продуктов потребления означает необходимость денежной оплаты труда.

Необходимость планового «контроля рублем» также означает разумеется необходимость денежного обращения, советской торговли и т. д.

Вопрос о советской торговле на нынешнем этапе органически связан с вопросом о значении денег на последнем этапе нэпа, о хозрасчете, о системе кредитования, о системе заработной платы. В частности, «левые» ошибки, допущенные в теории и на практике в области торговли, теснейшим образом переплетаются с «левыми» ошибками во всех этих вопросах.

В самом деле, для всех этих ошибок характерна недооценка значения хозрасчета, денег, их накопления. Для всех этих ошибок характерно «перепрыгивание» к прямому безденежному распределению, порой «перепрыгивание» даже за пределы социализма с его принципом распределения по труду, «перепрыгивание», сводящееся к обезличке и мелкобуржуазной уравниловке. Игнорирование значения денег на нынешнем этапе, теория «расчетных знаков», практика срыва мобилизации денежных ресурсов, «собесовская» практика кредитования, основанная на «автоматизме» кредитования «под план», игнорирование принципов хозрасчета органически связаны между собой. Разумеется, все это способствовало игнорированию задач советской торговли. В «перепрыгивании» через этап советской торговли сказалась вреднейшая «утопия» о возможности в условиях нэпа полного лишения денег какого-либо значения, если эти деньги не прикреплены к ордерам, броням, карточкам. Здесь сказались и вреднейшие последствия автоматического кредитования «под план», приводившего к исчезновению интереса к хозрасчету в самих торговых органах. Между тем уже сам по себе хозрасчет в системе торговых органов сделал бы невыносимыми те попытки бюрократического, бесхозяйственного перехода к прямому распределению, которые имели место. Автоматизм кредитования приводил к автоматизму снабжения. Далее, благодаря игнорированию принципа сдельной оплаты, т. е. по существу благодаря игнорированию хозрасчета, замазывалась та опасность уравниловки, которую несло с собой сплошное распространение ордеров

и нормировок. Наконец, благодаря недостаточному вниманию к ускорению оборота и мобилизации денежных ресурсов, замазывалась та огромная опасность для денежного обращения, которая вытекала из бюрократического замораживания оборота в связи с «перескакиванием» через этап советской торговли.

И обратно — именно перескакивание через этап советской торговли к прямому распределению затрудняло возможность осуществления хозрасчета по всей сфере обращения, а следовательно и во всем народном хозяйстве, оно затрудняло действительное применение сдельной оплаты труда. Оно приводило к ослаблению значения денег для рабочих, приводило к такой натурализации заработной платы, которая противоречит хозяйственному расчету и которая в конечном счете сказалась бы резко отрицательно и на текучести рабочей силы, на производительности труда, ударяя по производственным стимулам работников промышленности, транспорта, строительства, лесозаготовок, работников социалистического сектора сельского хозяйства. Разумеется, то нормирование, на путь которого встали кооператоры, в конечном итоге сильно сказалось бы и на производственных стихулах индивидуального крестьянства, на всем ходе заготовок.

При определении хозрасчета разумеется необходимо прежде всего подчеркнуть, что это метод управления социалистическими предприятиями, но поставить на этом точку нельзя. Необходимо добавить, что это управление осуществляется при использовании денежно-товарной формы в соответствующих условиях того или иного этапа.

Сличие хозрасчета на современном этапе от хозрасчета первого этапа нэпа, от так называемого «коммерческого расчета», проявляется в ряде моментов.

В условиях первого этапа нэпа мы имели преобладание мелкотоварных отношений, мы имели значительный удельный вес частного рынка.

Весьма значительную роль играл учет условий частного рынка, экономическое соревнование с частным рынком.

Стихийные тенденции частного рынка играли тогда значительную роль при всякого рода расчетах наших предприятий.

Планирование хозяйственной деятельности наших предприятий находилось тогда на значительно более низкой ступени, чем на нынешнем этапе. 1923 год с его серьезнейшими затруднениями в сбыте изделий наших трестов иллюстрирует это достаточно ярко.

Элементы народнохозяйственного планирования были еще значительно слабее, чем сейчас. Поэтому-то наши хозяйственные организации имели тогда ту форму автономности, которая отличается от нынешних условий. Именно и по линии сбыта, и по линии снабжения, и по линии накопления их маневрирование на рынке регламентировалось и планировалось в значительно меньшей степени, чем сейчас. Их «выход на рынок» был значительно «свободнее», чем сейчас.

Хозрасчет нынешнего этапа характеризуется тем, что мы имеем прочный народнохозяйственный план, что лишь в пределах этого народнохозяйственного плана имеет место известная автономность наших хозяйственных единиц. Чрезвычайно характерным отличием нынешнего хозрасчета по сравнению с хозрасчетом первого этапа нэпа является огромная роль банковской системы как орудия оперативного народнохозяйственного планирования. Хозрасчет сейчас осуществляется при помощи этого мощного рычага.

Наш нынешний хозрасчет является методом планирования и управления в соц. предприятиях в условиях последнего этапа нэпа при абсолютном преобладании социалистических предприятий во всем народном хозяйстве, но при наличии еще денежно-товарной формы.

Эта роль социалистических элементов в народном хозяйстве чрезвычайно характерна для определения нынешнего хозрасчета.

Сейчас роль частного рынка принципиально иная, чем на первом этапе нэпа. Частный рынок идет «ко дну». Центр тяжести перенесен в хозрасчете не на соревнование с ним, а на организацию правильных взаимоотношений между социалистическими предприятиями, на рациональное планирование и управление социалистическим предприятием и его составными частями (разумеется при использовании денежно-товарной формы).

Совершенно исключительную по сравнению с первым этапом нэпа роль приобретает проблема внутреннего накопления и повышения «качественных показателей» как существеннейшая задача хозрасчета.

Единство нынешнего хозрасчета и советской торговли выражается в том, что одним из существеннейших моментов нынешнего хозрасчета является наличие купли-продажи как между социалистическими предприятиями, так и между социалистическими предприятиями, с одной стороны, и потребляющим населением и индивидуальными товаропроизводителями, с другой стороны. Далее это единство выражается в том, что работа самих предприятий советской торговли строится на основе хозрасчета. Наконец в том, что советская торговля обслуживает «хозрасчетные» формы оплаты труда путем соответствующей системы зарплаты, снабжения и т. д., обеспечивающей материальную заинтересованность трудящихся в повышении производительности своего труда.

Хозрасчет органически связан с существованием нынешней советской торговли и денежного учета (советская торговля первого этапа нэпа была органически связана с тем хозяйственным расчетом первого этапа нэпа, который обычно условно называют «коммерческим расчетом»). Наличие момента купли-продажи в пределах государственного сектора вызывается тем, что государство еще не в состоянии полностью непосредственно и прямо распределять живой и накопленный труд, непосредственно и прямо учитывать. Разумеется невозможность полного непосредственного обобществления труда в наших государственных предприятиях вызывается прежде всего (но не только) тем обстоятельством, что социалистическое обобществление во всем народном хозяйстве еще не завершено.

На процессе воспроизводства и в частности на характере меновых отношений, происходящих за пределами государственного сектора, четко сказывается сейчас руководящая роль последнего (через всю систему плановых рычагов диктатуры пролетариата) в развитии всего народного хозяйства. Это является основным и решающим. Это определяет построение социализма. Вместе с тем на процессе воспроизводства и в частности на форме хозяйственных связей в госпредприятиях сказываются условия, лежащие за пределами последовательно социалистических предприятий.

Мы имеем еще наличие миллионов единоличников, индивидуального хозяйства колхозников. Между тем воспроизводство представляет собой единый процесс. Понятно, «секториальное расщепление» хозяйственных связей на «чисто» денежные в одном секторе и на «чисто» натуральные в другом является невысказанным. Вместе с тем и характер всей системы планирования, учета, контроля не позволяет устранить денежную форму. Поскольку это так, общественный труд еще должен принимать денежную форму выражения, и государственные предприятия должны иметь ту особую оперативную самостоятельность, особую маневроспособность, которая связана с наличием момента купли-продажи и накопления денег, денежного обращения. Это отражается и в том, что наряду с материальным планом существует финансовый план, выполнение которого идет в известной мере по самостоятельному руслу, и в том, что существуют денежный учет и контроль.

Выше уже было подчеркнуто, что грубейшую ошибку совершает тот, кто «валит в одну кучу» отношения купли-продажи между нашими соцпредприятиями.

ми и отношения купли-продажи между соцпредприятиями и индивидуальными хозяйствами. Первые значительно ближе к прямому распределению, чем вторые.

В свою очередь купля-продажа между последовательно социалистическими предприятиями отличается от купли-продажи между последовательно социалистическими предприятиями и колхозами; система заготовок у колхозов, борьба с «оседанием» товарной продукции колхозов разумеемся характеризуют это различие.

Необходимо различать ту куплю-продажу, которую мы имеем между госпредприятиями, и ту куплю-продажу, которую мы имеем по линии снабжения населения государственно-кооперативными организациями.

Разумеемся нелепо было бы переносить методы советской торговли, которые применяются по линии снабжения населения, на снабжение госпредприятий (например по линии строительных материалов, машин, топлива и т. д.). Ясно, что одно дело индивидуальное личное потребление, другое дело производственное потребление наших фабрик, заводов, шахт, железных дорог и т. д. Здесь требуется такая особая плановая регламентация и нормировка, которая не должна иметь места при снабжении предметами личного потребления.

Элементы товара здесь слабее представлены (но отнюдь не исключены вовсе), чем в советской торговле предметами личного потребления.

Наконец следует иметь в виду, что характер меновых отношений между госпредприятиями также не является абсолютно одинаковым. Следует различать нормировку снабжения крупных строителей (например Магнитогорск) от нормировки снабжения предприятий легкой индустрии.

Следует различать снабжение строительства и снабжение предприятий, снабжающих свою продукцию.

Для точного определения роли и характера элементов товара в меновых отношениях тех или иных госпредприятий следует конкретно анализировать и источники снабжения того или иного предприятия. Ведь предприятия могут снабжаться путем закупок и непосредственно у заводов-производителей, и у отдела снабжения своего объединения, и у отдела снабжения «чужого» объединения, и у райснабов, они могут производить и так называемые случайные закупки. Большое значение имеет удельный вес того или иного источника снабжения. Предприятия имеют значительную возможность маневрирования, взаимного приспособления. Они сами и их контрагент по договору отвечают за снабжение. Они несут денежную ответственность за невыполнение договора.

Признавая различия характера меновых связей госпредприятий в зависимости от конкретных условий, необходимо подчеркнуть, что в этих меновых связях нельзя игнорировать элементов товарной формы. Мы имеем там не функционирование расчетных знаков, а денежное обращение. Плановое распределение, имеющее там место, еще не является тем прямым социалистическим распределением, которое будет иметь место в завершнном социалистическом обществе.

В основе купли-продажи, в основе хозрасчета госпредприятий лежит плановый заказ, плановое снабжение, опирающееся на социалистический характер труда в этих предприятиях, на преобладание социалистических элементов во всем народном хозяйстве. Однако специфичность этого планового заказа и планового снабжения заключается и в том, что они носят еще денежный характер, что и выражается в существовании денежного учета, хозрасчета и купли-продажи, причем деньги и в пределах государственного сектора отнюдь не являются «номинальными» «расчетными знаками». Весь механизм системы планового «контроля рублем» это ясно подтверждает.

Тип, характер учета не представляет собой внешнего формального момента, он органически связан с общественным характером труда и, следовательно,

с типом обмена и распределения. При наличии советской торговли и хозрасчета основной формой учета является денежный учет. Именно потому еще нелегитимным непосредственный трудовой социалистический учет, что нелегитимно еще в завершенной форме, в развернутой степени прямое непосредственное распределение живого и накопленного труда, а последнее в конечном счете в основном определяется тем, что процесс социалистического обобществления производства не достиг еще своего завершения, и что не создано еще достаточно организационных предпосылок для перехода на прямой учет и прямое распределение, что мы еще находимся в начальном периоде социализма, а не в условиях завершенного социализма.

Если купля-продажа является одним из существеннейших моментов хозрасчета социалистических производственных предприятий, то хозрасчет является вместе с тем существеннейшим моментом в работе торговых организаций. И именно наличие хозрасчета в торговых организациях является, как выше было отмечено, существенным условием для нормального функционирования обмена, купли-продажи, а следовательно и хозрасчета во всем социалистическом секторе. Таково единство хозрасчета и советской торговли.

* * *

Косвенное выражение общественного труда через посредство денег реализуется сейчас на данном этапе является основным. Необходимо всячески укреплять денежный учет, денежную единицу, поскольку ослабление их означает ослабление всей системы учета, контроля, планирования, означает усиление обезлички, автоматизма, бюрократизма, бесхозяйственности, означает ослабление предпосылок перехода в будущем на систему прямого безденежного социалистического учета, контроля, распределения. Все это бесспорно, но из этого отнюдь не вытекает, что денежный учет не является значительно менее совершенным типом учета по сравнению с трудовым. Переход на трудовой учет означает гигантский скачок вперед по линии качества планирования, поскольку общество будет гораздо более точно знать действительные трудовые ресурсы, действительные затраты общественного труда, действительную эффективность затрат труда, действительную эффективность «капитальных» вложений.

В настоящее время, в начальный период социализма, когда социализм существует с наэпом, общественный труд в конечном итоге выражается в рубле, а хозяйственные связи — в купле-продаже. Необходимость выражения общественного труда в деньгах и отсюда необходимость системы денежного учета и контроля рублем, с одной стороны, и необходимость осуществления хозяйственной связи через куплю-продажу, с другой стороны, представляют собой два момента одного и того же процесса. Этого некоторые товарищи никак не могут уразуметь. Купля-продажа означает еще наличие цены, наличие денежного косвенного выражения общественного труда, означает необходимость косвенного выражения различных трудовых затрат в едином денежном знаменателе — всеобщем денежном эквиваленте, поскольку их приведение к непосредственно трудовому всеобщему знаменателю еще существует.

Движение себестоимости, этого важнейшего качественного показателя, не может с точностью воспроизводить фактического движения производительности труда, как это будет иметь место при законченной системе трудового учета. Таким образом, если мы даже отвлечемся от цен «вольного рынка», играющих сейчас в лучшем случае второстепенную роль, если мы будем оперировать системой цен, устанавливаемых социалистическим сектором, то и тогда мы несомненно столкнемся с тем, что наше планирование в условиях денежного обращения не может так же точно учитывать, распределять и контролировать трудовые затраты, как планирование в условиях прямого безденежного распределения и законченного непосредственно трудового учета.

При наличии цены, денег изменение качественных показателей данного предприятия не может быть с такой точностью, как при трудовом учете, дифференцированно на зависящее от труда на данном предприятии и переносимое через средства производства, потребляемые данным предприятием, притом зачастую в значительной степени в связи с плановым изменением цен.

Наша система цен в социалистическом секторе является в основном плановой, эти цены устанавливаются не на основе господства закона стоимости, а в интересах построения социализма. Но эта плановость цены, а следовательно и плановость в распределении живого и накопленного труда иного типа, чем плановость прямого безденежного распределения. Наша система цен разумеется не является и не может являться точным воспроизведением действительного соотношения трудовых затрат. Тем самым ценовым пропорциям не могут соответствовать в точности пропорции в распределении живого и накопленного труда. За одной и той же денежной единицей скрывается различное количество общественного труда, скрываются потребительные блага, имеющие различное значение в смысле возможностей их эффективного использования. В нашей нынешней системе цен социалистического сектора немало следов необобществленного хозяйства. Разве система плановых заготовительных цен не носит на себе еще этих следов? Даже система цен, по которым заготавливаются сельхозпродукты у колхозов, означает иные пропорции обмена по сравнению с теми, которые установились бы, если бы в сельском хозяйстве были бы исключительно последовательно социалистические предприятия. А использование цены как рычага исполнения доходной части финплана, перераспределение дохода через цены на предметы личного потребления — разве это не вносит своих следов в систему цен? Между тем эта роль цены вытекает из задач социалистического строительства, в переходный период из наличия нэпа. Особая стимулирующая роль наценок и скидок, высоких и низких цен разумеется отнюдь не означает, что господствует закон стоимости и что движущим мотивом здесь является баффш: цена и ее стимулирующая роль являются у нас орудием плана пролетарской диктатуры, но эта специфическая стимулирующая роль цены отражает тот факт, что мы находимся еще только в начальном периоде социализма. Цена в наших государственных предприятиях, фабриках, заводах, совхозах является плановой, но все же она отражает в себе в той или иной степени условия ценообразования на предприятиях иного типа. То планирование цены последовательно социалистических предприятий, планирование, исходящее из ряда моментов, которые мы имеем, разумеется не может привести к точному совпадению цены с трудовыми затратами. Необходимо решительно подчеркнуть, что оно и не ставит себе сейчас такой цели.

Цена не воспроизводит в точности затрат труда, не только потому, что у нас еще не может быть соответственно налажен трудовой учет, но и потому, что именно через куплю-продажу и цену в значительной мере осуществляется распределение продуктов труда. Отсюда следует, что цена не только выражает затраченный в данном предприятии труд, но выражает и то количество продуктов труда, которое данное предприятие должно получить в обмен за реализацию своей продукции.

Цена включает определенную «прибыль» (в отличие от «себестоимости», которая этой прибыли не включает). Эта «прибыль» обычно не соответствует в точности тому количеству труда, которое в предприятии затрачено сверх того, что требуется для восстановления произведенных производственных расходов. В условиях же прямого распределения с отпадением купли и продажи цена будет заменена таким счетным выражением труда, которое будет со всей полнотой и четкостью отражать трудовые затраты.

Цена представляет собой выражение определенных меновых пропорций. Цена

в СССР отнюдь не является единственным способом распределения. Разумеется и бюджет, и кредит, и другие рычаги вносят существенные изменения, но все же роль цены как способа распределения, роль поступления денег от продажи продуктов огромная на нынешнем этапе и в отношении наших государственных предприятий. Отсюда значение уровня и системы цен для денежного накопления в этих предприятиях, отсюда известное стимулирующее значение цены для производства того или иного ассортимента (хозрасчет).

Необходимо подчеркнуть, что цена и на нынешнем этапе является не только косвенным выражением труда, но и выражением того, что продукты труда поступают к потребителю, пройдя через сферу обращения.

Наличие сферы обращения и косвенное выражение труда составляют единство. Поэтому перестройка системы учета, т. е. полная замена денежного учета трудовым и введение прямого распределения вместо советского товарооборота находятся в теснейшей органической связи. Это единство разумеется не означает полного, абсолютного тождества.

Не исключено например, что замена денежного обращения и советской торговли прямым распределением произойдет ранее, чем полная замена денежного учета трудовым учетом. Однако если в условиях прямого распределения и сохраняются известные остатки учета в косвенном, в денежном выражении, то здесь «деньги» сохраняют по существу лишь счетное значение (о деньгах тогда можно будет говорить лишь сугубо условно). Денежное выражение продукта будет весьма и весьма приближаться к точному воспроизведению действительного трудового содержания продуктов. Словом денежный учет будет тогда являться лишь временно сохраняемой формой трудового учета. Трудовой учет будет тогда по существу уже господствовать.

Итак цена в наших государственных предприятиях отнюдь не является «внешней», пустой формой. Поскольку государственные предприятия обмениваются между собой на основе купли-продажи, постольку цена является чрезвычайно существенным способом распределения ресурсов, цена тем самым неотделима от всей системы планового контроля рублем, который составляет столь существенную черту нынешнего хозрасчета. То развертывание и укрепление хозрасчета и контроля рублем, которое мы имеем на нынешнем этапе, означает соответствующее использование цены как орудия планирования в условиях начального периода социализма, означает приведение цены в большее соответствие со всей системой хозрасчета. Это требует соответствующей перестройки системы отпускных цен на основе развертывания хозрасчета. Это требует, чтобы денежная выручка от реализации своей продукции играла большую, чем до сих пор, роль в возмещении производственных затрат. Для этого цены государственных предприятий (речь идет об отпускных ценах, а отнюдь не розничных) должны быть в большей степени приведены в соответствие с плановой себестоимостью. Разумеется для тех, кто не понимает сущности хозрасчета, является безразличным, с точки зрения народного хозяйства в целом, будет ли получать отдельная отрасль производства или отдельное производственное объединение убыток от реализации своей продукции по чрезмерно низким ценам, убыток, компенсируемый в виде государственных дотаций, или это производственное объединение будет отпускать свою продукцию по более высоким ценам, в большем соответствии со своей плановой себестоимостью и тем самым будет избавлено от необходимости получать компенсацию за понесенный убыток в виде государственных дотаций. Между тем разница между обоими случаями огромна. Одно дело, когда производственное объединение всеми силами стремится подтянуть свою себестоимость к плановому «контролю рублем», связанному с реализацией продукции. Другое дело, когда предприятие автоматически получает бюджетные дотации,

покрывающие убыток (речь идет в данном случае не о финансировании капитального строительства по линии развертывания нового производства, а о покрытии производственных расходов). При том отрыве цены от плановой себестоимости, о котором идет речь, производственные объединения не могут в достаточной мере увязывать в единую систему плановую себестоимость с ценой. Система цен, выручка от продажи продукции не могут в достаточной мере являться тем орудием планового «контроля рублем», каким они должны быть. Отсутствует достаточная возможность для той максимальной активизации цены как орудия плана, как орудия стимулирования производства определенного ассортимента орудия, которое может и должно играть в наших условиях колоссальную роль. Между тем в настоящее время мы имеем по линии отпускных цен сплошь и рядом значительный их отрыв от плановой себестоимости, мы имеем ряд убыточных отраслей, убыточных производств, мы имеем огромный разрыв рентабельности между отдельными изделиями внутри одного объединения. Наряду с весьма убыточными продуктами мы имеем продукты, дающие колоссальную прибыль. Подчеркиваю, что здесь речь идет не о розничных ценах, а об отпускных. Отпускные цены должны быть в максимальной степени увязаны с плановой себестоимостью. При этом чрезвычайно важно максимальное доведение такой системы цен до низового производственного звена, чрезвычайно важна максимальная дифференциация цен по линии ассортимента, в смысле стимулирования производства определенного ассортимента. Необходимо связать цены на отдельные продукты с доведением хозрасчета до цеха и бригады сомкнуть стимулирование по линии цен со стимулированием оплаты труда определенных профессий и т. д.

Именно потому, что купля-продажа в государственных предприятиях не является формальным моментом, цена может и должна быть весьма существенным орудием планового контроля рублем.

Разумеется, с точки зрения «левых» оппортунистов, подобная трактовка роли цены означает отказ от планирования, возврат к так называемому «коммерческому расчету» первого этапа нэпа, даже переход к господству рыночной стихии и т. д. и т. д. Это вполне естественно для тех, кто противопоставляет хозрасчет плану и не понимает, что осуществление хозрасчета усиливает позиции социалистического планирования, что цена при правильном ее использовании может явиться чрезвычайно существенным орудием укрепления планирования. Они не понимают, что развитие хозрасчета и укрепление планирования цены как орудия контроля рублем сейчас, в 1931 г., хотя бы уже потому не напоминает развертывания коммерческого расчета в 1921—1922 гг., что то развертывание хозрасчета и использование цены как его орудия проходит сейчас при совершенно ином соотношении социалистического и частного сектора, при совершенно иной роли частного рынка. Это соотношение в настоящее время, как «небо от земли», отличается от того соотношения, которое имело место в начале нэпа. Необходимо решительно подчеркнуть, что проводимое сейчас развертывание товарооборота в пределах социалистического сектора представляет собой явление, коренным образом принципиально отличающееся от развертывания товарооборота по линии частного сектора, частной торговли, «вольного рынка».

6. О путях перехода в будущем к системе прямого распределения

Некоторые товарищи рассматривают социалистические отношения статически, а не диалектически, не в развитии. Они упускают что момент перехода средств производства в общественную собственность еще не означает, что сразу труд принял форму законченного непосредственного обобществления, позволяющую отказаться уже от товарооборота и денежного обращения.

Поэтому некоторые из этих товарищей доходят до полного отрицания того, что продукт, производимый в социалистических предприятиях, носит в себе

элементы товара. Во всяком случае они рассматривают меновые операции наших социалистических предприятий по существу как операции прямого продуктообмена, имеющие лишь чисто внешнюю товарную оболочку. Обращение денег между социалистическими предприятиями они сводят по существу к функционированию «расчетных знаков» с исключительно внешней денежной оболочкой, цена по их мнению имеет здесь чисто «внешнее», чисто «номинальное» значение. Это «внешняя» товарно-денежная оболочка по их мнению держится непосредственно и исключительно фактом существования рядом с социалистическими предприятиями единоличных.

Между тем ошибкой является рассматривать цену и элементы купли-продажи в госпредприятиях как нечто чисто «внешнее», существующее только лишь благодаря наличию необобществленного еще хозяйства рядом с госпредприятиями. Из этой точки зрения обычно делается вывод, что если бы не значительный удельный вес индивидуального хозяйства в СССР, то в государственном секторе установилось бы сразу автоматически прямое распределение и товарно-денежная форма сразу отпала бы как шелуха. Эта концепция исходит из механистической трактовки соотношения секторов в СССР, из механистической трактовки соотношения производства и обмена. Единство процесса воспроизводства мыслится в этой концепции чисто механическим, осуществляемым лишь на рынке, через рыночное «равновесие». На одном полюсе мыслится такой способ производства, который уже позволяет установить прямое безденежное распределение, а на другом — такой способ производства, который порождает товар и деньги, притом в «чистом», классическом виде.

Эти товарищи по сути воспроизводят методологию «двух регуляторов», поскольку у них в одном секторе чистые расчетные знаки, в другом — «чистые» деньги. Они мыслят себе соотношение плана и товарной формы грубо механистически.

Такова первая механистическая ошибка тех, кто трактует цену и куплю-продажу в государственных предприятиях исключительно как «внешнюю форму».

Вторая механистическая ошибка некоторых товарищей заключается в том, что они в самой грубой и вульгарной форме разрывают единство производства и обмена в социалистическом секторе. Механически отрывая денежно-товарную форму от социалистических производственных отношений, рассматривая ее исключительно как форму, представляющую мелкотоварное или капиталистическое производство, они отрывают торговлю социалистических предприятий от социалистического производства. Обмен у них начинает жить совершенно обособленной жизнью. Они совершенно забывают об единстве производства и обмена и о примате производства над обменом.

Рассматривая цены и куплю-продажу в социалистических предприятиях как нечто совершенно оторванное от социалистических производственных отношений, рассматривая их исключительно как момент мелкотоварных или даже капиталистических отношений, эти товарищи тем самым отрывали форму советского товарооборота от его социального содержания.

Если товар и деньги носят на себе печать способа производства лишь индивидуального хозяйства, если это так, то природа рынка, товара, денег в СССР должна соответствовать природе рынка, товара и денег капиталистического хозяйства. Между тем особенностью товара и денег на нынешнем этапе как раз является то, что они функционируют при преобладающем значении социалистических производственных отношений. Совершенно ошибочно мнение и тех, кто рассматривает цену и элементы купли-продажи в наших социалистических предприятиях как некую «техническую категорию». Разумеется такая установка является вульгарно механистической. Все эти товарищи упускают из виду, что цена, купля-продажа как формы хозяйственной связи являются существенными момен-

тами в способе планирования социалистического производства в хозрасчете. Цена, купля-продажа являются моментами хозрасчета. Хозрасчет является формой планирования, формой социалистической организации труда. Цена, купля-продажа государственных предприятий являются таким образом орудием плана. Но план не является чем-то внешним, чуждым, механически навязанным извне самим производственным отношениям.

Неправы товарищи, ограничивающиеся плоским утверждением, что план является законом движения нашего хозяйства, и на этом с победоносным видом ставящие точку. Сказать слово «план», значит сказать еще очень мало. Нужно расшифровать, в каком плане здесь идет речь, что является объектом планирования, в каком направлении осуществляется планирование. Планирование является формой осуществления закономерностей построения социализма, но разумеется не внешней формой, а диалектической. Через планирование осуществляется процесс социалистического обобществления производства на базе индустриализации. Формы планирования представляются особыми формами развертывания социалистических производственных отношений. План является орудием в руках пролетарской диктатуры для осуществления этих закономерностей. Необходимо подчеркнуть, что это орудие не представляет собой внешней, извне приносимой формы, это орудие неотделимо от самых производственных отношений. План находится в диалектическом единстве с самим общественным трудом. План характеризует самый социалистический способ производства и потому неотделим от закономерностей построения социализма, потому он и присущ самому закону движения социализма, социалистического обобществления. Мы имеем плановые закономерности, плановое движение к социализму.

Это отступление в сторону нам понадобилось для того, чтобы подчеркнуть, что хозрасчет, цена, купля-продажа как формы планирования не могут быть механически оторваны от самих производственных отношений; между тем некоторые товарищи либо выхолащивают из нынешнего хозрасчета его историческое содержание, и в частности «контроль рублем», отрывают хозрасчет от товарооборота и денег, либо рассматривают хозрасчет и товар как чисто «внешнюю» категорию для социалистических производственных отношений нынешнего этапа.

Между тем плановая цена в социалистических предприятиях органически связана с «контролем рублем».

«Контроль рублем» это не «контроль расчетным знаком». И те товарищи, которые не видят здесь глубокого принципиального различия, не понимают сути нашего хозрасчета, не понимают его исторического характера, не понимают, что «хозрасчет означает, что мы еще работаем в условиях нэпа, что нэп еще не изжили» (Молотов).

Эти товарищи не понимают, что попытки ввести несвоевременную для данного этапа систему прямого распределения и вызванный этим автоматизм имели место не только в потребкооперации, но и по линии снабжения госпредприятий. Внедрение хозрасчета на основе договоров, с куплей-продажей, с известной автономностью предприятий положило этим попыткам конец и создало условия для подлинного, а не формального планового «контроля рублем».

Мы остановились так подробно на этих ошибочных рассуждениях именно потому, что они не являются чисто «академическими», не являются лишь пустым спором о словах, поскольку из них могут быть сделаны определенные политические выводы. Из них вытекает, что один факт социалистического обобществления даст нам сразу прямое распределение и прямой продуктообмен. Поскольку же года через два в основном закончится сплошная коллективизация, переход к прямому распределению ставится таким образом как весьма близкая задача. Отсюда ряд выводов в отношении всей системы планирования, учета и контроля, всей системы обмена и распределения.

Искусственно «по-«левацки» упрощая проблему перехода на прямое распределение, эти товарищи логически «перескакивают» через необходимые звенья, предпосылки этого перехода. Они по-оппортунистически замазывают те сложнейшие задачи, которые помимо задачи перестройки мелкотоварного сектора и ликвидации капиталистического стоят в пределах самого социалистического сектора по линии организации труда, перестройки системы планирования, учета, контроля, для того, чтобы были созданы предпосылки для замены товарной формы формами прямого безденежного распределения.

«Левый» оппортунизм в теории и на практике снова может вспыхнуть по линии скоропалительного свертывания советской торговли, по линии выхолащивания из хозрасчета «контроля рублем», по линии ослабления денежной системы (замены денег расчетным знаком), по линии бюрократического централизма и т. д.

По всем этим попыткам разумеется партия основательно ударит, но последствия их могут все же сказаться в смысле ослабления борьбы с обезличкой, уравниловкой и т. д. Хотя правооппортунистическая опасность и является главной на современном этапе, но разоблачение «левацких» установок в области обмена и распределения представляет весьма значительную актуальность, поскольку развернутый анализ этих установок проделан еще далеко недостаточно. Абсолютно неверно связывать наличие советской торговли обязательно с наличием частного рынка. Мы в настоящее время быстрыми темпами идем к разворачиванию советской торговли без частного рынка. Разворачивание советской торговли будет продолжаться и в условиях полной коллективизации, с весьма ограниченной ролью индивидуального хозяйства.

Деньги у нас не сразу еще исчезнут и после того, как они потеряют способность превращаться в капитал.

Мы накануне завершения в основном сплошной коллективизации, накануне полного закрытия каналов воспроизводства капиталистических отношений, и вместе с тем мы отнюдь не собираемся отменять денежной системы. Денежно-товарная форма будет существовать не только в течение нынешней пятилетки, но задача укрепления рубля останется актуальной и на период, выходящий далеко за ее пределы. Разумеется завершение сплошной коллективизации скажется на характере денежно-товарной формы.

Переход от денежного учета, от купли-продажи к прямому распределению, переход от «контроля рублем» к прямому безденежному контролю — дело весьма сложное. В предприятиях последовательно социалистического типа требуется предварительное прохождение школы хозрасчета, школы контроля рублем, тем более это относится к колхозам, даже обобществившим все производство. А между тем колхозная форма еще сохранится ряд лет.

Противоположность между городом и деревней будет еще существовать ряд лет. Лишь к концу второй пятилетки предполагается в основном ее изжить. Уже сам по себе этот факт означает, что переход к прямому распределению — дело ряда лет.

Если колхозник за свой труд будет получать денежную оплату, то поскольку эти расходы на оплату труда являются существеннейшей частью всех расходов колхоза, колхозы должны будут учет всех своих расходов вести в денежной форме. Денежный учет имеет здесь смысл именно как всеобщий, охватывающий все хозяйство. Мало того, колхозники должны связывать денежные суммы, получаемые за их труд, со всей денежной выручкой (цена и количество продукции) колхоза за реализованную колхозную продукцию.

Колхозник, получивший деньги за свой труд, предъявит деньги снабжающей его потребкооперации, которая передаст их колхозам за сельхозтовары и передаст их за промтовары промышленности, нуждающейся в деньгах для расплаты с

колхозами. Таким образом здесь налицо необходимость в обращении денег во всем народном хозяйстве. Потребкооперация должна будет в этих условиях вести свои операции в денежной форме, на основе советской торговли. Этому должна соответствовать денежная оплата труда в промышленности, в госаппарате и т. д.

Попытки перейти сейчас, на данном этапе вместо советской торговли к прямому продуктообмену и прямому распределению неизбежно должны были вылиться в попытки установить сплошное нормирование товаров. Это было неизбежно потому, что при наличии миллионов индивидуальных хозяйств, при наличии классовой борьбы, при наличии товарного дефицита, при наличии спекуляции, при всех этих условиях попытки фактической отмены денег естественно должны быть направлены на то, чтобы лишить деньги всякого свободного «доступа» к продуктам посредством всеобщей нормировки отпуска продуктов в одни руки. Разумеется действительный путь к прямому продуктообмену и прямому распределению лежит не через эту сплошную нормировку и бронировку, а прежде всего через включение всех потребителей-трудящихся в единую «ассоциацию производителей» и регулирование объема их потребления через систему оплаты их труда. Таким образом прямое социалистическое распределение вопреки буржуазным представлениям о нем (и в частности вопреки представлениям вредителя Юровского) отнюдь не сводится к ограничению отпуска отдельных продуктов в одни руки, а к приведению всей потребляемой трудящимися суммы продуктов в соответствие с количеством и качеством затраченного им труда.

Попытки введения прямого распределения тогда, когда для этого не созданы соответствующие условия, неизбежно должны выливаться в сплошную нормировку, следовательно в бюрократизацию дела снабжения, в «замораживание» товарооборота, в омертвление фондов снабжения, в создание искусственного дефицита, искусственно взвинченного спроса, излишних очередей, заминок и т. д. Система снабжения при этом настолько усложняется, становится настолько громоздкой, неповоротливой, что крайняя бюрократизация снабжения становится неизбежной.

Эта бюрократизация, ослабляющая плановое начало, и является признаком невозможности действительного введения прямого распределения и прямого продуктообмена на нынешнем этапе. Вытекающая из попыток бюрократического введения прямого распределения всеобщая нормировка продуктов, «замораживая», бюрократизируя оборот, неизбежно ведет ко все большей уравниловке в снабжении. Эта уравниловка, как известно, отнюдь не является признаком прямого социалистического распределения.

Всеобщая нормировка, вводившаяся нашими кооператорами, была по существу шагом назад и не только не укрепляла, но ослабляла предпосылки перехода к прямому распределению. Всеобщая нормировка неизбежно вступила в противоречие с принципом оплаты «по работе», бюрократизировала и «автоматизировала» систему распределения, усилила уравниловку и обезличку (об этом ниже).

Говоря о прямом распределении, которое в будущем заменит советскую торговлю, разумеется необходимо подчеркнуть, что речь идет о социалистическом распределении пропорционально затраченному труду. Отсюда и основное значение социалистического обобществления производства для перехода на прямое распределение.

Социалистическое обобществление на базе индустриализации, осуществляемое в ожесточенной классовой борьбе, ведет в конечном итоге к уничтожению классов, к единому способу производства, к единому типу дохода, к единой системе снабжения (что отнюдь не означает уравниловки), изживает товарный дефицит и спекуляцию и тем самым создает условия к снятию в дальнейшем и того ча-

стичного нормирования отдельных продуктов, которое на данном этапе является еще абсолютно необходимым. Тем самым, с одной стороны, упрощается задача перехода аппарата на рельсы прямого распределения и, с другой стороны, самый аппарат в результате прохождения школы советской торговли, в результате перестройки становится способным к выполнению этих задач.

Социалистическое обобществление производства на базе индустриализации, ликвидация кулачества как класса, изжитие товарного дефицита и накопление товарных ресурсов, закрытие каналов, питающих «вольный рынок», политическая, экономическая, организационная, техническая, культурная перестройка аппарата обмена, распределения, учета, овладение школой хозрасчета и советской торговли — все это необходимые условия перехода к системе прямого продуктообмена и прямого распределения. Все эти условия органически связаны друг с другом и взаимно друг друга подкрепляют. Ключом развития всех этих необходимых условий является разумеется социалистическая индустриализация.

Большевистские темпы дальнейшего развертывания мощной социалистической индустрии и основанное на этом дальнейшее развертывание совхозов, колхозов, МТС, дальнейшее развертывание сплошной коллективизации как основы, на которой совершается ликвидация кулачества как класса, — являются основным условием дальнейшего перехода в конечном итоге к прямому распределению. Именно этот путь выкорчевывает корни капитализма, закрывает и ликвидирует «все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается прежде всего капитал» (Сталин).

Именно этот путь смыкает промышленность и сельское хозяйство в единое целостное социалистическое хозяйство, еще больше укрепляет производственную связь города и деревни и тем самым непосредственное оперативное планирование сельскохозяйственного производства как предпосылку дальнейшего перехода в будущем к прямому продуктообмену между городом и деревней.

Итак основной предпосылкой перехода на систему прямого распределения является замена социалистическим способом воспроизводства мелкотоварного и капиталистического. Сюда относится социалистическая переделка мелкотоварного хозяйства и ликвидация капиталистического. Сплошная коллективизация деревни, все большая замена индивидуального хозяйства колхозников обобществленным, коллективизация кустаря, ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации — являются выражением этих процессов.

Все эти процессы закрывают каналы для воспроизводства классов, для воспроизводства капитала и закрывают каналы для частного рынка. Но достаточно ли перечисленных моментов социалистического обобществления для перехода на прямое безденежное распределение, для замены им советской торговли и денежного обращения? Разумеется нет. Необходимы еще определенные предпосылки в пределах социалистических предприятий. Сюда относится не только развитие коллективных социалистических предприятий в сторону последовательно социалистических.

Возникновение и развитие этих предпосылок выражается в том, что меняются методы планирования, учета и контроля.

Социалистическое обобществление производства и всеобщее распространение социалистического принципа распределения «по работе» не могут сами по себе, чисто автоматически изжить элементы товара. Требуется особая, чрезвычайно сложная перестройка сферы обмена, распределения, планирования, учета и контроля. Разумеется эта перестройка является «надстроечной», производной по сравнению с основным процессом — социалистическим обобществлением производства на основе индустриализации, с процессом ликвидации классов.

Нельзя механически разрывать процесс социалистического обобществления, происходящий вне последовательно социалистических предприятий, от разви-

тия тех предпосылок к прямому безденежному распределению, прямому трудовому учету и прямому безденежному контролю, которые должны быть созданы и укреплены в самих последовательно социалистических предприятиях. Ведь создание этих предпосылок неотделимо от основного условия перехода на законченную систему прямого распределения. Это основное условие заключается в возможности непосредственно учитывать и распределять труд во всем народном хозяйстве, в возможности сводить различные конкретные затраты труда к единому общественному знаменателю. Но единство этих двух процессов не означает их абсолютного тождества.

Систему законченного социалистического обобществления нужно еще фактически реализовать в сфере распределения, в системе планирования, провести перестройку во всех звеньях. Непосредственное обобществление труда получит более законченную форму. Труд станет возможно в прямой и непосредственной форме учитывать и распределять. Отпадет и денежная форма оплаты труда. Отпадет необходимость контролировать трудовой процесс через такой косвенный показатель, как рубль. Словом, должна значительно измениться вся система распределения оплаты труда, вся система учета труда, контроля над трудовым процессом. Без всего этого планирование процесса воспроизводства должно будет и впредь осуществляться при наличии такого рычага, как денежное обращение, как элементы советского товарооборота. Работает это изменение всей системы планирования сможет осуществиться лишь на базе социалистического обобществления во всем народном хозяйстве.

Советская торговля на нынешнем этапе является школой к прямому социалистическому распределению. Нынешний хозрасчет является школой для перехода к прямому социалистическому контролю и учету. «Нужно очень много технических и, что гораздо труднее и гораздо важнее, организационных завоеваний, чтобы уничтожить деньги»¹⁹.

В своем ответе на один из вопросов французской рабочей делегации т. Сталин отмечает, что для изживания денег требуется наряду с социалистической индустриализацией, с коллективизацией сельского хозяйства на базе технического его переоборудования также и следующее:

«...Нам нужно наладить такой передаточный распределительный аппарат между городом и деревней, который был бы способен учесть и удовлетворить потребности города и деревни всей страны, также как каждый человек учитывает у себя свой бюджет, свои расходы и доходы»²⁰.

Проблема подготовки аппарата распределения, проблема качества планирования производства, обмена, распределения, планирования потребления города и деревни приобретает особое значение.

Дальнейшее развитие и укрепление низового оперативного планирования, действительное доведение планирования, учета и контроля «до станка», до «рабочего места» является одним из существенных условий перехода к прямому социалистическому учету, к прямому распределению.

Существенным условием, подготовляющим замену советской торговли прямым распределением, является также развитие комплексного планирования на основе социалистического комбинирования производства, теснейшим образом связывающего различные отрасли хозяйства.

Огромное значение приобретает сейчас разработка теории и практики социалистического учета и в частности развитие элементов трудового учета.

Огромное значение сейчас приобретает разработка наряду с усовершенствованием денежного учета также и практики равертывания и дифференциации системы натуральных показателей в планировании (что отнюдь не умаляет всего

¹⁹ Ленин, Собр. соч., т. XVI, с. 209.

²⁰ Сталин, Вопросы ленинизма, с. 378—379.

значения денежного учета, его укрепления и улучшения), элементов трудового учета, введения практики счета в трудочасах, станкочасах и т. д. Переход к прямому социалистическому учету и прямому распределению требует радикальной перестройки методологии учета, развития трудового и натурального учета, радикальной перестройки самой техники учета, требует между прочим и создания мощной счетной механической базы, механизации учета, широкого внедрения в практику учета счетных машин.

Кроме социалистического обобществления производства и дальнейшего непосредственного обобществления труда в социалистических предприятиях и в теснейшей диалектической связи с этими процессами выступает такая существенная предпосылка, как подъем уровня производительных сил, уровня индустриализации.

С этим связана и возможность социалистического обобществления производства. Уже из того факта, что прямое социалистическое распределение требует социалистического обобществления всего производства, следует, что оно зависит и от состояния производительных сил, так как социалистическое обобществление всего производства должно возникнуть на базе высокого уровня индустриализации.

Однако этим связь прямого распределения с состоянием производительных сил не исчерпывается.

Требуется определенное количество продуктов, обеспечивающее социалистический принцип распределения. Социализм предполагает систематический рост удовлетворения потребностей трудящихся.

При переходе от первой фазы коммунизма к высшей количество продуктов также выступает как весьма существенная предпосылка этого перехода.

Для замены советской торговли прямым социалистическим распределением требуется наличие соответствующих ресурсов распределения. Этот момент подчеркивал Энгельс и Ленин.

Ленин подчеркивал, что для замены торговли иной формой обмена и распределения требуется наличие «великолепной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов», индустрии способной (и по техническим условиям и по «организационным надстройкам и сопутствующим явлениям») снабжать «лучшими продуктами в большом количестве, быстрее и дешевле, чем прежде».

Энгельс в своем письме Конраду Шмидту издевался на теми социалистами которые, говоря о прямом социалистическом распределении, трактуют его не материалистически, забывая о материальном объекте распределения, о самих продуктах, подлежащих распределению, о количестве этих продуктов.

«Способ распределения существенным образом зависит от количества вещей, подлежащих распределению... это количество конечно меняется вместе с процессом производства и общественной организацией»²¹.

Количество продуктов имеет огромное значение для перехода на прямое распределение. Во-первых, по линии средств производства оно представляет условие социалистического обобществления мелких товаропроизводителей. Во-вторых, по линии средств потребления оно означает устранение дефицита позволяющее не применять нормировки выдачи отдельных продуктов в одни руки, оно означает наличие необходимых ресурсов полного осуществления принципа распределения «по труду», оно означает возможность предупреждения заминок в выдаче предметов потребления, оно означает возможность соответствующего роста материально-бытового уровня работников, что несомненно является существенным признаком социалистической экономики. Рост товарных ресурсов в руках социалистического сектора на нынешнем этапе означает изживание товарного дефицита, питающего «вольный рынок», означает возмож-

²¹ Энгельс, Письмо Конраду Шмидту, 5 августа 1890 г.

ность снятия тех нормировок, которые еще сохраняются. Связь способа распределения с состоянием производительных сил проявляется и по линии материально-технической базы распределения, индустриализация которой является необходимым условием прямого социалистического распределения и основывается на соответствующем уровне индустриализации страны.

Мощная индустриальная база распределения, разветвленная распределительная сеть является существенным условием той рационализации обслуживания потребителя, которая необходима для перехода на прямое распределение.

Требуется соответствующая перестройка аппарата распределения. Сюда относится овладение школой рационального обслуживания потребителя, улавливания его запроса, формирования ассортимента, рационального и быстрого продвижения продуктов, установление действительного массового контроля потребителя над аппаратом снабжения, выкорчевывание остатков бюрократизма.

Овладеть всем этим можно лишь пройдя основательную школу советской торговли. Крайне ошибочно было бы, не овладев техникой обслуживания потребителя на основе советской торговли и не создав мощной индустриальной технической базы снабжения (склады, холодильники, магазины, предприятия общественного питания и т. д.), переходить к новой форме снабжения. Процесс перестройки без этих предпосылок, особенно учитывая особую «чувствительность» системы прямого распределения к бюрократическим извращениям, привел бы к бюрократическому, а не действительному переходу на прямое распределение. Аппарат распределения должен в совершенстве овладеть техникой распределения, что разумее всего предполагает определенную ступень квалификации и культурного уровня работников распределения. Высокая техника распределения должна обеспечить от искусственных заминок и заторов в выдаче продуктов, обеспечить быстроту, точность и экономию в обслуживании потребителя, тщательное удовлетворение его запросов на основе максимального учета потребного ассортимента. Все это предполагает осуществление действительного контроля потребителя над аппаратом распределения.

Выше уже было отмечено, что для перехода на рельсы прямого распределения вместо советской торговли требуется еще предварительно на деле развернуть методы советской торговли, т. е. фактически реализовать социалистическое обобществление. Кооперация, зараженная бюрократизмом и торгашеством, представляет собой несомненно более низкую ступень обобществления, чем кооперация, работающая методами советской торговли.

Итак требуются четыре комплекса предпосылок замены советской торговли прямым распределением: во-первых, замена индивидуального производства социалистическим и связанное с этим вытеснение частного рынка, во-вторых, соответствующее развитие производительных сил (социалистическая индустриализация), в-третьих, овладение техникой распределения, в-четвертых, завершение непосредственного обобществленного труда в социалистическом секторе и связанная с этим замена хозрасчета законченным прямым социалистическим контролем и учетом. Процесс замены советской торговли предметами личного потребления, их прямым распределением теснейшим образом связан с процессом развертывания новых форм учета, контроля и распределения в последовательно социалистических предприятиях.

От редакции:

В № 6 журнала «Проблемы экономики» в статье Люблинецкого на с. 108 абзац со слов «Непомерно низкие цены на с.-х. продукты...» до абзаца «Автомобильная промышленность» следует читать на стр. 109 после абзаца «Экономическая политика еще довершает упадок...».